

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №2(12)
ПОЛЕ
2014
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

**Первая
Мировая
100 лет**

Александр Дурасов. Свет и тени 6
Александр Левицкий. Почему я – русский 29

**ИНФО - поле
АРП РМ**

Фестиваль «Бессарабская осень» 33

Поли-ART

Спешите делать добро... *Интервью с
Константином Константиновым* 40

**Пушкинская
горка**

Татьяна Некрасова. Одним глазком 51

**Поле
притяжения**

Дмитрий Градинар. Галицийские сны 58

**Ближние
зарубежья**

Республика Беларусь. Авторы журнала
«Новая Немига литературная» 78

Casa mare

Владимир Бесхлебный. Одуванчик, мокрый,
как собака... 116
Наталья Бесхлебная. Таинство таянья 120

	Забвению не подлежит	Пётр Шорников. Подполье в действии 106
	Осторожно: история!	Алексей Петрович. А дома поныне всё ждут их... 124
	Болевая точка	Анатол Бырса. Аз есмь 127
	В Россию! В Россию!	Интервью с представителем Федеральной миграционной службы Российской Федерации в Республике Молдова Тамарой РОЩИНОЙ 144
		Регионы Дальневосточного федерального округа Российской Федерации, участвующие в Государственной программе переселения 148

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Редколлегия: *Сергей Пагын, Виктория Чембарцева,*
Татьяна Орлова-Волошина, Виктория Алесенкова,
Марина Сычёва.

Литературный редактор: *Нелли Торня*
 Корректор: *Антонина Иванова*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"
г. Кишинёв, ул. Фердедулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

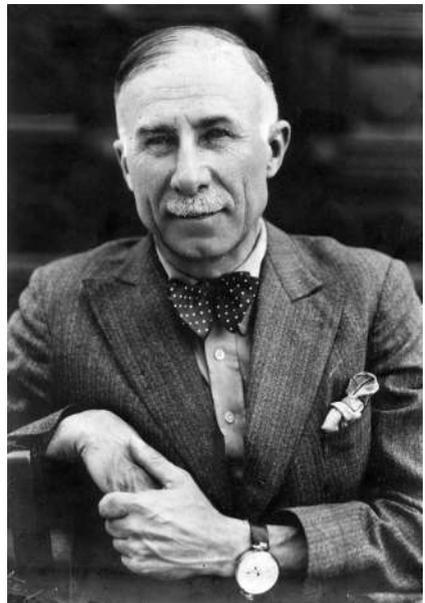

Первая Мировая 100 лет

«СВЕТ И ТЕНИ»

Предисловие к публикации

Автор неопубликованного романа-хроники «Свет и тени» Александр Владимирович Дурасов – профессиональный военный-конногренадёр, эмигрант, писатель. Он родился 23 августа 1886 года. Окончил Второй Московский кадетский корпус, затем Елисаветградское кавалерийское училище. В звании младшего лейтенанта Александр был принят в лейб-гвардии Конно-гренадёрский полк. В этом полку, в составе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, он участвовал в Первой мировой войне. Воевал на Северо-Западном фронте, был ранен пулей в шею. Его спасла от неминуемой гибели накрестная иконка святого Александра Невского. Дурасов дослужился до звания полковника, стал помощником командира Конно-гренадерского полка. До революции (в 1917 г.) Александр Дурасов окончил Военно-юридическую академию. Жил он в центре Москвы, в одном из переулков, выходящих на Покровский бульвар. Здесь в 1801

году по заказу его прапрадеда, бригадного генерала Алексея Дурасова, женатого на дочери баснословно богатого горнозаводчика, один из архитекторов школы М. Казакова воздвиг розовый дворец с шестиколонным портиком, опирающимся на белокаменный цоколь. Усадьба с хозяйственными постройками и парком занимала целый квартал. Сейчас этот переулок называется Дурасовским. Трёхэтажное здание существует и поныне. Дом Дурасовых считается одним из архитектурных шедевров зрелого классицизма в Москве.

В 1918 году Александр Дурасов был в Крыму в командировке, связанной с организацией белогвардейского движения. Интересная деталь... Мне удалось найти список членов офицерского собрания Конно-гренадёрского полка. Штабс-ротмистр Дурасов был зачислен в офицерское собрание полка в 1905 году. А ещё в 1899-м в это же собрание был принят ротмистр, некий барон Врангель Отто Вильгельмович. Я не знаю, кем он приходился будущему главнокомандующему Русской армией генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Врангелю, но предполагаю, что Дурасов был хорошо с Петром Врангелем знаком. Из биографии генерала известно, что в сентябре 1914-го он служил помощником командира всё того же лейб-гвардии Конно-гренадёрского полка. К тому же, по словам живущей в бельгийском городе Льеже дочери Александра Дурасова Майи, её отец воевал вместе с Петром Врангелем где-то на севере. В 1918 году

Врангель вступил в денкинскую Добровольческую армию. Поэтому вполне возможно, что пребывание полковника Дурасова в Крыму было связано с его контактами с бароном П.Н. Врангелем.

В Симферополе Александр случайно встретил Ксению Армфельт, которую любил ещё накануне русско-японской войны. Ксения была тогда 15-летней курсисткой Смольного института, её родители воспротивились браку дочери с военным. Ксения Армфельт-Бильдерлинг сообщила Александру Дурасову, что она стала вдовой и намерена эмигрировать во Францию. Увы, будучи военным, Александр не мог тогда последовать за возлюбленной. Они распрощались, как казалось им, навсегда. Ксения с сёстрами и братом мужа, двумя своими детьми и их няней покинула Россию на одном из английских судов. Галантный капитан-англичанин предоставил ей свою каюту.

После крымской командировки полковник Дурасов вернулся в Петроград, где снимал квартиру на Невском проспекте. После гражданской войны жизнь бывшего белогвардейца в революционном городе складывалась нелегко. В 1921 году Александр Владимирович чудом избежал ареста. Однажды, придя домой в свою питерскую квартиру, он увидел дверь опечатанной. Карауливший квартиру красноармеец оказался его бывшим солдатом-однополчанином. Служивец сообщил, что ему поручили арестовать Дурасова, и предложил полковнику бежать. Александр спешно отправился в город. В кафе он встретил друзей и рассказал им о своём безвыходном положении. Ему посоветовали немедленно покинуть Россию. Нужен был заграничный паспорт, его у Александра не было. Тогда один из друзей протянул Дурасову свой паспорт с готовой австрийской визой, так как сам он решил остаться в России из-за того, что жене в визе было отказано. К счастью, тогда в заграничные паспорта не клеивали фотографии их владельцев. Так Александр Дурасов покинул охваченную гражданской войной родину и оказался в Австрии. Вскоре «эмигрантская почта» доставила эту новость во Францию. Ксения Армфельт-Бильдерлинг, узнав о мытарствах друга, пригласила его погостить у них в Ницце. Александр приехал и... сделал Ксении предложение. Так родилась семья Дурасовых.

Эмигрантская жизнь на Лазурном берегу была далеко не лазурной. Большинство русских беженцев бедствовало, не имея ни работы, ни денег. Эмигранты часто посещали православный Собор святого Николая, построенный в честь сына императора Александра II, наследника русского престола цесаревича Николая Александровича, умершего в стоявшей на этом месте вилле. Как-то Александр увидел в местной газете объявление: требуются оклейщики обоев. Вдвоём с шурином Кириллом, одетые с иголки, в белых костюмах, они явились к работодателю-французу. Тот спустился к посетителям, полагая, что к нему пришли богатые клиенты. Услышав вопрос о работе, патрон недоверчиво спросил, приходилось ли господам когда-нибудь клеить обои и где? Те слукавили – да, в Москве... Им вручили рулоны с обоями, клей и большой стол. Посоветовавшись, горе-оклейщики решили, что стол им дали, чтобы на нём завтракать. Обои мазали клеем на полу. Когда пришёл представитель работодателя и спросил, почему стол стоит в стороне, смутившиеся «работяги» ответили, что в Москве обои клеят именно так. А после его ухода тотчас же решили купить бутылку вина и угостить работавших рядом итальянцев, чтобы те научили их клеить обои.

Семья Дурасовых жила в Ницце скромно, но не бедствовала. Здесь у них родились двое детей – сын Владимир и дочь Майя. Родители часто обменивались визитами с другими русскими эмигрантами. Александр Дурасов дружил с генерал-лейтенантом М. Свечинским, возглавлявшим в Ницце местный отдел русских военных инвалидов и организовавшим русский Инвалидный дом, где жили двадцать пять военных инвалидов. Ксения дружила с Екатериной Трубецкой. В гости к Дурасовым часто приходила Жанна Хесс, подруга княгини Екатерины Юрьевской, урождённой Долгорукой, вдовы императора Александра II.

В годы Второй мировой войны Дурасовым в Ницце приходилось нелегко. Многих русских эмигрантов потрясло объявление о начале войны Германии с Россией, огла-

шенное в воскресный день Всех Святых Российских. 6 июля 1941 года владыка Владимир с амвона призвал всех молиться о спасении страждущей Родины. В Ницце война ощущалась главным образом тем, что нечего было купить поесть. Голод военных лет подтолкнул Александра Дурасова к решению перевезти семью в более сытый по тем временам Париж. Подготовка длилась два года. Александр снимал комнату в одной из парижских гостиниц, Ксения отправляла ему по несколько открыток в день. Тем временем в Ницце немцы начали забирать всех юношей призывного возраста в армию для отправки на фронт. Сыну исполнилось 18 лет и его могли мобилизовать в любой момент. Александру Владимировичу в 1943 году удалось перевезти Володю в Париж и спрятать его за городом в американском военном госпитале. Помогли ему в этом знакомые русские, работавшие в госпитале. 6 июня 1944 года Ксения Дурасова с дочерью Майей выехали на поезде из Ниццы в Париж. Именно в этот день состоялась высадка Союзнических войск в оккупированную немцами Францию. Поезд был обстрелян американским самолётом из пулемёта. В возникшей панике Дурасовы потеряли все свои чемоданы, но, к счастью, никто не пострадал. Вместо запланированных 16 часов, переезд в Париж занял трое суток. На вокзале их не встретили, так как была объявлена воздушная тревога. Они с трудом добрались до дома сестры Ксении Тамары, жившей в большой квартире.

В послевоенные годы Александр Владимирович Дурасов руководил Русским кадетским корпусом-лицеем имени императора Николая II в Версале. Он был также заместителем председателя Общества старых офицеров лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Дурасов очень много читал, любил общаться с людьми. Говорил он красиво и практически на любые темы. Разговаривая с собеседником, он держал порой его за пуговицу, словно опасаясь, что ему не дадут высказаться до конца. При этом Дурасов никогда не боялся говорить людям правду в глаза. Многие его за это не любили. Он был прямым и открытым, и в то же время скромным и религиозным человеком. Проходя мимо церквей и соборов, Дурасов всегда крестился, к этому же приучал и своих детей. Он любил повторять, что жить надо по примеру Диогена, не придавая большого значения мирским ценностям.

7 мая 1955 года на 69-м году жизни Александр Дурасов умер в Париже. Его, русского офицера, отпевали в православном соборе святого Александра Невского... Похоронен полковник российской императорской гвардии Александр Дурасов на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. После него осталась неопубликованная книга мемуаров «1905 год». Кроме того, в Париже он писал сценарий к фильму о Франциске Ассизском и историю Конно-гренадёрского полка русской императорской гвардии. Эти произведения, к сожалению, утеряны. Рукопись неопубликованного романа-хроники «Свет и тени», написанного Александром Дурасовым в 1949–1954 годы в Париже, передана мне его дочерью Майей. Любопытная подробность – прапрадедом Майи Дурасовой по матери был Карл Мёрдер, первый воспитатель будущего императора-освободителя Александра II.

На одной из неизвестных могил кладбища, где покоится полковник Александр Дурасов, со времен первой волны русских эмигрантов сохранилась такая надпись: «Русские люди, где бы вы ни были, любите Россию – настоящую, прошлую и будущую и всегда будьте ее верными сынами и дочерьми».

Александр МЕЛЬНИК,

Президент Ассоциации «Эмигрантская лира»,
главный редактор одноименного литературно-публицистического журнала
(Бельгия)

Предлагаем вниманию читателя фрагменты из романа-хроники. Публикация подготовлена при содействии Александра Мельника и Оксаны Коношонкиной (Бельгия).

АЛЕКСАНДР ДУРАСОВ**СВЕТ И ТЕНИ**

* * *

...Я ложился в кровать и, как средство от бессонницы, из книжного шкафа князя Серпуховского выискивал какого-нибудь наискучнейшего немецкого философа. Часто в руки попадался Гегель. Положив три подушки одна на другую, полусидя-полулежа, направив свет переносной электрической лампы на страницы толстого тома, принимался за чтение. Сухие, туманно изложенные рассуждения отвлеченного германского ума заслоняли от меня мрачную российскую действительность. Все философы мелют чепуху, играют словами, как мячиками, перекидываются мыслями и идеями. Все равно, все они далеки от Истины, и ни один из мыслителей не в силах объяснить самую главную тайну Мироздания. Глубже из них всех, пожалуй, Кант. Он, по крайней мере, честно сознался, что сущность вещей непознаваема. Человеческий ум может строить об этой сущности тысячи более или менее остроумных гипотез и догадок, но, к сожалению, люди должны признаться, что эти догадки не есть та главная, основная Истина, знание и владение которой мы приписываем Богу. Это он, Кант, научил меня, что мы, люди, на окружающую нас Вселенную смотрим из своей узкой щелочки, и всё видим своими человеческими несовершенными глазами. И иным образом мы смотреть не можем. Мы не в состоянии понимать вещи по-Божески, объективно, а понимаем их своим человеческим умом и поэтому придаем вещам ложные свойства. Окончательное познание Истины, последнюю разгадку мира Кант отодвигает далеко в будущее. Когда-то, через сотни тысяч лет, на пластинках или пленке своего ума отдаленный потомок отобразит, как в фотографическом аппарате, недающуюся сейчас загадку Бога.

А вот Гегель изобрел хитроумный метод мышления и с немецким упорством и самонадеянностью пытается своим методом, как ключом, открыть непознанное, разгадать все загадки. Каждое понятие кладет на предназначенную полочку, приклеивает к нему нужный ярлычок и свой номер. Вместо Бога верит Гегель в Философию, в свой философствующий Ум. Говорит, что, только мысля по его, гегелевской, системе можно шаг за шагом, раскрывать Идею, познавать мир. Гегелю нет дела до того, настоящего, истинного Мира, который существует независимо от нас, сам по себе, и который познать нам, людям, не дано. Его интересует мир умственный, который есть создание нашего собственного ума; тот мир, познание которого стройно развивается при помощи выдуманного им, Гегелем, диалектического метода мышления. Каждое понятие называет Гегель тезисом, потом в противоположность тезису ищет антитезис, соединяет, как мужа и жену, тезис с антитезисом и от них рождает новое понятие – синтез. И так бесконечно, пока ум не устанет заниматься этой хитроумной мозговой гимнастикой, или так увлечется и заработается, что приведёт заигравшегося мыслителя к сумасшедшему дому. Зато немецкие студенты в восторге. Вот это ум! Вот так философ! Прямолинейно, стройными рядами, один за другим, как солдаты на параде, выстраиваются понятия: Бог, Душа, Бессмертие, Государство, История, Свобода воли... Умно, остро, логично, бесспорно! Восхищался не только прусско-солдатский ум «буршей», но и русские студенты. Московские молодые бары Николай Тургенев, Станкевич подпадали под строго-логичное обаяние наиумнейшего немецкого философа.

фа. А им-то, русским молодым людям, особенно восторгаться Гегелем не следовало бы. Этот заядлый типичный немец нас, русских, впрочем, как и все остальные народы, не считал за выразителей единой, последовательно развивающейся мировой культуры. По его мнению, лишь один Германский Национальный Дух есть наследник древних деспотий Азии и античных цивилизаций Греции и Рима. По Гегелю, германо-христианская цивилизация сияет как единственная историческая преемница «Всеобщего Духа, раскрывающегося во времени»... Остальные же народы – это навоз, удобрение для Германской Культуры.

Эх, глубокоуважаемый профессор, все ваши заблуждения происходят оттого, что вы такой ярый поклонник идеи государства. Для вас, как для большинства немцев, государство – всё. Я возражу вам так: главное дело не во внешних государственно-принудительных формах, а в духовной сущности нации. Пусть мы, русские, менее цивилизованны, чем вы, немцы, но мы, что бы там не говорили, мы духовнее вас! А духовность и есть самое главное! Внешне вы опрятнее нас, больше в вас наружного европейского лоска, а мы, хоть и звероподобные мужики, закутанные в свои вшивые полушубки, но душой мы чище, яснее, светлее всех вас, европейцев! Вы цивилизованнее нас, а мы культурнее. Между этими двумя понятиями – цивилизация и культура – есть разница, хотя едва уловимая.

Не бездушные юридические формы цивилизованного государства являются высшим достижением человеческого духа, а культурно-духовное, религиозное сознание. И мы, именно мы, русские, как полуазиаты, более других европейцев являемся истинными преемниками священных преданий вдохновенной Индии, религиозных учений Ассири-Вавилонян, мистически-загадочного света тайных святилищ Египта. В наших былинах слышится отголосок поэтической греческой мифологии, в наших обрядах, народных приметах и суевериях сохранилось многое от языческого Востока, от незапамятной вековой Древней Мудрости.

Можно спросить у почтенного немецкого философа: «А как же большевизм? Это тоже культура?» На мой взгляд, Гегель должен был бы признать большевизм культурой, поскольку он есть «историческое явление, проникнутое идейным содержанием». Ведь знаменитое гегелевское изречение гласит: «Всё, что разумно, то действительно; что действительно, то разумно». Не все же большевики поголовно скоты, убийцы и грабители. Есть между ними и идейные люди, старающиеся вдохнуть в совершающийся распад государства какую-то свою возвышенную идею. Хотят смести всё старое, чтобы дать место возрасти Новому Миру, в котором все будут счастливы, в котором не будет эксплуататоров и эксплуатируемых.

...Гегель заснуть не помог. Даже напротив, не отвлек от гнусной российской действительности, а заставил о ней еще больше призадуматься.

Внимательно вчитываюсь и вдруг начинаю схватывать какую-то правильность. Всё совершающееся в Мире, в Природе, в жизни человечества, находится в бесконечно изменяющемся процессе, все происходящее является цепью событий. Ничто историческое, совершающееся, действительное нельзя рассматривать отдельно, вне связи с прошлым, без обязательного влияния на будущее. Значит, Жизнь и Эволюция пронизаны некой Вечной Идеей, которая понемногу открывается нам. Эта реализация есть Действительность. Отсюда вытекает её разумность. Ура! Значит, Гегель прав: «Всё, что действительно, то – разумно...».

Таким образом, получается, что большевизм разумен. Ибо большевизм, как всякая Действительность, есть звено в общей и вечной исторической цепи. Какие-то тысячи и тысячи причин породили его, и он есть логическое следствие

не только русской, но и всей мировой истории. Почему-то и для чего-то нужен он миру, ибо если большевизм произошел и выявился как реальная действительность, то, надо полагать, в нем раскрывается Всемирная, Вечная, Божеская идея. Нужен большевизм так, как христианству нужна была смерть Спасителя, как для истории нужны были бесчисленные революции. Для усиления царской власти надо признать разумность массовых казней Ивана Грозного, для славы Империи – сжигание староверов Петром Великим, для закалки русского духа – разумность шпицрутенов Аракчеева, для величия Романовской монархической идеи нужно было старой Москве пройти через анархию Смутного времени.

На другой день за завтраком делюсь с Ниной своими размышлениями об отвлеченных умствованиях немца Гегеля. Няня Игоря прислушивается с вниманием. Обычно воинственно настроенная против большевиков, в этот день вспомнила, должно быть, что начался Великий Пост.

– Правду Вы говорите, Алексей Васильевич, что большевизм тоже послан нам от Господа Бога. Для нашего испытания. За грехи наши, за прошлые ошибки... Нам в назидание. Нельзя, видимо, от него откреститься, без него обойтись. Будь он от немцев, тогда дело другое. А то ведь большевики-то свои, русские... Всех не перебьешь. Может, и правда нам пострадать дано, за этим страданием и очиститься. Бывает так, что в семье какой-нибудь вдруг ребеночек идиотом родится или уродцем. Не убивать же его за это, от себя никуда не выкинешь, какой ни есть, а все же дитя собственное. Тоже, значит, для испытания нашего свыше послано...

* * *

...Схватился за говенье, как за якорь спасения. Теперь я знаю, чего мне не хватало в эти последние ужасные месяцы. Не хватало молитвы. Надо что-то осмыслить, к чему-то придти. Одним своим умом я не дойду, в молитве же откроется, Бог поможет. Помолюсь по-детски, наивно, по-простому, и чудо совершится, придет успокоение, которого так жаждет моя душа. Всё встанет на свои места, всё образуется, утихомирится... Устрою себе «баню» для души. Надо внутренне омыться, очиститься, подготовиться к чему-то важному, грозному, неизбежному, что страшным роком нависло над всеми нами.

Чтец читал пророчества неестественным низким басом, подделываясь под дьякона. Получалось сплошное гудение, разобрать нельзя было ничего. И без того непонятные славянские слова туманного содержания не доходили до сердца, продолжали оставаться тайной за семью печатями. Поймал себя на мысли, что собирался помолиться по-хорошему. Но как? Как приступить к молитве? Не брать же пример с чтеца и бездушно бормотать чуждо звучащие слова двух-трех знакомых молитв?

С горечью заметил, что молиться так, как мне хотелось бы, я не умел.

Первому молению «за папу, маму, дедушку, бабушку, за Олю, Надю, Васю, няню» меня научила Маша. Слова же настоящей молитвы запомнил «с голоса», повторяя за старшим братом Васей, не понимая их смысла. Ему внушено было родителями молиться со мною по утрам. Особенно нравилось мне слово от «лукавого», оно напоминало мне мужика Луку, работавшего на сахарном заводе тёти. Обманывая домашний надзор, я перед вечером удирал из сада к заводу. Под навесом, подсаживался ужинать вместе с рабочими, непременно рядом с Лукой, который уступал свою деревянную потрескавшуюся ложку шестилетнему «паньчу», чтобы из общей миски хлебать вкусный, наваристый борщ. Горячая жидкость,

стручковый зеленый перец обжигали рот, слезы текли по лицу, но борщ рабочих казался мне в миллион раз вкуснее сладких, самых любимых блюд.

На утреннюю молитву мы уединялись с Васей в пустой гостиной, там нам никто не мешал. Теперь, как ни силился вернуть себе прежнее молитвенное состояние, ничего не выходило. Детство не вернешь. Тогда было наивное обращение к Отцу с детской просьбой дать «хлеб насущный», то есть утренний какао со сладным домашним хлебом, напоминающим кулич.

Я не приставал к Богу ни с единой просьбой. Ничего не кланчил ни для себя, ни для других. Я простодушно вбирал Бога в свое сердце, признавал Его нутром, во всем и всецело подчинялся небесному Отцу. Терялось сознание времени, будто я простоял на коленях не два долгих часа, а две кратких, незаметно пробежавших минуты. В восторге славословил вместе с певшими дьячками Матерь Бога нашего, Пречистую Деву Марию...

Слышал, что опиум отравляет мозги несказанным блаженством. Яд уводил из реальной скучной действительности, полной страданий, в сказочный мир волшебных грез. Недаром большевики пустили в ход удачное сравнение: «Религия – опиум для народа»... Так и я в двенадцать лет был отравлен религиозным опиумом. Но на тридцатилетнего, уже успевшего и пережить, и перестрадать, разочаровавшегося во многом полковника, религиозный опиум уже не действовал. Не уносил из храма в надзвездные райские блаженные края. Я оставался на земле, в церкви, с угасшей верой в исцеление больной, страдающей души.

Невдалеке от Нины и меня старая седая дама, вся в черном, всецело ушла в молитву. Породистые черты ее продолговатого благородного лица светились внутренним преображенным светом. Война или революция унесла кого-то из ее близких, любимых. Поодаль от других, не отрывая взгляда от Распятия, освещенная свечами поминального столика, молилась другая дама, молодая и красивая, в глубоком трауре. Я не был знаком с ней, но знал, что ее мужа, морского офицера, севастопольские матросы прошлой осенью кинули в топку крейсера и сожгли живьем. Она часто прикладывала платок к воспаленным от слез распухшим векам. Должно быть, молитва прерывалась содрагающим видением зверской расправы над мужем. Представляла его бледно-меловое лицо, искаженное предсмертным страхом, и внезапно порозовевшее от жара раскаленных угольев, когда из раскрытой печки дохнуло на него адским жаром. Взирая на Распятого, возможно, смерть своего дорогого страдальца, отдавшего жизнь за несчастную, поруганную, терзаемую Родину, она приравнивала к подвигу Богочеловека, добровольно отправившегося на смерть за все человечество.

Говорят иногда: «Христианство не удалось: Христос сам по себе, а жизнь – сама по себе». Оно и понятно, потому что светом Христовым нас не просвещали, а сами собою мы и не умели и не стремились просветиться, да и весь уклад нашей жизни к этому никак не располагает. Ни в семье, ни в школе никто ребенку, особенно впечатлительному, простыми задушевными словами не рассказывал про Бога. Уча «Богослужение», вызубривали мы бесчисленные греческие наименования священнослужительского облачения: фелонь, саккос и прочая, и прочая... А основной идеи литургии уважаемый батюшка так никогда и не объяснил. Не рассказал нам, кадетам-мальчишкам, что пением, молитвой, чтением Евангелия нам надлежит привести себя в состояние экстаза, религиозного горения. Загипнотизировать самих себя так, чтобы мы душою, мыслями, религиозным мечтанием почувствовали бы себя перенесенными за две тысячи лет тому назад в небольшую

горницу иерусалимского домика, представили бы себя сидящими рядом с Учителем, получая из рук Его преломленный хлеб и глоток Его крови. «Видите, как я ломаю этот хлеб, так скоро, не сегодня-завтра, сломают мои кости и раздерут мое тело...». И, наливая в чашу красное вино, сравнил его со своею кровью. И заповедовал на века веков, каждый раз, садясь за стол и приступая к еде, преломлять хлеб и пить вино с сердцем, переполненным любовью к Нему, с верой, что Он не ушел от нас навсегда, а Дух Его незримо присутствует среди верующих. И всякий раз, вспоминая Его, мы должны поразиться Его подвигом и одновременно ужаснуться низости человеческой. Сегодня кричали ему «Осанна!», подстилали одежды под Его осленка, а назавтра, с налитыми кровью глазами, яростно вопили: «Распни Его!». Не изменилась природа людская за двадцать веков. Вчера надрывали глотки, крича «Ура!» самодержавному Государю, а сегодня преступно орут: «Убьем кровавого Николашку!». И за этих «ближних» отдал Христос свою жизнь...

Жизнь наша устроена так глупо, что нам даже некогда было побеседовать о Боге, о вере, о душе... Не светская это была тема для петербургских гостиных. А если бы я рискнул на исповеди поговорить о вере, о своих сомнениях, с душевной откровенностью раскрыть исповеднику мою собственную религиозную теорию, то батюшка за то, что я не верю по писанному, что не хочу лгать Господу Богу, назвал бы меня атеистом, лукаво умствующим, одержимым диаволом. Даже предугадываю слово в слово то поучение, которым он попытался бы меня образумить:

– Тяжкий грех, самый тяжкий грех – это неверие.

И, чтобы подкрепить свои слова, притворно вздохнул бы:

– Не умствуйте излишне, всякое умствование от лукавого. Старайтесь верить по-простому, вот как преподобный чудотворец Серафим Саровский. Он не знал никаких наук, а сподобился от Бога святых даров Божиих, был великий прозорливец, в душах чужих читал явственно.

Пожалуй, назвал бы меня батюшка толстовцем, хотя я отнюдь не толстовец. Толстовство мне противно, потому что ему была чужда христианская мистика, религиозная тайна. В Христе проглядел Толстой небесную поэтичность. Крепко привязанный к земле толстовский прозаический гений не мог принять мечтательный призыв Христа оторваться от земли в фантастически нереальное Царство Божие. Христос представлялся Толстому лишь как проповедник неких нравственных истин, как социальный устроитель какого-то несбыточного мужичьего царства.

Собирался спорить со священником о вере, о Боге, о Христе, а к спору не подготовился. А если этот священник – настоящий духовник, не оттолкнет меня, а примет как сына своего духовного и пожелает мне помочь, направить и наставить? В каких же выражениях я изложу свое *credo*, какими своими собственными определениями заменю знаменитые ответы митрополита Филарета? Первый вопрос: Что есть Бог?

Настоящего истинного Бога постигнуть нам не дано, а наш Бог есть создание нашего человеческого представления. Бог не есть какая-то математическая формула, общая для всех. Каждый представляет Его по-своему. Сколько людей, столько и различных представлений. Мною Бог не понимается обязательно в человеческом образе, в виде старца Саваофа с седой бородой, который с купола благословляет молящихся прихожан. Для меня Бог не довольный старец, отдыхающий в раю Моисея после своего шестого дня творения. Для меня Бог – понятие философское, отвлеченное. Не открытая, не разгаданная людьми тайна Космогонии. Условная, первоначальная точка наисложнейшей гипотезы о Мироздании.

За несколько тысячелетий умом и интуицией мы кое-чего достигли в наших знаниях о Боге. По крайней мере, людям так кажется. А остальное – неоткрытое, необъяснимое – продолжает оставаться областью неведомого Бога, царством Отца.

Две тысячи лет христианства – царство Сына, не понятого людьми Христа. От пошлой жизни, полной вражды, разочарований, страданий и неудовлетворенности Он звал в Свое царство грез, в царство душевной гармонии, солнечной, светлой радости, неземного спокойствия и детской улыбки. Учил уйти от непрочных, скоропреходящих, суетных человеческих страстей и удовольствий, которые влекут человека к скуке. Учил не бояться смерти, победить свой страх презрением к ней, верой в бессмертие... Ибо Мир, Природа, Земля и Люди – бессмертны. Всё изменяется, но не исчезает навсегда. Каждый отдельный человек должен чувствовать себя частицей Природы, а Природа, Вселенная – вечны... Советовал смириться, то есть подчиниться природе, не видоизменять неизменяемое. Покориться воле Бога, то есть жить согласно велениям Его Природы. Не думать о себе как о центре Вселенной.

Благодаря Христу человечество сделало огромный шаг вперед на пути своего совершенства, своей эволюции. Внешние успехи цивилизации – это успехи непрочного, человеческого царства, важен внутренний мир, нужна душевная гармоничность, примирение и соединение материального с духовным и духовного с материальным. Надо пронизать всю нашу земную материалистическую жизнь духовным светом Христа, и всё земное, низменное, звериное, злое изменить и облагородить и тем самым поднять землю до небес. Не противопоставлять во враждебную позицию духовное и материальное, а попытаться привести их к синтезу, сочетать эти два начала в одну небесно-земную, совершенную Гармонию. Души наши тогда успокоятся.

Нет определённой границы между Духом и Материей. Ибо скрыта в материи какая-то духовная энергия, всё духовное имеет свои корни, свое основание в материи. Нет тела без Души и Души без тела. Нет в природе деления на материю неорганическую и органическую. Все в мире, всякая вещь живёт, только жизни бывают различные. Во всём существует своя душа. Всё в Мире пронизано неизвестной энергией, и так как вся Вселенная вкупе есть Бог, то энергия Вселенной есть Дух Бога, иными словами – Дух Святой. Человек есть часть мира, и в нем заключена также частица мировой энергии, в нем есть Дух Святой.

И пообещал нам Христос, что придёт после Него на земле третье Царство, царство Духа Святого-Утешителя, когда люди осознают в себе силу единой мировой энергии. Жизнь примет чудесные формы – без болезней и страданий, люди будут видеть без глаз, двигаться без рук и ног, проходить через стены, питаться без пищи, посылать свои мысли на Марс и иные планеты. И приблизится тогда человечество к своей конечной цели – к осознанию своего бытия и к разгадке начала всех начал – тайны Бога-Отца. Примирятся тогда Наука и Религия. Пока же, неудовлетворенные, мы уходим из потухающей церкви – либо в неверие, либо в толстовство, либо в культизм и спиритизм, а народ потемней – в хлысты, скопцы, духовборы, беспоповцы и в иные изуверские секты.

* * *

Ужасно, ужасно... Вы ничего не знаете? Государя расстреляли! – ворвалась в «Кулинар» Вера Габратион, запыхавшаяся, сама не своя.

Как гром поразила нас страшной вестью.

– Что вы говорите? Это невысказано! – воскликнул я.

– Боже мой! Как? Почему?.. – вырвались у Нины и у барышень-подавальщиц крики ужаса и недоверия.

– Только что утром к мужу прибежал князь Пряземский и сказал...

– Господи, что делается... – прошептала Нина, одна из барышень перекрестилась.

– Я думаю – враки. Ведь это же невероятно! Убить Государя! – я не мог воспринять дикую мысль о чудовищном преступлении. – Да расскажите же, ради Бога, что Вы слышали?! – напал я на Веру.

– Толком ничего не знаю. Говорю со слов мужа. Вины какие-то чехословаки. Будто они хотели выкрасть царских узников, и тогда охрана его убила.

– Не могу поверить! – всё еще не сдавался я. – Тут что-то не то... Это невысказано, невозможно, чтобы у русских людей могла подняться рука на своего царя...

– Тоже сказали! – пожалала Вера плечами. – Разве это люди? Хуже зверей! У них нет Бога, так на что им царь?

– Трудно поверить в это убийство. Но если убили, то, конечно, не русские, а разный сброд – китайцы, латыши... – добавила Нина.

– Я всё еще не могу придти в себя. И не могу поверить! – настойчиво стоял я на своем.

В магазин вошла вся в слезах одна из подавальщиц, бывшая фрейлина. В руках держала номер «Известий».

– Вы уже знаете? – догадалась она по нашим расстроенным лицам.

Обессиленная, она протянула мне советскую газету. Упала на стул и, положив голову на мраморный столик, горько зарыдала.

Я схватил «Известия». Не помню, держал ли я когда-нибудь раньше советскую газету в руках. Мне казалось, что от этих паршивых листов, вместо запаха типографской краски, несет невыносимой помойной вонью...

Бумага дрожала, строчки прыгали. Крупным шрифтом на первой странице было напечатано краткое жуткое сообщение. Я прочел его вслух:

«В Екатеринбурге по постановлению президиума Уральского Областного Совета расстрелян в виду с создавшейся опасностью побега Николай Романов. Президиум ЦИК эту меру признал правильной. Издан декрет о конфискации имущества низложенного Российского Императора и членов императорского дома».

У женщин глаза были полны слез. Тяжело вздыхали, Нина гладила лоб и щеку рыдавшей фрейлины, пытаясь ее утешить.

Где же подробности? Где хоть малейшая попытка оправдать злодеяние? Несколько раз нервно я переворачивал большие листы... Пробегал пошлые, наискуднейшие столбцы большевистских декретов. «Винный в скупке, сбыте приговорен... к лишению свободы не менее 10 лет... Конфискация всего имущества...» Никогда не забывают подлецы обогатиться за счет тех, кого убивают! На следующих страницах много о Ярославском мятеже левых эсеров, подробно о холере в Петрограде, что надо с нею бороться лимонной кислотой, о какой-то регистрации каких-то офицеров до 60 лет – и ни слова о величайшем, вопиющем преступлении! Опять просматриваю сначала: конфискация имущества, угрозы, подписи Ленина, Троцкого и под всеми важными и неважными декретами и распоряжениями подпись управляющего делами Совнаркома – Бонч-Бруевича.

Пробегаю глазами в третий раз и, наконец, нахожу, мелким шрифтом, отчет о первом заседании президиума ЦИКа... Чудные фамилии Свердлова, Смилович,

Розенгольца, Розина, Аванесова... Надо запомнить навсегда! Кровь его на вас и на детях ваших!

Преступники слушали по прямому проводу сообщение Областного Уральского Совета: «Екатеринбургу угрожала опасность приближения чехословацких банд... Раскрыт новый заговор, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача... В виду этого Уральский Совет постановил расстрелять Николая Романова, что и приведено было в исполнение 16 июля... Жена и дети Николая Романова отправлены в надежное место...»

– У-у-у!!! – зарычал я. – Негодяи! Подлецы! Цареубийцы! Погодите, придет скоро и ваш час!

Приходится верить невероятному, немислимому! Но ведь большевики – сыновья Дьявола, а он – отец лжи! Может быть, все сообщение – сплошная ложь? Возможно, что Государя выкрали белогвардейцы с чехословаками? Чтобы запутать положение, большевики сочинили гнусную сказку о расстреле... Хотят посмотреть, как монархисты откликнутся на слух об убийстве. Как бы стремясь утешить себя, высказал я вслух предположение.

– Хорошо, верите ли вы, Алексей Васильевич, или не верите, но только все же мы должны отслужить панихиду, – сказала Габратион.

Нина поддержала Веру.

– Если, дай Бог, все это их выдумки, и Государь жив, то наша молитва пойдет ему в помощь.

– Конечно, помолиться можно... Только в смерть его я не хочу, не в силах верить! – истерически выкрикивал я. – А вы думаете, священники согласятся служить?

– В Казанском соборе отслужат. В нем священники порядочные, они поймут и разделят наши чувства.

С печалью в сердце поднимались мы по широким ступенькам Казанского собора. Перед нами, еле передвигая ноги, с видом лунатика, с отсутствующими, не замечающими никого и ничего глазами, держа фуражку в руках, медленно переступал ступеньки широкоплечий, мускулистый курчавый матрос... Какая сила вела его в святые стены? Молиться или кощунствовать он шел сюда? Пока мы заказывали панихиду, матрос упал на колени перед чудотворной иконой. Какое прощение он вымаливал себе, крестясь рукой, обрызганной кровью? Встал перед глазами разбойный образ Кудеяра – легендарного атамана. Вчера, быть может, этот матрос кровавыми руками резал в Кронштадте горло офицерам, а вот сейчас, как у Кудеяра

«...вдруг у разбойника лютого
совесть Господь пробудил...»

Он часто, размашисто крестился, кланялся в землю, лбом касаясь пола, и не то бурчал молитвы, не то вслух каялся во вчерашних убийствах.

Я кивнул Нине на молящегося матроса.

– Посмотри, вот она – вся в нем – наша грешная и одновременно Святая Русь....

Священник начал панихиду, громко произнося зауспокойные слова об убиенном благочестивом императоре Николае Александровиче. До слуха матроса донеслось, должно быть, моление. Будто движимый чьей-то чужой волей, он встал с колен и качающейся походкой, как пьяный, подошел сзади к нашей группе. И

тем же широким крестом, как учили его в детстве в деревне, высоко вскидывая руку, он под пение «Вечной памяти» несколько раз перекрестился за умученного царя. Быстро повернувшись на каблуках, провел рукою по лбу, как бы выкидывая вон черные, страшные мысли. Подтянувшись, не качаясь, прямой походкой вышел из собора.

...Вечером, когда Игорь уснул, Нина обратилась к няне:

– Вы ничего не слышали, няня?

– А что такое? Случилось что-нибудь, княгиня?

– Такой ужас! Большевики царя расстреляли... В газетах есть. Я нарочно вам не говорила раньше, чтобы Игоря не волновать.

– Царство небесное... То-то я заметила, что у Вас и у Алексея Васильевича лица расстроенные. Я не решалась спросить.

– Вы только подумайте, няня, что делается, куда мы идём? Раз царя убить не побоялись, что же нас всех ожидает? Погибнет Россия...

– Ничего не погибнет. Надо веру иметь, княгиня. Я в Родину верю, а потом и знамение нам такое дано от Божьей Матери, что Россия не погибнет. Только с верою надо пережить трудные дни. Они нам как испытание Богом посланы.

– Какое такое знамение?

– Разве Вы не знаете, что Богородица явилась одной женщине под Москвой и сказала ей: «Когда царя не будет, то не горюйте, не печалуйтесь. Я сама на царский престол воссяду и Россией управлюсь...»

– Ничего не слышала, няня... Алексей Васильевич, а вы знали про такое явление?

– Первый раз слышу. Очень интересно. Расскажите, няня.

– Да я сама не так давно в церковном журнале прочитала. В селе Коломенском в самом начале революции снится какой-то очень религиозной женщине вещий сон. Снится ей Богоматерь, восседающая на престоле, с царской короной на голове, в красной порфирной мантии, одной рукой поддерживающая Сына-Младенца, другой сжимающая царскую державу. В молитвенном восхищении взирает женщина на Богоматерь и слышит Божеские слова: «Не страшитесь, не погибнет Святая Русь. Много испытаний выпадет теперь на Россию. Все несчастья, какие только можно представить, обрушатся на нашу Родину. И голод, и война братоубийственная, и убийства, море крови, общий беспорядок, царя убьют, Бога забудут... Возненавидят люди друг друга, от голода матери своих детей поедать будут. Злой Дьявол попытается отнять у Святой Руси ее Бога: церкви позакрывают, с куполов кресты снимают, святые мощи в помойные ямы повыкинут, иконы в огонь побросают. Монахов и священников кого просто убьют, а кого, как Христа, распнут...». И заметьте, княгиня, все по этому предсказанию слово в слово исполняется. «Но не падайте духом», – говорит Богородица. «Не теряйте веры. Все эти несчастья посылаются России как испытания. Чтобы очистилась она горем и страданиями. Когда некому будет править, Я сама – Матерь Божия – возьму царскую державу в руки, не допущу окончательной гибели России. Покараю злодеев, спасу благочестивых. Пойди к своему сельскому священнику, расскажи про свой сон и скажи, чтобы поискали в церкви Державную икону Божией Матери. Пусть верят и молятся Мне».

Проснулась женщина и прибежала к священнику. «Батюшка, надо искать икону. Божья Матерь теперь наша Заступница, сама указала мне, что икона в церкви». «Верю твоему сну... Сон знаменательный. Только нету у нас та-

кой иконы. Говоришь, что Богородица с короной и державой, в красной мантии? Все иконы наши знаю, а такой никогда не видывал». «Поищи, батюшка. Должна быть...». Стали искать, всю церковь перерыли, во все углы залезли, все иконы даже с обратной стороны оглядели, нет нигде Державной иконы. Спустились в подвал под церковь. Там за многие годы разный хлам накопился. Целой группой церковных людей всякую доску перевернули, ничего не нашли... Собрались выходить из подвала, священник обращается к женщине: «Жалко, Евдокия, что не исполнился сон твой. Не достойны мы оказались чуда Господня». Бедная Евдокия чуть не плачет: «Должна, должна найтись, батюшка!», – и со слезами молит она продолжать поиски. «Разве можно, чтоб Пречистая нас обманула? Видите, эта вот дверь пыльная, та известкой покрашена. Помоем её, посмотрим, может, что и найдётся...». Стали смывать старую известку и поразились чуду: под побелкой выявилась та самая икона, которую видела женщина во сне. На фоне белой церкви величественно восседала на царском троне Царица Небесная, в красной порфире, крепко держа в руках скипетр и державу, а на коленях – Сына-Младенца. Доложили о чуде вновь избранному Патриарху. Составили тропарь Божеской Царицы: «И светозарный луч славы чудес твоих на всех с верою тебе молящихся...»

Я разыскал себе иконку Державной Божией Матери. Молился перед ней с верой и на многие шаги последующей жизни смотрел как на ряд чудес.

Светозарный луч озарял меня.

* * *

Лишь только вошел в свой девятый подъезд, как ко мне подскочил швейцар Садовский, считавший себя другом Керенского и потому лютей ненавистник большевиков. Таинственным шёпотом он сообщил мне:

– Господин Саврасов, вы погодите к себе подниматься. Я Вам не советую. Тут у нас такое творилось прошлой ночью! Они опять каждую секунду нагрянуть могут. Простите, вам тогда крышка...

– Да кто они? В чём дело, Садовский?

– Красноармейцы. Вчера за вами приходили. Счастье ваше, что домой не вернулись. А они, проклятые, до четырех утра дожидались вашего прихода.

– Что ж, арестовать меня приходили?

– Целое войско нагнали... Семь красноармейцев с винтовками и комиссар с ними.

– Ого-го, какой я важный, – хотел я пошутить, но шутка не получилась.

– А перед вами матросы приходили за адмиралом Альбрехтом. – Садовский еще более понизил голос. – Так его они на Фонтанке тут же убили... Вот какие дела!

– Почему ж убили?

– Да разве они на кого смотрят? Для них что царь, что адмирал, что собака бездомная – все едино, для каждого пуля находится...

– Да, но все жё? Убили просто ни за что ни про что? Вывели и расстреляли?

– Нет... Адмирал всё кричал на матросов: «По какому такому праву вы меня арестовываете? Я вашей власти не признаю. Вы – бунтари и мерзавцы. И Ленин ваш, и жид Троцкий – все негодяя». Адмиральша побежала за ними, молила освободить мужа, потому что он старый, уже в отставке. Матросы ее оттолкнули и приказали домой убираться. Адмирал как увидел, что ихнюю супругу толкают,

совсем рассвирепел и самыми ругательными словами матросов покрыл. Они же, знаете, народ отпетый: «Надо ему, старому лешему, глотку заткнуть». Привинтили штыки к винтовкам да всего на смерть искололи. Потом в Фонтанку через парпет в воду бросили. И все на глазах супруги, адмиральша видела, как ее мужа убивали.

Когда я проходил через спящий притаившийся двор огромного дома в несколько сотен квартир, мне за каждым углом мерещились спрятавшиеся красноармейцы. Надо было принять какое-то решение, выработать план спасения, но в голове всё спуталось, одна мысль была ясна: надо бежать, бежать тотчас же подальше от опасного дома. Может быть, они, пока я был у профессора, уже забрались ко мне и поджидают, чтобы кинуть в баржу и потопить в море, как тех несчастных кронштадтских...

* * *

Когда я шагал по аллейке Английского парка неизвестно куда, припомнилось мне, как во время войны в Восточной Пруссии мой эскадрон, два дня и две ночи не сомкнув глаз, наконец-то выполнив задачу, имел право возвратиться к своей дивизии. Устали мы до одурения. Готовы были свалиться с седла и заснуть убитым сном всё равно где, хотя бы и прямо на земле, у придорожной канавы. Изнуренные лошади с трудом передвигали ноги. Сорок восемь часов гонялись мы с места на место, из деревни в деревню, всё время с боем и под выстрелами, следя за разворачиванием немецких войск, перекинутых против русских с Французского фронта. На вражеской земле опасность грозила со всех сторон: и от наступавших войск, имевших целью заставить нас очистить Восточную Пруссию, и от враждебно настроенного населения. К окончанию разведки измотались мы окончательно.

Боевая обстановка менялась чуть ли не ежечасно. Отдать себе явный отчет, где сейчас русские, где немцы, было невозможно. Знал только, что городишко Дренфурт, когда мы третьего дня, идя в разведку, проходили через него, отстоял от линии немецких сил верст на восемьдесят и, считаясь глубоким тылом, был набит русскими лазаретами, этапными комендантами, чайными и иными тыловыми учреждениями. Прямой путь нашего возвращения шел через Дренфурт. Но вот, не зная почему, как бы находясь под гипнозом чьей-то не известной мне, посторонней воли, я веду эскадрон не на Дренфурт, а поворачиваю почему-то на Нейбург. Тотчас же подлетают ко мне мои офицеры, привыкшие так же, как и я, все время отмечать путь по карте.

– Алексей Васильевич, ты ошибся, дорогой, нам на Дренфурт надо идти по левому шоссе, вот и указатель со стрелкой. Мы же идем на Нейбург.

– Я знаю. Свернул сознательно. Мы идем на Нейбург.

– Но ведь это крюк, лишние десять-двенадцать километров.

– Что делать, дадим крюку.

Офицеры, недоумевая, пожали плечами, явно выражая непонимание и недовольствие, а мой старший офицер эскадрона Думканов даже заметил мне:

– И люди, и лошади смертельно устали. Еле плетутся. И вместо того чтобы скорее придти на бивак на отдых, мы делаем, Бог знает почему, лишний крюк!

Я, прекрасно сознавая правоту своего старшего офицера, но движимый все той чуждой, посторонней Силой, резко оборвал резонирующего подчиненного, взяв начальственный тон:

– Поручик Думканов, кто командует эскадром, я или вы?

– Виноват, господин штабс-ротмистр, – ответил Думканов и недовольно отъехал в сторону. Остальные офицеры, явно став на сторону своего командира, не разговаривали со мной. Солдаты, хоть и не слышали моих препирательств с офицерами, но, разбираясь в направлениях даже без карт, а по кавалерийскому чутью и русской смекалке, тоже сообразили, что командир эскадрона из-за необъяснимого упрямства, заставляет их и измученных лошадей напрасно тащиться лишние вёрсты.

Дренфурт, скрытый от нас густым лесом, не был виден.

Наконец, эскадрон, пройдя лесок, миновал Нейбург, и мы ни разу не встретили немцев, оставив Дренфурт в стороне. Попавшиеся на пути казацы разбегались предупредили нас:

– Вы идете куда? На Дренфурт?

– Нет, – ответил я, – мы огибаем город стороной, идем прямо на восток.

– То-то же... А мы подумали, что вы на Дренфурт. Может, хотите в тылах подкрепиться? Так там полно немецких войск. Сами видели, как наши русские разъезды, не подозревая, что город в немецких руках, неожиданно напоролись на вражеские силы. Чисто их скосило пулеметами. А многих в плен позабирали.

Я торжествовал. Офицеры и солдаты поняли, что моя необъяснимая, тонкая интуиция спасла всех нас, кого от смерти, кого от плена.

И ещё раз, бродя по парку Петергофа, растерявшийся, преследуемый, не находя выхода, я пережил такую же подчиненность Высшей Воле, как тогда перед Дренфуртом на войне. Будто кто-то взял меня за руку и уверенно, ободряюще повёл укрыться в надёжное место. Будто детский Ангел-Хранитель прикрыл меня своим крылом, чтобы сохранить от вражеских глаз.

* * *

Прачка принесла бельё из стирки. Проверил по записке, расписался, а она не уходила. Разговорчивой бабе охота было поболтать.

– Ну и дожили, барин, до времен каких! Видать, последние дни настали. Смерть всюду почём зря гуляет. Сколько немцы на войне народу перебили, а нашим всё, видно, мало. Теперь друг дружку убивать принялись. Как волки один в другого вцепляются. Каждого надо опасаться. Не знаешь, кто тебе враг, кто приятель. Когда война была, тяжело было, а теперь стало еще труднее. В деревне ещё, слава Богу, скрипим кое-как, у нас хоть хлеб есть. А в городе, в Петрограде, сказывают, еды никакой! Если б не мешочники, то народ там с голоду перемёр бы. Только и держатся, что мешочниками. Зато эти ироды на всех вокзалах свою стражу выставили. Ничего из деревень не позволяют в город везти. Видно, всё себе отбирают. Наши отсюда, с Сиверской, повезли хлеб, масло, кое-что из молочного. Все отняли у них, да еще по шее надавали. Вышло наоборот: вместо заработка последние деньги потеряли. Рассказывали также, что вашего брата офицеров всех забирают. Кого убивают, кого в море потопят. Да разве это жисть? Не приведи, Господи... Хорошо, что вы здесь прячетесь, а то в Петрограде вам не миновать бы какого зла.

– Да я не офицер, – соврал я словоохотливой и сочувствующей бабе. – Я студент. До студентов пока еще не добрались.

– А вы не бойтесь меня, господин. Я по вашему виду сразу в вас офицера признала. Да нешто я кому донесу? Мы все знаем, что офицера здесь по домам прячутся. Да как не прятаться, когда смерть грозит. Только вы будьте спокойны,

мы не доносчики. Мы этих иродов больше вашего ненавидим. Пытать будут, так и то вас не выдадим...

Молча, посмотрел я старой крестьянке в глаза, и она в моем взоре прочитала горячую молчаливую благодарность.

На самом деле, добрая женщина говорила правду. Сколько шло народу на Некрасовскую дачу, любой из этих торговцев или огородников мог пойти к красноармейцам на национализированную мызу и сказать им: «Что ж вы, дураки, глядите?! Под боком, рядом с вами живет царский офицер, может какой важный или для вас опасный, а вы хоть бы что! Заберите его, раздавите такого гада! Если не вы его, так он вас потом убьёт». Разве это не чудо, что я до сего дня живу спокойно по соседству со старой мызой, никто на меня не доносит, и красные соседи меня не трогают!

То и дело возвращался к мысли о неминуемом отъезде. Если уеду, то, конечно, на время. Только бы эти террорные месяцы переждать. Там, где спокойнее, пока кипение большевистских страстей не уляжется. До тех пор, когда станет возможным вернуться к Нине и Игорю. Займусь каким-нибудь делом, чтобы зарабатывать деньги на семью. Но, конечно, не в Петербурге, не в Петергофе. Слишком эти города полны воспоминаний о нашей другой, прежней, красивой, но – теперь я понял – неправильной жизни. Оттого эта жизнь в одну секунду рассыпалась сама собою от малейшего дуновения революции. Какая праздная, бессмысленная жизнь была у нас раньше! Жили эгоистично, на нетрудовые, незаработанные деньги! Были эксплуататорами, «пили чужую кровушку»! Что там ни говори, а большевики правы: «Кто не работает, тот не ест!» Работать нам надо. Нашу Саврасовскую угольную шахту рабочие покинули, она ничего не приносит, и, кто знает, вернет ли опять государство владельцам права на недра земли?

Старое не вернётся! У мужика открылись глаза, он потребует земли, крепче станет на ноги. Непьющие крестьяне семейственные, зажилистые легко разбогатеют. Захотят детей своих вывести в люди. Пошлют сыновей в гимназии и университеты, многие мужичьи дети плечи свои украсят офицерскими эполетами. Потеснят с теплых мест нас, вырождающихся «недорослей из дворян», недурно устраивавшихся, благодаря родству и протекции.

Раневские из «Вишнёвого сада» принуждены будут посторониться, чтобы уступить место и дорогу «хамам» Лопахиным. В полках перестанут пить шампанское, новые офицеры будут заливать глотки расейской водочкой.

Я же перейду на молоко – напиток богов, а из всех деликатесов предпочту черный хлеб с маслом и солью. Градоначальников и губернаторов не будет. Их заменят комиссарами. Такие, как я, им не пригодны. Я и сам не хочу работать для них, жертвовать собою, лезть из кожи вон, во имя чего? Для кого? Для разных Лопахиных? Им нужно выйти в люди, а я уже человек и даже с прошлым. Им хочется пожить той жизнью, которая мне так знакома и которой я успел пресытиться. После шампанского потянуло на молоко... После тортов и порожных – на их черный хлеб... Пусть устраиваются сами, проталкиваются локтями, подставляют подножку один другому. Я же отойду в сторонку и весь уйду в свою семью, которую постараюсь создать...

Звонок у калитки прервал скачущие мысли. Должно быть, опять крестьяне что-то предлагают, надо отказать. Посмотрел в окно. Вместо торговцев увидел трёх красноармейцев с винтовками, стоявших у калитки.

«Конечно, пришли за мной! Надо спасаться!»

* * *

На станционной платформе «Сиверской» мальчишка-газетчик выкрикивал:
– Убийство Урицкого... Покушение на товарища Ленина!

Подойдя ко мне, предложил:

– Купите, последняя газетка осталась. Сорок копеек.

Я вырвал у мальчишки толстую, в несколько листов, газету. Уши не верили его сногшибательным выкрикам, и я поторопился проверить. Каждая строчка, каждое слово дышали мезтью и угрозами. Из-за того, что Кенигиссер – молодой убийца Урицкого – объявил себя студентом-политехником и прошлым юнкером артиллерийского училища, то безвинные жизни непричастных студентов и юнкеров должны быть принесены в жертву жестокому и кровавому богу революции. Разозленные убийством одного из своих главарей, злобствующие большевики захлёбывались от ругательств, грозили смертью поголовно всем.

«За смерть нашего борца», – читал я крупным шрифтом на первой странице, – «должны поплатиться тысячи врагов! Довольно миндальничать! На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором! Смерть подлым предателям, контр-революционерам всех оттенков, правым эсерам, черным людикам, эмиссарам англо-французских империалистов, гадам издыхающего капитализма, всевозможным эксплуататорам-кровопийцам, всем белогвардейцам, офицерам, юнкерам, попам и студентам!»

Хотя студентов поставили на последнее место, но всё же неожиданное зачисление меня и по этой категории в разряд врагов народа мне совсем не понравилось. Тревожно ощупал в кармане свое студенческое удостоверение личности, в котором значилось: «Предъявитель сего – студент (слово «студент» было зачёркнуто, и над ним чернилами, от руки было написано «вольнотрушатель») Саврасов». Если придержаться к моему студенчеству, то устыжу их: «Как же вы не уясните себе разницу между «вольнотрушателем» и «студентом»?! Ничего общего!»

Так же крупно, как про Урицкого, было напечатано про ранение «истинного вождя рабочего класса» товарища Ленина какой-то эсеркой Ройд-Каплан. И опять угрозы, угрозы без конца. «За всякую каплю крови товарища Ленина заплатят нам своими головами представители капитала и их наймиты», «Пусть железная рука восставшего пролетария уничтожит весь класс, без остатка, который господствовал над миллионами, который жил в роскоши, держа миллионы на положении скота...», «Товарищи матросы, рабочие, солдаты! Пусть „Смерть буржуазии” станет вашим лозунгом дня...»

Приближаясь в поезде к Петрограду и читая большевистскую газету, я всё более терял в себе уверенность и всё менее рассматривал свой студенческий документ как достаточную защиту против внезапного ареста на улице. Неприятно волновало присутствие в кармане чужого паспорта: в случае обыска второй паспорт будет важной уликой.

В вагоне я ни с кем не разговаривал, уткнулся в газету, полную неутешительных известий. На той же странице, где большевики сообщают о выстреле Кенигиссера, они торопятся утратить извещением о расстреле 512 контр-революционеров «За Урицкого»... Я уверен, что врут, говоря только 512. Для большей вероятности надо прибавить ноль, чтобы изменить 512 в 5120...

Далее объявляют список тех заложников, кои будут немедленно расстреляны, если контрреволюционеры опять убьют кого-нибудь из советских работников. На

первом месте поместили пять великих князей, далее двух министров – Керенского-Верховского и Пальчинского, пристегнули видных банкиров. В какой-то деревне расстреляли священника. Вина? Служил панихиду по Николаю Романову.

Есть такие положения в жизни, – думал я, – когда надо положиться на судьбу. Отдать себя всецело в руки Божии... Только заранее не надо пессимистично рисовать себе всякие ужасы и несчастья, настраивать себя на дурное. Наоборот, нужно насколько возможно более зарядить себя самым безудержным оптимизмом. Тогда несчастья будут отскакивать от вас, как от электрического элемента, заряженного положительным током.

* * *

Я, правда, не знал немцев конца Великой Войны 1918 года. После моих довоенных поездок по Германии в славное мирное время, у меня о немцах сложилось совсем иное представление. Моральное большевистское разложение, убившее государственную Россию, коснулось и начало разъедать крепкую, железную Германию, теряющую последние силы в непосильной борьбе.

Усталый сорокалетний резервист, поставленный часовым у входа в наше карантинное здание, лениво и безучастно прогуливался по тротуару у ворот и решётки епархиального училища. Он совершенно равнодушно поглядывал на рижских торговков, облепивших решётку своими корзинами и лотками и бойко продававших нам, «карантинно-зачумленным», множество вкусных вещей, еще более разжигавших ненасытный аппетит.

Часовой, обязанность которого, надо полагать, была отгонять торговков от карантина, с вождением заглядывал в корзины и лотки. Менее всего этого немецкого воина заботило всемирное величие непобедимой Германии, заметно было, что более всего на свете его интересовало содержимое корзины. Мысленно он поедал все сосиски и колбасы, лакомился, глотая слюнки, блинчиками с вареньем и слоеными ватрушками. Толстые торговки, казавшиеся еще толще от тёплых ватных кофт, укутанные в шерстяные платки, рассматривали, как и голодный немец в каске, священные обязанности часового несколько иначе, чем их понимал прежде русский солдат. Угадывая желания немца, торговки совали ему в руку то бутерброд с колбасой, то блинчик... И часовой, одной рукой придерживая ружье на плече, другой запихивал в рот вкусные взятки натурой.

Невольно на ум напросилось сравнение этого немца с другим часовым, стоявшим когда-то на часах в Петергофе у вновь выстроенного Большого Дворца. Императрица Елисавета, прогуливавшаяся по парку, обратила внимание, как молодой, очень худой и слабенький семёновский гвардеец, стоявший у будки, ловко и молодецкливо брякнул тяжелым мушкетом.

– Как зовёшься? – спросила улыбающаяся императрица.

– Суворов, ваше величество! – ответил щедушный гвардеец ростом чуть выше своего ружья.

– Вот возьми за службу в награду рубль, – и императрица хотела вложить в руку часового серебряный рубль со своим изображением.

– Благодарю покорно, ваше величество, за Вашу царскую милость. Только пока я на часах, я не имею права взять в руки ваш подарок. Положите, всемиловейшая государыня, этот рубль около моих ног на землю, а когда придёт смелая, я тогда и возьму.

Не знаю, прибавила ли Елисавета молодому Суворову еще один рубль за такой ответ, но я, будь на её месте, наверное, наградил бы молодца.

* * *

В течение трех лет войны, зная, что переживаемое мною историческое время будет представлять интерес для последующих поколений, у меня вошло в привычку заносить в дневничок и важные, и мелкие события дня, личные переживания, новые знакомства, интересные разговоры. К великой моей горести, всё, относящееся к войне – дневники, карты, приказы, диспозиции боев – я оставил на чердаке петергофского дома, и весь этот ценный для меня материал пропал безвозвратно.

Покидая Петергоф, я завел новый дневничок и ежедневно делал в нем короткие записи. Садясь в чистый вагон второго класса с билетом от Риги до Гомеля, я сделал в дневничке об этом пометку. Я тогда еще не знал, что Господь Бог определенно указывает мне дорогу и новые этапы, дотоле мне не известные, но которые должны были быть мне давно предназначены где-то там, на небесах, в «Книге живота». Ибо потом, с годами, мне стала ясна заранее намеченная цель моей жизни, к которой неуклонно влекла меня Всесильная Судьба, превращая всё мое существование в длинную цепь непрерывных чудес.

* * *

Россия. Октябрь 1918 года. Офицерство бежало от большевиков с севера на юг, на время застряло на Украине, но потом подалось дальше на Кубань, к Деникину, чтобы в составе Добровольческой Армии наступать на север. Так на огромном российском пространстве танцевалась роковая кадрили смерти. На балах, на дирижерском языке, эта фигура кадрили называлась Chassé-croisé: сходились, перекрещивались, расходились...

Я, как огромное большинство русских офицеров, прошёл знакомые всем этапы: Киев – Новочеркасск – Екатеринодар – Крым – Новороссийск... Смерть стерегла меня на каждом из этапов, но всякий раз я чудесно спасался, чтобы, спасшись в одном районе, подвергнуться смертельному риску в другом, пока, наконец, на время не осел в Новороссийске. В этом городе одна встреча была настолько значительной, что она чудесным образом повернула руль моей жизни в ту сторону, что предназначила мне Судьба еще тринадцать лет тому назад...

Но не буду забегать вперед и всё расскажу по порядку. Украина. В Гомеле, на границе опереточного государства, офицер, одетый в опереточную форму, в которой преобладали украинские национальные цвета – голубой и канареечно-желтый – проверял на пристани Днепра паспорта. С минуту подержав в руках мою украинскую подсвичену, огорошил меня сообщением:

– Сегодня утром через Гомель, только не пароходом, а в поезде, проехал из Совдепии еще один господин Саврасов. Не ваш ли родственник?

– Не думаю. Мой брат остался в Петрограде.

– И с ним ехала жена и две девочки.

– Как? жена и две девочки?.. Господи, это же Володя! Но каким образом ему удалось выбраться на Украину? Ведь это прямо чудо! Два брата, никак не предполагавшие, что они уедут вместе, в тот же день проезжают границу. Поразительно!

– У нас на границе разыгрывается много разных сцен, – по-русски проговорил украинский офицер, который, наверное, и двух слов не мог связать на искусственном выдуманном украинском языке профессора Грушевского. – Но чаще сцены

происходят трагические. А ваша радостная, обрели брата. А то почти всегда случается так, что у жены убили в нейтральной полосе мужа, или бандиты ограбили всех дочиста, или, что ещё ужаснее, родители потеряли детей. Всякое бывает.

В Киеве не мог отделаться от впечатления разыгрываемой оперетки. И гетман опереточный, и караул у его дворца в опереточных мундирах, и всякие министерства и правительственные учреждения опереточные уже хотя бы потому, что в них сами чиновники не умели ни писать, ни говорить на государственном языке, и деньги карбованцы, и трезубый герб святого Владимира, которого из русского князя перекрестили в киевского украинца – все вокруг сильно отдавало опереткой. Пожалуй, менее всего на опереточную столицу походил сам город. Прекрасный Киев вполне мог сойти за столицу любого государства, даже много более значительного, чем новорожденная Украина.

Главная улица Крещатик полна знакомых петербургских лиц. Все мечтали устроиться на любую украинскую службу, лишь бы обогатить свой пустой карман опереточными карбованцами. У кое-кого из генералов, бывших гвардейцев, никогда ничего общего с Украиной не имевших ни по рождению, ни по службе, никогда даже не слыхавших о намерении Малороссийского края отделяться от России, у этих генералов счастливо для момента фамилии оканчивались на «о». Этого было достаточно, чтобы гетман-кавалергард назначил Г...енко генерал-инспектором кавалерии, а К...енко – генерал-инспектором пехоты. Командовать этим генералам было нечем. Кавалерия состояла всего-навсего из одного «сердюкского» полка, а пехотные два-три полка во всё время гетмановщины находились в состоянии формирования.

Другие офицеры, не попавшие в украинцы, вербовались и записывались в любую армию, в любое войско, лишь бы платили. Проснулся у всех безудержный авантюризм. Формировали полки в какой-то фантастической Южной Армии, существовавшей лишь на бумаге и субсидируемой немцами. В штабе этой немецкой Южной Армии видную роль играл один генерал, менявший свою немецкую фамилию на русскую и обратно несколько раз – в зависимости от поворотов политики. Какой-то доктор Всеволодский формировал не менее фантастическую Крымскую Армию, на которую возлагалась задача охранять лиц Императорского Дома, проживавших в Крыму, а затем эту Армию мечтали предложить великому князю Николаю Николаевичу, чтобы под его верховным водительством бить большевиков на Черноморском побережье. Я и сам, не успев хотя бы чуть-чуть разобраться в сложно кипящей украинской политической обстановке, в буфете «Клуба кадровых офицеров» был в два счета завербован пьяным генералом. И против своей воли вмиг оказался начальником целого огромного отдела какой-то Киевской дружины.

В «Клуб кадровых офицеров» я зашел в первый же день приезда в Киев, чтобы пообедать и встретиться с друзьями. Мне указали этот клуб как место встречи всех петербургских гвардейцев. И, правда, едва я переступил порог, как со всех сторон на меня набросились с рукопожатиями, объятиями, поцелуями. Все закидали вопросами: как удалось мне вырваться из рук большевиков? Оглядевшись, я почувствовал себя, как бы по волшебству, перенесенным в Петербург, на угол Кирочной и Литейного, в «Собрание Гвардии и Флота». Кругом все те же давно знакомые лица, только переменившие мундир на штатский костюм. Потащили в буфетную выпить рюмку водки по случаю счастливого прибытия.

К буфету прочно приклеился генерал, которого я за многие годы нашей совместной службы не мог себе представить трезвым.

– Ба, Саврасов! Ты что же, в монахи или в священники собрался, что бороду отпустил? Послушайте, буфетчик, две рюмки водки! Кстати приехал, весьма кстати. Завтра у нас торжественное открытие Дружины. Гетман на ее создание отпустил нам ружья и карбованцы. Киев мы поделили на шесть отделов. Тебя я назначаю начальником пятого отдела.

– Благодарю за назначение, только я...

– Никаких отказов! Человек, ещё две водки! Ты заменишь генерала Вреса. Он еще не отошел от всех передраг удирающего от большевиков, они за ним здорово охотились. Так ты заменишь его. Весьма вовремя приехал.

– Но я не предполагаю задерживаться в Киеве. Я хотел бы уехать...

– Никуда ты не уедешь из Киева. Здесь вся гвардейская кавалерия.

– Да, но...

– Оставь, пожалуйста, свои «но». А то я, пожалуй, начну сердиться... Что же ты так лениво пьешь? Твоё здоровье!

– Нет, Марк Никитич, кроме шуток, я хочу пробираться на Кубань, в Добровольческую Армию.

– Куда? В революционное создание Корнилова, к изменнику Алексею и к крамольному Деникину? Стыдись... Там, в Добровольческой Армии нам, монархистам, места нет. У них тоже красные знамена, только социалистические, и к тому же довольно полинялые.

– Но туда собираются все мои полковые товарищи. Мне надо быть с ними.

– Ничего подобного. Тебе надо быть с нами. Здесь вся гвардия. В твоём отделе будет пятьсот офицеров. И тебя я назначаю их начальником. Мы солдат не берем. Из них одни сволочи.

– Но послушай, Марк Никитич, я же с Украиной ничего общего не имею. Зачем же я буду биться за неё?

– Не разводи антимоний. Лучше выпьем. Ты думаешь, что мы украинцы? Глубоко ошибаешься. Мы будем драться не за гетмана, а вообще против большевиков, которые здесь выступят в тот же час, как только уйдут немцы. Если мы не организуемся, большевики перебьют нас всех, как куропаток. Понимаешь?

– Понимаю, я понимаю, но все же, Марк Никитич, ты лучше на меня не рассчитывай.

– Какой ты, Саврасов, стал несговорчивый. Это тебя революция так изменила? Или оттого, что бороду отрастил? Так ты её сбрей. А завтра утром приходи в штаб Дружины на Прорезной и получишь инструкции от моего начальника штаба и деньги от казначея для открытия пятого отдела Киевской Дружины. Ложась спать, я твердо решил, что ни в какую Дружину зачисляться не буду. Генеральская организация и предложение служить в ней показались мне очень несерьезными.

Всё в Киеве отзывалось опереткой, которой я даже придумал название: «Гоп, гоп, мои гречаньки!» Мне даже представилось, что если большевики поднапрут на Украину, то весёлые хохлы со своим гетманом и его голубым разукрашенным конвоем, со своими «щирыми» министрами, с комической Радой-парламентом, с несуществующими полками, с опереточной дружиной из неукраинцев – вместо того, чтобы драться с большевиками, того и гляди, как в опереточном театре, весело пустятся вприсядку отплясывать гопака, мелко стуча каблуками и хлопая в такт по голенищам...

После ужасных взрывов Арсенала огромная площадь рабочего пригорода представляла собой страшную картину разрушения. От маленьких домишек

остались лишь жалкие остатки фундаментов, в больших домах потрескались стены, обвалились потолки и полы, и теперь дома зияли оконными отверстиями, как незажившими ранами. Кое-где, как неизвестно для чего расставленные маяки, несуразно торчали наполовину развалившиеся, одинокие печные трубы. В грудах разваленного кирпича можно было различить куски побеленного потолка или окрашенной стены. Эти обломки не так давно для многих являлись дорогим домашним уютом. Здесь жили, волновались, радовались, страдали, пьянствовали, любили, рожали, нянчили детей. А теперь от прежней жизни остались лишь мёртвые грязные кучи камней, кирпичей и мусора. Как от раскопок Помпеи. Ни малейшего следа никакого жилья. Ни одной живой души. Может быть, ночами оживлялись эти развалины, когда большой город выкидывал сюда свою преступную накипь – убийц, грабителей, проституток и бездомных пьянчужек.

– Да, господа, прежде чем нам расходиться, – задержал нас Келлер, – предлагаю нам всем собраться послезавтра к 12 часам дня в Лаврском соборе. Я списался с митрополитом Антонием, и он отслужит нам напутственный молебен и освятит наш белый стяг Святого Георгия Победоносца... Приходите, все помолимся. Божие благословение нам поможет. Нашейте на левом рукаве ваших шинелей вот такой белый крест. И, сняв шинель, генерал Келлер показал нам уже нашитый на его китель осьмиконечный продолговатый православный крест.

– До свидания, господа... Итак, с белым крестом против красной сволочи!

Генерал от кавалерии Черячукин носил высокое звание полномочного посла при Гетмане от Всевеликого Войска Донского. За неимением помещений в Киеве посольство, несмотря на громкое свое наименование, ютилось в небольшой канцелярии. С полномочным послом я был знаком еще с тех пор, когда он служил в штабе кронштадтской крепости. Теперь он выглядел очень постаревшим, усталым и разочарованным.

– Не всё идет так гладко, как вам хотелось бы, ваше превосходительство?

– И не говорите... Не только не гладко, но всё идет из рук вон плохо...

– Я, ваше превосходительство, приехал в Киев совсем недавно и вывел беспорное заключение, что Украина – предприятие весьма несерьезное.

– Я скажу Вам по секрету, полковник, Украина доживает последние дни. Я имею секретные сведения, что если немцы покинут Киев, то на другой же день здесь вспыхнет восстание. Видимость порядка держится только авторитетом их имени. Немцев боятся. После их ухода тотчас же наступит конец украинской оперетки, как вы удачно выразились. Но падение Украины будет большой драмой для Дона. Большевики всеми силами обрушатся на казачество. Бедному Петру Николаевичу (Черячукин назвал по имени-отчеству атамана Краснова) придется трудненько. А Вы что будете делать? Воевать здесь против Петлюры?

– Ну нет, ни за гетмана, ни за Петлюру, ни за немцев, ни за самостийную Украину я умирать не намерен.

– Тогда поезжайте на Дон. Вы, конечно, хорошо знакомы с Петром Николаевичем? Атаман – прекрасный организатор и очень отзывчивый человек. Всегда поддерживал тесную дружбу с гвардейскими кавалеристами. Сделает всё, что в его силах, чтобы помочь вам восстановить Ваш славный старый полк.

– Если я поеду в Добровольческую Армию, то все равно мне не миновать Дона и генерала Краснова. В Новочеркасске мне будет легче осмотреться и, если правда атаман Краснов окажет мне содействие, то возможно, что я останусь у него формировать наш полк.

– Советую Вам, Саврасов, не откладывать свой отъезд. То, что возможно сегодня, завтра будет уже неисполнимым. Открываю Вам еще один секрет. Завтра уйдет из Киева товарный поезд, в котором немцы повезут для донской армии пушки и снаряды. Будут один или два пассажирских вагона. Поезжайте с этим поездом. Нужные документы я вам заготовлю, приходите за ними завтра.

Я поспешил увидаться с артиллерийским капитаном Кутюрье, передал ему мой разговор с Черячукиным и дал ему совет завтра же уехать из Киева с донскими пушками.

– Как, господин полковник, чрезвычайно важно все то, что вы мне рассказали. Должен сознаться, что я вам не открыл моей тайны. Я ведь в Киеве не один, а со мной пятнадцать молодых артиллерийских офицеров. Наша задача пробираться на юг к добровольцам. По некоторым причинам лично я еще колеблюсь, ехать ли мне самому к Деникину, но этих пятнадцать мне надо туда переправить. Я сейчас же бегу к генералу Черячукину и предложу ему мой отряд как охрану того секретного поезда, который завтра уезжает.

– Вам-то хорошо уезжать, капитан, вы свободны. А я связан и с Дружиной, и с графом Келлером.

– Плюньте на Дружину и предупредите Келлера, посоветуйте ему уезжать с нами. Иначе он рискует глупо погибнуть на Украине. Его же жизнь нужна нам всем для общего святого дела. В Киеве все говорят о конце гетмановщины. На базарах всякой бабе известно, что петлюровские банды окружили Киев и даже назначили именно завтрашний день, чтобы ворваться в город. Только сам гетман да ваш начальник Дружины, как святые, ничего не знают.

Вечером следующего дня наш длинный бесконечный поезд с таинственными запертыми товарными вагонами как-то скрытно и незаметно, без звонков и свистков отошел в восточном направлении. Кутюрье со своим отрядом в пятнадцать офицеров вместе со мною разместился в единственном классном вагоне. Молодость взяла свое, и юные офицеры, растянувшись на твердых скамейках и укрывшись шинелями, сейчас же захрапели.

На запад от Киева с освещенных платформ шумно и оживленно отходили эшелон за эшелоном поезда с немецкими войсками, покидающими Украину.

Под утро, еще в темноте, я проснулся от долгой остановки. Заметил, что Кутюрье не спит.

– Почему мы стоим? Не знаете ли какая станция?

– Жмеринка... Большая станция... Меня самого удивляет такая длительная остановка... – ответил кутюрье. – Придется разведать, – и он вышел из вагона в холодную пронизывающую дождливую темноту.

Через минуту вернувшись, он с волнением заметил:

– Дело скверно. Жмеринка захвачена петлюровцами. Кажется, они успели уже пронюхать, что в поезде едут офицеры, поэтому нас задерживают.

– Надо будет всех разбудить, – как старший приказал я, – иначе они ворвутся и всех нас перебьют сонными.

Офицеры были разбужены, но петлюровцы к нам не ворвались и пока наш вагон не обстреляли. Кутюрье в офицерской шинели опять вышел разведать положение. Слышно было, как громкий голос на русском языке снаружи допрашивал Кутюрье:

– Кто вы такие?

– Мы – больные офицеры из Москвы. Едем в Крым лечиться. Нас отпустили Советы... – долетел до меня ответ Кутюрье.

– Ну и проваливайте ко всем чертям. Скорее подышайте в вашем Крыму, – напутствовали нас петлюровцы.

Кутюрье предупредил машиниста, и поезд благополучно покинул станцию.

– Отделались испугом! – радостно воскликнул входящий Кутюрье, едва верящий в наше чудесное спасение.

Все мы были поражены, что остались живы, и что петлюровцы не перестреляли нас, как куропаток.

Весело застучали колёса, поезд помчался, поспешно покидая опасную зону.

В районе Екатеринослава наш путь проходил через знаменитое Гуляй поле – страшное место, по которому разгуливал легендарный батько Махно со своими разбойными бандами.

Кутюрье беспокоился:

– Я слышал, что Махно часто останавливает поезда. Захваченных офицеров выводит в расход. Господа, на всякий случай нам надо быть наготове. Не правда ли, господин полковник? – обратился ко мне Кутюрье.

– Конечно, – ответил я. – Рекомендую вынуть револьверы и стать по одному у каждого окна.

Не успел я произнести приказание, как поезд наш, визгливо затормозя, через минуту остановился в чистом поле. Ночь уже сгустилась, и в темноте ничего не различалось. Послали узнать у машиниста, почему остановка. Вернувшийся офицер принес неутешительные сведения: машинисту послышались выстрелы, померещились махновцы. Он отказывается ночью дальше вести поезд.

– Да что он? В самом деле, ненормальный? Ведь так, остановившись среди поля, машинист сознательно подвергает нас смертельной опасности. Наоборот, надо пролететь этот район как можно скорее, – волновалась молодежь.

Видимо, машинист был дальновиден. Его маневр с остановкой был хитро задуман и принёс ему целую кипу и украинских карбованцев, и царских бумажек. Без огней поезд полным ходом застучал по рельсам, и на утро мы были уже в нескольких сотнях верст от резиденции Махно, того самого Гуляй поле, которого побаивались даже храбрые немецкие войска.

* * *

Верю, что беспросветная тьма развеется, тяжелое отчаяние испарится. Светлые дни настанут для России. Разве может так скоро, так внезапно и бесславно умереть Святая Русь? Ведь прожила тысячу лет благоговейной, праведной, чистой, к Богу устремленной жизнью! Разве сонм угодников русских – известных и малоизвестных, – разве ошибся он в своей вере в Россию, разве за ложный идеал великое число их – святые благоверные князья и княгини, митрополиты и епископы, затворники и подвижники – полагали жизнь свою?

Полна ими церковь... Со всех стен и углов, с иконостаса и аналоев, глядят на нас ясными глазами. Как будто слышу их беззвучную поддержку: «Мужайся, Алексей, духом не падай! Всякое бывало на свете, всё суета сует, всё пройдет, уляжется, умиротворится... А если что делается, то значит так надо... Кто знает, может, к лучшему...»

Много их здесь, русских святых: ближе всех, положи руку на чистое сердце, с хоругвью в другой, стоит святой герой Александр Невский, рядом – благодатный воспитатель народного духа преподобный Сергей Радонежский... Широкая дорога к его гробнице через подмосковные леса плотно утоптана сотнями тысяч

богомольцев. Маленькими глазками, читающими в чужих душах, из-под нависших бровей пристально просверливает меня великий прозорливец старец Серафим... На боковой колонне справа висят две иконы старого письма. Это в черных мантиях, обшитых белыми костями и черепами, строгие древние основатели православия Антоний и Феодосий Печерские.

Что только не переживала, какие непосильные невзгоды не претерпевала выносливая благочестивая Русь. Но не отчаивалась от потрясений, не теряла веру в светлое будущее, ибо знала, что молятся за нее свои, родные святые, на русской земле просиявшие.

Бродила Русь с котомками за плечами из края в край по необъятной стране, по зеленым полям и дремучим лесам. Тащилась от монастыря к монастырю, по святым обителям, поклониться гробу то одного, то иного святителя, помолиться по обету у многих чтимых чудотворных икон. В хождении с места на место искал народ врачевания – и телесного, и духовного.

В 17-ом веке по Пермской земле ходил так же странный шубник-портной. С бедняков денег не брал, шил им шубы даром. А если кто и даст ему плату, то всё раздаст ниимущим. Ласковый и добрый, он одинаково обшивал и православных, и язычников. После работы учил детей грамоте, ухаживал за больными. Так и умер за работой. И стали твориться чудеса и исцеления у его могилы. После захотели объявить доброго человека святым, а имени его и вспомнить не могли. Только с трудом доискались, что звали его Симеоном, и был он не простого звания, а дворянского рода, даже играл какую-то роль в событиях Смутного времени. Симеон Верхотурский был истинным русским народным святым. Христианский пример другим. Один из десятков тысяч смиренных праведников Святой Руси. Не подскажет ли Симеон нам выход из беды нашей? Не по сердцу были ему политические ссоры и государственные междоусобицы замутившейся Руси. От борьбы, в которой разочаровался и изверился, он, боярин, «ушел в народ». Ни оружием, ни насилием, ни кровью и властью, а христианской любовью он прочно и навеки приковал к себе простонародные сердца. Если он сделал такой великий подвиг тогда, триста лет тому назад, то не следует ли и нам сотворить что-либо подобное?

И Пушкин, и Достоевский звали нас раствориться в народе.

После рокового Петровского расщепления только высшие классы – да и то не особенно охотно вначале, многие же против воли – пошли за Петром. «Святая же Русь» в страхе и ужасе шарахнулась от Петра-Антихриста. Продолжала брести по старым путям. Но вот в наши дни искусственная европейская Петровская надстройка закачалась, стал трещать по всем швам Петровский чиновничий мундир. «Коллежские регисторы» оторвались от народа. Одетые в мундир, они заразились от европейцев западными грехами: равнодушием, маловерием, империалистической ложной национальной гордостью, чичиковско-эгоистическим приобретательством. Внешние материалистические успехи государства вскружили голову, стали стыдиться своего кровного родства со Святой Русью. А души-то людские опустели. Заметался «интеллигент» в сомнениях и исканиях. Исчезла из сердец ясная, живучая гармония, улетучился из них крепкий, стойкий, непоколебимый русский дух. Те мужики, что оторвались от земли и познакомились с городом, тоже изменились. Фабрика и завод наложили на тела и на душу свою зловонную черную копоть. В суворовском и кутузовском солдате жива еще была прежняя, допетровская душевная настроенность, к нашим же дням «святорусский дух» и в народе, и в солдате сильно выдохся.

Горькая участь ожидает русских европейцев. Разделят они с Европой ее печальную участь самоуничтожения и взаимного истребления. Погибнут в войнах и революциях. И если теплится еще надежда на спасение, то лишь у немногих оставшихся, верных мистически-поэтическому идеалу Святой Руси.

Возможно, что телом одичают эти верные, убегут от сатанинских машин подалее в Азию, спрячутся в сибирских лесах. Но зато, порвав с «гнилой» цивилизацией, отказавшись от «европейского наследства», очищенные муками и страданиями, вновь обретут свое истинное «благоепное» лицо, освещенное внутренним, душевным сиянием. Босые и голодные, худые и изможденные, в рваном рубище с тощими котомками, с лучиной вместо свечки, но зато с глазами, сияющими небесным солнечным блеском, усталой качающейся походкой войдут они нестройною толпою в новое, третье Божье Царство – в Царство Духа Святого Утешителя, которое когда-то обещал Христос.

«Я умолю Отца, чтобы дал Он вам Утешителя – Духа Истины. И Он научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам...»

Всем широко раскроет двери в Третье Божье Царство сияющий ослепительным небесным блеском согнувшийся в перебитой поясице, жизнерадостный убогий старец Серафим.

На чей-то вопрос о смысле жизни Серафим Саровский, не задумываясь, ответил:

– Ах, радость моя, о цели жизни спрашиваешь? В стяжании Духа Божьего, в принятии в себя Духа Святого она заключается. Понял святой, какое будет царство Духа. Царство без небоскрёбов, без аэропланов, без тяжелых снарядов и всеуничтожающих бомб. Без голокружительных успехов техники. Без лишних слез, страданий и горестей. Не будет в нем бездушного эгоизма, беспощадного соперничества. Исчезнет взаимное озверение, прекратятся войны и революции. Земные ценности потеряют свою цену, и не будет тогда богатых и бедных, обидчиков и обиженных. Проснется в людях светлая радость жизни.

Когда святой Серафим готовился к входу в обещанное Царство и тысячу дней и ночей простоял на коленях в безмолвной молитве, в эти дни и ночи, в конце 18-го столетия, по всей Европе грохотали пушки, люди боролись на смерть за будущее устройство мира. А ему, вперившему глаза в небо, горюшка было мало о мелких людских делишках. Люди бессмысленно убивали друг друга, а Серафим убивал в себе своих бесов, искоренял из себя личные эгоистические интересы. Морил себя молитвой, голодом, питался каким-то супчиком из травы, проходил подвиги многолетнего молчания и затворничества, «стяжал Духа Святого», вырабатывал в себе сверхсознание, накапливал в душе великую силу Единой Мировой Энергии. У индийских йогов были свои пути достижения сверхсознания, у Серафима – свои, христианские.

Когда разряжалась его внутренняя энергия, блистал Серафим ослепительным, молниеносным сиянием, поднимался над землёю, видел видения, читал в чужих душах, как в раскрытой книге.

Вспомнив Серафима, перекрестился я за Святую Русь. «Эй, гряди, Господи! Верю в Царство Духа, в твоё обещание!» Перегорят все наши несчастья в горниле страданий. Истребят европейцы друг друга, а мы – ушедшие в сторону от всемирного хаоса на тысячедневный камень Серафима – мы переживём, мы спасёмся. Ибо только в эволюции Духа смысл человеческой жизни. Остальное же всё – суета сует...

АЛЕКСАНДР ЛЕВИЦКИЙ

ПОЧЕМУ Я – РУССКИЙ

В этом году все добрые люди, имеющие память, вспоминали воинов, погибших в сражениях Первой Мировой войны. В Москве устанавливали памятники. Из Тирасполя в Бендерскую крепость прошел крестный ход. Там освятили церковь и мемориал. Но я пошел на молебен и панихиду в «свою» церковь во имя святого Георгия, что в Кишиневе.

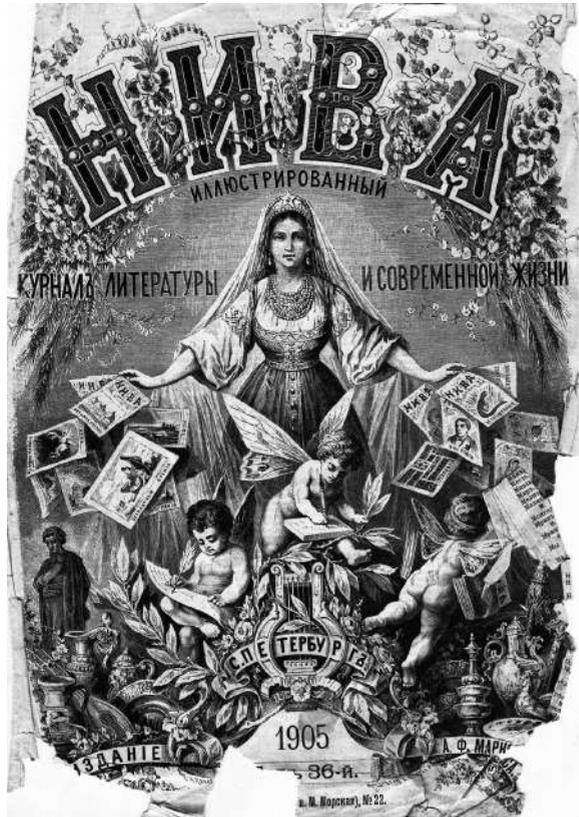
На службу взял портрет родного брата моего дедушки – лихого поручика, отсканированный из альманаха «Нива» за 1905 год. Этот дедушка погиб на Первой Мировой, но портретов тех годов не сохранилось, пришлось взять этот портрет времен Русско-японской войны.

Первое ощущение нереальности пришло во время перелистывания альманаха. Под фотографиями раненых героев, а дедушка был ранен при Порт-Артуре, располагались их фамилии.

Они были русскими, украинскими, немецкими, итальянскими, еврейскими (что никак не вязалось с моими представлениями об угнетении этого народа царской властью), там были какие-то эмиры и принцы, адыгейцы и китайцы. Подумалось – с чего бы всем этим «национальным меньшинствам» воевать за Россию?

Ведь и мой дедушка попал в Сибирь не по своей воле. Его отца сослали в Сибирь, как замышлявшего восстание против России за воссоединение Польши. В знак протеста за ним в Сибирь из Прибалтики поехало большое количество польско-литовской родни, впоследствии растянувшейся вдоль железной дороги от Иркутска до Артема, что под Владивостоком. Собственно, дорога-то и кормила их всех, так как прадедушка был инженером путей сообщения. А железнодорожный узел в Артеме проектировал и строил его сын, мой родной дедушка и тоже железнодорожник. А виадук в Кишиневе, ведущий в район Ботаника, проектировал уже его сын, мой отец. А еще он проектировал продолжение проезда Кантемира, в котором предполагалась прокладка трассы прямо по двору Свято-Георгиевской церкви, что меня сильно огорчает, и чего, слава богу, не случилось.

Дедушка по материнской линии был наполовину русский, наполовину удмурт, а жена его – татаркой. Говорят, что он купил ее у татар. В Первую Мировую дедушка попал в плен к немцам и бежал из Восточной Пруссии через

Поручикъ 13-го вост.-сиб. стр. полка В. В. Левицкий, раненый при отбитии штурма Высокой горы въ Портъ-Артуръ 9-го августа и контужен. 15-го декабря.

Калининград-Кенигсберг и Латвию. Тем же путем во Вторую Мировую из немецкого плена бежала его дочь – врач партизанского отряда. Именно она подарила православному храму города Чирчик, Узбекистан, дедушкин солдатский Георгиевский крест. Брат ее, мой дядя, сгорел в танке на Курской дуге, другой брат раскулачил дедушку, а другая сестра – моя мать – командовала зениткой, охраняя железную дорогу из Мурманска, по которой шла американская помощь. Было это в составе 14 армии, которой потом, уже в наши времена, командовал генерал Лебедь.

Еще один дедушка с отцовской стороны был комендантом военного порта в Балтийске, что под Калининградом, где была дача Бормана. Я, маленький, стоя с ним рядом, принимал парад военных кораблей Балтийского флота.

Польско-литовские и русско-татарские крови встретились в Молдавии, где родился я – еврей по воспитанию. Мы жили на еврейской магале, в моем классе из 28 учеников 23 были евреями. После смерти отца дядя Сема взял меня помощником в коптильню, а дядя Изя Левит сделал мне первую в моей жизни прическу, под «битлов», правда, я-то хотел под «Анжелу Дэвис». Я считал себя евреем до исхода евреев из Молдавии. Некоторые друзья считают меня евреем до сих пор.

Кости моей родни раскинуты по лицу земли, они лежат в обеих Америках, в Австралии, Африке, их помнит Азия – от Шанхая до Ижевска, и Европа – от Лиона до, теперь, Кишинева. Они строили и разрушали, их убивали и они убивали. И все равно я не мог найти ответа, почему они гибли за Россию, ведь, исходя из современных взглядов, они должны были люто ненавидеть ее.

Почему я считаю себя – русским? Какие у меня для этого основания, и есть ли эти основания? Я – эмигрант? Но я же никуда не уезжал! Мне вдруг стало принципиально важно понять, что для меня Россия? Знаю ли я Россию? Ведь в новой России я никогда не жил, а старой не помнили даже родители. Отчего же тогда ностальгия? По какой России?

Может быть, для меня Россия все еще СССР?

Нет, в конце двадцатого века для меня Приднестровье было СССР. Это сейчас оно становится Россией. Но я-то стал русским раньше?

Тогда, в конце прошлого века, у меня, жителя Молдовы, возникла уникальная возможность выбора идентичности. В борьбе за последнюю букву в моей фамилии, за право иметь в ее конце «и краткое» или попросту «й», я, дважды не уехавший в Израиль и один раз в ЮАР, стал русским. В то время Панфиловы становились Панфилами, Лукьяновы – Лукьянами, моя первая жена, имевшая прекрасную русскую фамилию, стала румынкой. Я знаю многих евреев, гагаузов, молдаван, украинцев и болгар, которые в то же время стали русскими, и глубоко благодарен за это румынскому национализму.

Исходя из личных наблюдений за иногда приносящими к могилам пред-

ков нынешними гражданами Израиля и Германии, они более «русские», чем русские, ставшие евреями и немцами.

Отец Николай стал говорить проповедь об убиенных в Первой Мировой. А мне подумалось, что одного русскоязычия и протеста мало, чтобы стать русским. Чтобы стать евреем мало поддержать акцию у памятника Юрию Долгорукому «Отпустите наших детей в Израиль» и вылететь оттуда и из института прямо в армию. Как в 1977 это сделал я. После распада СССР я много читал опусов эмигрантов первой, второй и прочих волн. У каждого из них своя Россия. Одна Россия у Соловьева и иная у Ильина, разные России у Герцена и Тихомирова. Возникало впечатление, что эмигранты, просыпаясь поутру, вопрошали вселенную: «Я еще русский или уже нет?» У каждого, живущего в России или вне нее, своя собственная Россия. С точки зрения Запада, это какофония, полный раздрай. Поэтому им «умом Россию не понять» и предлагается в нее верить. Какому из авторитетных мнений верить – не уточняется. Не знаете, кому верить, верьте официальной версии, транслируемой специально для вас через канал «Раша тудей». Киселев на пальцах вам все объяснит. Кстати, в среде моих немецких родственников (есть и такие) этот канал был принят с большим интересом. Что примечательно, и израильские друзья, и немецкие, и литовские родственники НЕ считают себя частью Русского Мира. Они считают, что Русский Мир – часть их мировоззрения.

А у меня своя Россия, я собираю ее более двадцати лет.

Для меня многоголосый хор мнений о России, это симфония. В которой нужен и важен каждый звук.

В храме, во время молебна и панихиды, я вдруг ощутил, что там, за иконой с образом Георгия Победоносца, за его спиной стоят мои бабушки и дедушки, мои забытые уже мной предки, и я – всего лишь растущий из этой почвы колосок. Они, мои предки, я верю, входят малым звеном в армию святого, и мне, живущему ныне, надо лишь к ним обратиться. И я пойму.

Россия – это почва, удобренная поколениями и поколениями моих православных, католических и вовсе не христианских предков. Почему-то мне кажется, что в эту армию берут не только православных. Ислам и Православие воспитали Россию во вселенскости. Это не космополитизм, это – Катехон. Россия всегда империя, не потому что завоевывает пространства, а потому что завоевывает сердца. Никакой национализм не может дать той вселенской широты и возможности стать частью целой вселенной, или вместить всю вселенную. Потому народы, уставшие от произвола мелких национальных царьков, и стремятся в Россию.

Там, на панихиде, разбуженный Отцом Николаем, я понял, что такое Русский Мир, когда почувствовал, что я не эмигрант в Молдове, я эмигрант в этом мире. Православие – церковь для эмигрантов. Оно «не от мира сего», оно на земле эмигрант. Тело Церкви находится на земле, но дух его в небесах. Потому я воспринимаю разгул находящихся под управлением националистических государств национальных церквей как их личный грех, как попытку построить свой дом на земле.

Вся культура России выросла из Православия. Воспитанный в этой культуре русский человек может жить везде и стерпеть все, кроме бесовщины, потому что он знает, что все это кончится. Пожалуйста, не доходите до бесовщины, го-

спода. Потому что борьбу с бесовщиной русский человек воспринимает как подвиг во имя господа. Даже если этот русский – татарин, чеченец или поляк. Везде, где есть храм, там Русский Мир. Под словом храм я имею в виду и православную церковь, и синагогу, и мечеть, и костел в тех местах, где католичество начало выгребаться из-под спуда своего величия. Конфуцианский аристократический социализм Китая – тоже Русский Мир.

Россия – всегда монархия, где Господь является Царем, а ныне правящие люди лишь пытаются провести в современные реалии Его волю. Бедные европейцы не знали Самодержавия. Прежняя царская Россия тоже не знала. Если бы знала, то отпустила бы Церковь на волю. Но теперь видны ростки самодержавной Святой Руси, где в симфонию сплетаются лучшие стороны демократии, аристократизма и монархии.

Россия – это мысль Божья о возможности жить по справедливости.

Потому я и стал русским.

«Да приидет Царствие Твое», – запел отец Николай.

Александр Альбинович ЛЕВИЦКИЙ (Кишинев). Родился в 1956 году. Окончил Школу-студию (ВУЗ) имени Нимировича-Данченко при МХАТ СССР имени Горького. Лауреат премий республики Дагестан РСФСР и Северного флота за циклы авторских телевизионных передач с молодыми поэтами. Литературным творчеством увлекался с детства, однако публиковался исключительно в качестве журналиста. Автор романа «Катехон».

ИНФО - поле АРП РМ

Уходящий год – год 215-летия А.С. Пушкина и 200-летия М.Ю. Лермонтова – был, как никогда, богат на неординарные литературные события в Молдавии. По инициативе АРП РМ и при поддержке Российского центра науки и культуры, Посольства Российской Федерации в РМ и Министерства культуры РМ 5-8 июня в Республике Молдова состоялся Первый международный фестиваль русской литературы «Пушкинская горка», о котором в Спецвыпуске «РП», посвящённом страновой конференции российских соотечественников, проживающих в Молдавии, мы опубликовали глубокую и трогательную статью Нины Орловой-Маркграф. И вот в последний месяц осени русские литераторы республики снова встречали гостей!

27-30 ноября у нас прошёл фестиваль «БЕССАРАБСКАЯ ОСЕНЬ» с участием молодых писателей Молдовы и России.

При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, он был организован Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ совместно с литературными журналами России: «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Костер», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», интернет-изданиями: «Пролог», «Кольцо А» при участии Представительства Россотрудничества и Российского центра науки и культуры в РМ, Ассоциации русских писателей РМ и журнала «Русское поле».

Основная цель фестиваля – развитие русского языка, совершенствование мастерства перевода, укрепление и расширение литературного процесса в Молдове и России, открытие новых имён и содействие литературному обмену и продвижению современной литературы.

На фестиваль по итогам конкурса были приглашены для участия 12 молодых писателей из разных регионов Молдовы, а также молодые авторы из России.

Радостно, что серьёзный предварительный творческий конкурс для участия в Фестивале прошли наши ребята – члены молодёжной секции АРП РМ и победители прошлых лет ре-

спубликанского молодёжного литературного конкурса «Взлётная полоса»: Татьяна Орлова, Валерия Чеботарёва, Павел Полищук, Диана Жалбэ, Марина Шупак.

Открытие Фестиваля состоялось 27 ноября 2014 года в Российском центре науки и культуры. От имени президента ФСЭИП Сергея Александровича Филатова приветствие зачитал заместитель главного редактора журнала «Наш современник», литературный критик и поэт Александр Казинцев:

Дорогие участники Фестиваля!

В 2001 году Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ вместе с центральными литературными журналами Российской Федерации учредил ежегодный Форум молодых писателей России. В этом году Форум состоялся уже в 14-й раз. Участниками Форума являются молодые писатели, пишущие на русском языке, из России и зарубежных государств, в том числе – из Молдовы. В связи с увеличившимся количеством заявок из стран СНГ, мы, начиная с 2009 года, проводим Литературные Фестивали в одной из этих стран. Такие Фестивали уже прошли в Беларуси (2009), Украине (2011), Армении (2012, 2013, 2014), Казахстане (2012), Киргизии (2013). И вот теперь мы рады провести Фестиваль на гостеприимной молдавской земле.

Руководитель РЦНК В.Е. Рыбицкий и А.И. Казинцев открывают Фестиваль

Мы хотели бы, чтобы Литературный Фестиваль в Молдове способствовал налаживанию творческих связей между молодыми молдавскими и российскими авторами, литературными журналами и литературными сообществами и укреплению добрососедских отношений, дружбы между народами России и Молдовы.

Следующий, 2015 год, объявлен в России годом литературы, где особое место отведено программам сотрудничества со странами СНГ. В настоящее время в этих странах наблюдается снижение интереса к русскому языку и русскоязычной литературе.

Поэтому проведение подобных литературных Фестивалей особенно актуально, так как они помогают развитию русской литературы, сохранению живого русского языка в мире. Специально для этого мы попросили профессора Евгению Басовскую прочитать участникам и гостям Фестиваля лекцию на круглом столе «Русский язык как культурный посредник».

В Литературном Фестивале этого года участвуют опытные мастера слова: прозаик Леонид Юзефович и критик, литературовед Александр Казинцев. Для живого творческого общения в Фестивале примут участие молодые авторы из России: Елена Луценко, Елена Кондратьева (Елена Лапшина), Екатерина Цыбина (Екатерина Кюне), Юлия Симбирская и Фарит Нагимов (Фарид Нагим). Это молодые, но уже состоявшиеся писатели, которые своими публикациями, книгами сделали известными свои имена в современной литературе, к их мнению прислушиваются. Надеюсь, общение будет обоюдно полезным.

Готовясь к Фестивалю, мы чувствовали большое внимание и помощь со стороны Ассоциации русских писателей Республики Молдова и Российского Центра науки и культуры в Республике Молдова. Хочется особо поблагодарить за помощь в подготовке Фестиваля писателя Викторию Чембарцеву.

Наш Фонд всегда открыт и доступен для общения, мы будем и в дальнейшем поддерживать молодых авторов в их творчестве.

Президент Фонда СЭИП С.А.Филатов

Приветственное слово нашего земляка и доброго друга, – поэта, прозаика, переводчика, эссеиста Кирилла Ковальджи на открытии зачитала поэт Елена Лапшина:

«Дорогие друзья!

Уверяю вас: воздух Кишинёва благоприятствует поэзии. Я и сам имел возможность в этом убедиться. Двадцатилетним (с хвостиком) сочинителем стихов я приехал в Кишинев и поразился плодотворности взаимодействия двух культур – русской и молдавской. Кстати, нельзя не вспомнить, как Кишинев закружил вдохновением молодого Александра Сергеевича Пушкина. Сначала он ворчал как опальный поэт, но с годами всё с большей нежностью вспоминал бессарабскую радугу.

Желаю вам творческой удачи, щедрого отклика на мир этой земли – гостеприимной и многострадальной земли между Прутом и Днестром.

Мысленно и душевно я с вами и верю, что общение у нас впереди.

Ваш Кирилл Ковальджи»

Впереди – осмысление итогов фестиваля, обмен впечатлениями и воспоминаниями о нём, которыми мы будем делиться со своими читателями, а пока предлагаем вашему вниманию

ДНЕВНИК ФЕСТИВАЛЯ

26.11.2014

26 ноября 2014 года молодые авторы из Молдовы, приглашенные по итогам конкурса на Литературный Фестиваль, ведущие мастер-классов и молодые писатели из России встретились в гостиничном комплексе «Dacia Marin» в поселке Вадул-луй-Водэ под Кишиневом, где состоялось их знакомство. Первый вечер фестиваля участники и гости провели в неформальной теплой обстановке: читали стихи, отрывки прозы, знакомились с творчеством друг друга.

Роман Кожухаров (Тирасполь), Евгений Кондратенко (Кишинёв), Павел Полищук (Бельцы)

27.11.2014

Фестиваль молодых писателей Молдавии и Приднестровья «Бессарабская осень» открыл свою работу в кишинёвском центре науки и культуры.

На Открытии выступили В.Е. Рыбицкий – руководитель РЦНК в Молдавии, А.И. Казинцев, Елена Лапшина и Олеся Рудягина – председатель Ассоциации русских писателей РМ.

Присутствовали представители молдавской прессы, радио и телевидения. Российские гости передали Библиотеке РЦНК книги от фонда СЭИП и журналы «Вопросы литературы» и «Наш современник». Затем участники фестиваля были гостеприимно приняты в Доме-музее А.С.Пушкина. Экскурсию провела директор музея – Александра Стаканова.

Во второй части дня мастера делились опытом, велись разборы произведений.

Вечер продолжился интересной, живой и увлекательной лекцией профессора из РГГУ – Е.Н.Басовской «Русский язык как культурный посредник». На лекции присутствовали участники и гости фестиваля, представители русскоязычной литературы Молдавии – Александра Юнко и Олеся Рудягина. В дискуссии приняли участие молодые молдавские и приднестровские авторы, гости из России.

Завершили вечер литературные чтения участников фестиваля – «Свободный микрофон».

Славянский университет. Говорит А.Попов.

В библиотеке Славянского Университета РМ прошла встреча с преподавателями и студентами, был проведен круглый стол на тему «Проблемы современной русскоязычной литературы Молдовы». Ведущими выступили авторы из Молдовы – Александр Попов, Олег Панфил, Олеся Рудягина, Олег Краснов; в дискуссии участвовали московские гости и авторы из Молдавии и Приднестровья. Российские гости передали Библиотеке СУРМ и директору кишинёвской русской библиотеки им. Ломоносова Маргарите Щелчковой книги от фонда СЭИП и журналы «Вопросы литературы» и «Наш современник».

Участники фестиваля посетили Центральный парк Кишинёва, ознакомились с достопримечательностями, побывали в Кафедральном соборе и на ярмарке народных ремёсел.

Вторая часть дня началась с мастер-классов – семинаристы, опи-

28.11.2014

В библиотеке Славянского Университета РМ прошла встреча с преподавателями и студентами, был проведен круглый стол на тему «Проблемы современной русскоязычной литературы Молдовы». Ведущими выступили авторы из Молдовы – Александр Попов, Олег Панфил, Олеся Рудя-

*Руководители мастер-классов
Л.А. Юзефович, А.И. Казинцев*

раясь на полученный накануне опыт работы с текстами, с энтузиазмом принимали участие в дискуссиях и разборе произведений.

Вечер продолжила творческая встреча с руководителем мастер-класса поэзии Александром Ивановичем Казинцевым – замечательным автором и мудрым педагогом.

Вечер традиционно завершился литературными чтениями.

29.11.2014

Утро началось с посещения живописного монастырского ансамбля в селе

Курки Оргеевского района Молдавии. Участники посетили главный храм монастырского комплекса – Храм Рождества Богородицы – и так называемую тёплую или зимнюю церковь. Гости получили благословление от одного из служителей монастыря.

После обеда продолжились занятия в мастер-классах. Вечер открыла творческая встреча с руководителем мастер-класса прозы – писателем, уважаемым педагогом Леонидом Абрамовичем Юзефовичем. Подведение итогов и рекомендации к изданию книг и сборников от Фонда СЭИП были озвучены на закрытии фестиваля.

Продолжили вечер литературные чтения, общение в неформальной обстановке.

Завершающим аккордом фестиваля стало символическое послание в будущее: участники фестиваля поместили в бутылку листки с названиями своих будущих произведений. Бутылку с посланием торжественно закупили и опустили в воды ночного Днестра.

30.11.2014

Фестиваль прошел в атмосфере дружбы, творческого взаимодействия, приятного общения и доброжелательности. «Бессарабская осень» состоялась! Спасибо организаторам, участникам и гостям!

В гостях у А.С. Пушкина. Катерина Кюне, Евгения Басовская (Москва)

Фарит Нагимов и Диана Жалбэ

Вика ЧЕМБАРЦЕВА,
координатор фестиваля в Молдавии,
поэт, писатель, переводчик.

ИТОГИ ФЕСТИВАЛЯ «БЕССАРАБСКАЯ ОСЕНЬ»

Мастер-класс – «Поэзия»

Руководитель: Казинцев Александр Иванович

Ассистент: Лапшина Елена (Елена Кондратьева)

1. Волошина Татьяна (Таня Орлова-Волошина)
2. Грабко Виктор (Витя Гроб)
3. Жалбэ Диана
4. Тимуш Анна (Анна Завранская)
5. Чеботарёва Валерия (Валерия Сафронова)
6. Чембарцева Виктория (Вика Чембарцева)
7. Шупак Марина
8. Цыбина Екатерина (Катерина Кюне)
9. Симбирская Юлия

По итогам семинара, рекомендовано в сборник «Новые писатели – 2014» включить произведения следующих авторов:

1. Волошина Татьяна (Таня Орлова-Волошина) – стихи
2. Жалбэ Диана – переводы из румынской поэзии
3. Чембарцева Виктория (Вика Чембарцева) – стихи

Мастер-класс – «Проза, критика»

Руководитель: Юзефович Леонид Абрамович

1. Кожухаров Роман
2. Кондратенко Евгений
3. Полищук Павел
4. Раду Елена
5. Чопчик Алиса
6. Шупак Марина (факультативно)
7. Волошина Татьяна (Таня Орлова-Волошина) (факультативно)
8. Цыбина Екатерина (Катерина Кюне)
9. Симбирская Юлия
10. Елена Луценко

По итогам семинара, рекомендовано отметить за активное участие в обсуждениях следующих авторов:

1. Раду Елена
2. Кожухаров Роман
3. Полищук Павел
4. Кондратенко Евгений

В сборник «Новые писатели – 2014» включить произведения следующих авторов:

1. Кондратенко Евгений – рассказы
2. Цыбина Екатерина – рассказы

На издание авторской книги рекомендовать:

Кожухаров Роман – роман «Господь IN Президент»

За активное участие в работе мастер-класса объявить благодарность Волошиной Татьяне, Грабко Виктору, Жалбэ Диане, Кожухарову Роману, Кондратенко Евгению, Полищуку Павлу, Раду Елене, Тимуш Анне, Чеботаревой Валерии, Чембарцевой Виктории, Шупак Марине.

Благодарность Фонда СЭИП и руководителей мастер-классов:

- за организацию и сопровождение мероприятий Фестиваля – Виктории Чембарцевой, Фариту Нагимову;
- за участие в проведении обсуждений в мастер-классах – Елене Лапшиной, Елене Луценко;
- за работу в мастер-классе «Поэзия» – Екатерине Цыбиной и Юлии Сибирской.

Фонд СЭИП выразил благодарность за участие в фестивале: писателю Леониду Юзефовичу, литературоведу Александру Казинцеву, профессору, доктору филологических наук Евгении Басовской, председателю Ассоциации русских писателей Олесе Рудягиной, Директору РЦНК Валентину Рыбицкому, писателям Олегу Краснову, Олегу Панфилу, Александру Попову.

В 2015 году «Русское поле» будет знакомить своих читателей с произведениями участников Фестиваля.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО...

Его яркие идеи воплотились во многие замечательные памятники. Его имя вписано в историю Храма Христа Спасителя. Его сердце переполняет любовь. Его творческое наследие, словно мостик между двумя культурами – русской и молдавской. Известный скульптор, профессор, член Союза художников России, Молдовы, Международной Федерации художников.

Произведения его можно увидеть в Третьяковке, в музеях стран СНГ, в частных художественных галереях США, Японии, Италии, Германии, Турции, Канады.

Много лет живёт в Москве, но душа его тоскует по Кишинёву, городу детства, по родному краю.

Стоит лишь войти в мастерскую Константина Константиновича КОНСТАНТИНОВА, как сразу понимаешь: это самое родное его место, его отдушина, отражение внутреннего мира творца. Он тут же приглашает в этот свой загадочный мир искусства, который так тесно переплетается с реальностью.

– Сейчас кое-что покажу. Вот, видите... Это пока эскиз. Только что набросал внука Егорку и себя.

Малыш вбегает и говорит: «О! Деда и Гога!» Узнал и улыбается.

– Начнём с истоков. Вы родились в семье народных артистов, основоположников молдавского театрального искусства...

– Да, посчастливилось. Мама – Екатерина Григорьевна Казимилова, отец – Константин Тимофеевич Константинов, оба известные деятели культуры Молдовы, действительно, стоявшие у самого начала молдавского драматического театра. Родители выступали перед фронтовиками, в госпиталях в годы Великой Отечественной, поднимая бое-

вой дух и веру бойцов в победу. До глубокой старости гастролировали по городам и сёлам – несли искусство в массы. Меня и сестру Элеонору брали с собой. Домов культуры, клубов после войны не было, и актёры часто выступали под открытым небом, в поле. Ставили рядом два грузовика, и получалась сцена, на которой и проходил спектакль.

Семья у нас была дружная, дом гостеприимный, к нам приходили актёры, художники, музыканты. Поскольку они оба были актёры, то и фамилии у родителей были разными. Они даже узаконивать свои отношения не стали, так как считали, что не бумажка держит семью, а совесть, порядочность, честь. Пожились уже в преклонном возрасте, чтобы не было никаких вопросов с имуществом. Папа был затейником, человеком очень заботливым, эмоциональным. И в какой-то день он говорит маме: «Катюша, давай мы пойдём с тобой распишемся. А то не дай Бог помрём, и как тогда, что будет». Им в ЗАГСе даже не поверили, ведь жили они вместе уже около 60 лет. Когда поняли, что папа не шутит, дали заполнить заявления о желании вступить в брак, а по правилам нужно было ждать ещё два месяца. Но всё уладилось и их тут же расписали. Папа хотел ещё и обвенчаться. Он поехал прямо к митрополиту молдавскому Владимиру, они были знакомы. Митрополит одобрил папино желание. Но нужно было найти нанаша по возрасту старше.

*Родители. Е. Казмирова
и К. Константинов.*

На тот момент отцу уже было 80 лет. И вот он идет в таком минорном настроении домой и встречает по дороге Тудора Тэтару, который тут же предлагает папе быть его нанашем. Папа говорит: «Ты что, ты же моложе моего сына на 15 лет». На это Тэтару ответил: «А я возьму с собой Серафима Урекияна. Вдвоем мы будем старше». Пошли вместе к митрополиту. Владимир говорит: «В моей практике не было еще такого, но, думаю, Господь не будет против». И так папу с мамой обвенчали. Прожили они в любви 67 лет.

– Готовый сценарий для художественного фильма. Вы родились, Константин Константинович, в разгар войны, детство пришлось на послевоенное время. Какие воспоминания о нём сохранила память?

– Родился я в феврале 1943 года в Туркмении, куда был эвакуирован театр. В 1949 году пошёл в школу. Учился не очень хорошо, честно говорю. Не могу сказать, что я был положительным мальчиком, плохо себя вёл и был, наверное, чересчур шустрим. Меня наградили кличкой «борец за справедливость». Я мог за кого-то заступиться, за что часто получал нагоняй, был вечно в синяках. Всегда из равновесия выводили хамство, грубость, подлость, невежество, пошлость.

Не обязательно всё это должно было быть адресовано мне. Мы, дети послевоенной эпохи, воспитывались на положительных примерах, у нас были свои, настоящие герои. Ориентиры – гуманные. Мы смотрели фильм по книге «Молодая гвардия» и плакали. Лет в 11-12 были одержимы идеей освободить Северную Ко-

рею. Собрались, спрятались в товарном вагоне и поехали. В районе Тирасполя взрослые нас всё же заметили, сняли с поезда. Естественно, родители нас по головке не погладили. Но мы не собирались отказываться от своей высокой цели. Мы были честные! Если же говорить о детстве в целом, то оно, конечно же, было тесно связано с театром, с гастрольями родителей.

– Вы поздоровались со мной на молдавском языке и, как мне показалось, совершенно без акцента. Хорошо говорите?

– Ой, нет, я говорю очень плохо. Это мой недостаток. Коверкать родной язык не хочется, а правильно изъясняться я не могу. И тому есть причина: я учился в русской школе. В Кишиневе молдавских школ попросту не было. После войны было необходимо, чтобы всё население Советского Союза хорошо владело русским языком. Это был перегиб, конечно. Нужно было оставить и молдавские школы. Были украинские, еврейские, а вот молдавских не было. Да и учить было некому: кого-то забрала война, кто-то уехал в Румынию. Страна разрушена после войны. Нужно было её восстанавливать, обустраивать жизнь людей, поднимать культуру, здравоохранение, образование. Из России прислали специалистов – докторов, инженеров, учителей. Мы были единственными молдаванами во дворе. И так как русскоязычных стало больше, открыли много русских школ, в одну из которых меня и отдали. Дома же говорили в основном по-молдавски. Язык мной не забыт, я даже могу быть переводчиком, но из-за отсутствия разговорной практики у меня появился акцент. Молдавский, действительно, восхитительно красивый язык, но я на нём уже почти не говорю, о чём очень сожалею.

– Вы утверждаете, что в годы Вашей юности закрывали молдавские школы и открывали русские. Сейчас же ситуация прямо противоположная. Закрываются школы с русским языком обучения.

– И это неправильно. Потому что чем больше человек знает языков, тем он богаче. Например, никакой, даже самый качественный перевод не заменит чтение художественной литературы на языке оригинала. Любой перевод – это вмешательство, вторжение в язык.

– В одном из своих интервью Вы обмолвились, что счастье – это когда ты занимаешься любимым делом, и никто этому не препятствует. Находясь сейчас в мастерской в окружении множества Ваших работ, можно смело назвать Вас счастливым человеком. А с чего всё началось?

– Семья у нас, как я уже сказал, специфическая. Мама с папой – на сцене, се-стра играла на фортепиано, я – на скрипке. Когда мне врачи запретили играть на скрипке, меня перевели на виолончель, которая была вдвое больше меня. (Смеётся). И вот я с ней ходил в музыкальную школу. Но на нотных листах всё время что-то рисовал, и учительница меня спрашивала: «Ты кем будешь – художником или музыкантом?». И вот с тех пор я стал уже серьёзно увлекаться изобразительным искусством.

Однажды папа привёл меня к известному скульптору Лазарю Дубиновскому. Это один из ведущих скульпторов Молдавии. Привёл отец меня к нему в мастерскую, которая располагалась напротив бывшего театра имени Пушкина. Они были с папой в приятельских отношениях. Лазарь Исаакович как раз тогда работал над замечательной, очень эмоциональной трилогией. Он меня спросил: «Что, тебе нравится скульптурой заниматься?» А я и не знал, нравится ли мне, я ведь

первый раз видел скульптора. И он говорит: «Вот на тебе глину, видишь бюст Ленина, вот и лепи его». А сами они пошли по делам в театр. Ну, я остался. Он сказал лепить – я лепил. Как мог так и вылепил. Приходит Лазарь Исаакович из театра часа через три и говорит: «Ну, ёлки-палки, здорово! Быть тебе скульптором». Вот так с его легкой руки я стал заниматься этим делом.

– **Интересно, что же стало с этим бюстом Ленина?**

– Я эту скульптуру подарил школе, в которой учился.

– **Вы ведь могли стать художником. Почему всё же скульптура? Чем она Вам близка?**

– Мне интересна анималистика, увлекаюсь графикой, по настроению – живописью. Но на первом месте, конечно, скульптура. Я её очень люблю. В живописи можно взять цветом. А в скульптуре такого нет. Тут меньше эффектов, возможностей. Но в этом и интерес – увидеть, передать внутренний характер, состояние, которое тебя волнует.

– **Вы окончили Республиканское художественное училище имени Репина в Кишинёве.**

– Поступил я на отделение скульптуры. Это было после восьмого класса, в 1958 году. В училище, в отличие от школы, занимался отлично. Преподавал нам Александр Майко – директор. Прекрасный педагог, скульптор и удивительный человек. В это время уже началась большая практика – Майко приглашал нас ему помогать в мастерской. Я не имел права получать стипендию, так как родители считались обеспеченными. Мне так было обидно, ведь я её не получал не потому, что плохо занимался. Директор пообещал: если у меня будут все пятёрки, то буду получать не просто стипендию, а повышенную – Ленинскую. Когда завершились первые курсы с не любимыми мной химией, физикой и остались в основном специализированные дисциплины, очень мне интересные, я сказал себе: «У меня ни одной четвёрки не должно быть». И я единственный из всего училища получал Ленинскую стипендию. Она, правда, была больше примерно на четыре рубля, но важен сам факт. Помню, купил торт, продукты. Маму это, естественно, тронуло, что я внёс свою лепту в семейный бюджет. Но она сказала: «Вот ты себе собирай, это твои деньги». Я очень хотел зарабатывать именно своей профессией, поэтому начал брать маленькие заказы. Это было для меня и заработком, и практикой. Родители мной гордились.

Памятник воинам-афганцам в г. Воскресенске

– Когда завершились первые курсы с не любимыми мной химией, физикой и остались в основном специализированные дисциплины, очень мне интересные, я сказал себе: «У меня ни одной четвёрки не должно быть». И я единственный из всего училища получал Ленинскую стипендию. Она, правда, была больше примерно на четыре рубля, но важен сам факт. Помню, купил торт, продукты. Маму это, естественно, тронуло, что я внёс свою лепту в семейный бюджет. Но она сказала: «Вот ты себе собирай, это твои деньги». Я очень хотел зарабатывать именно своей профессией, поэтому начал брать маленькие заказы. Это было для меня и заработком, и практикой. Родители мной гордились.

– Почему пришло решение покинуть родные края?

– Время в училище пролетело быстро, и диплом был на носу. Нужно было думать о продолжении обучения. В Молдавии не было художественного института. Можно было поступить на Украину, но мне не хотелось. Наслышавшись о Строгановке, я решил ехать в Москву. Самостоятельно поступил с первого раза на отделение монументально-декоративной скульптуры. Занимался хорошо и окончил институт в 1968 году. У меня была возможность остаться в Москве, мне даже предложили преподавать на вечернем отделении. Но я сказал, что поеду домой. В Кишинёве стал преподавать в том же училище имени Репина. Через два года мы с моей первой женой получили трёхкомнатную квартиру в Москве, переехали. Стал работать в художественном фонде, выставлялся. Мы обустроили квартиру, родился сын.

– Сложно найти человека, который не считал бы лучшими годами своей жизни годы студенчества...

– От обучения в Строгановке остались самые яркие и светлые воспоминания. Мне повезло с преподавателями, которым я многим обязан и благодарен. В Строгановке – удивительный дух. В наше время там все были одержимы искусством. Была вера в то, что мы делаем; в то, что это необходимо людям. Не было разгильдяйства. Сейчас не хотят учиться, хотят сразу всё получить. У нас не было тех благ, которые есть теперь. Но мы были намного богаче. Я убеждён в своей правоте. Тогда не могло случиться такого, чтобы на занятия пришёл только один студент или вообще никто не пришёл. Мы даже перерывы между занятиями использовали как возможность ещё поработать. Мы действительно были одержимыми. После института оставались в училище до вечера – рисовали, лепили, рубили камень. Каждой секундой дорожили. Нынче всё иначе. Понимаете, какое дело...

– Как, когда к Вам приходят идеи, как рождаются скульптуры?

– По-разному. В основном, ночами. Вот сегодня мне приснились две композиции, я их уже вижу в бронзе. Идей очень много.

– Ваши работы были приобретены Третьяковской галереей. Расскажите о них.

– Скульптуры, выставленные сейчас в Третьяковке, были сделаны на одном дыхании. Я хотел куда-то сбежать от городской суеты, купил маленький домик в лесу, на Украине. Если есть рай, то это там. Тишина... Пчела летит и слышно жужжание. Река Южный Буг, водопад, каньон – красота неопишуемая! На двенадцать километров восемь домов – хуторок. Рядом со мной жили баба Оля и дед Данила. Долго я без дела сидеть не мог и вылепил их. А тут в Москве открылась выставка «Земля и люди». Я отлил в бронзе эти скульптуры. Приехала закупочная комиссия. Представители министерства культуры СССР оставили у скульптуры бумажку – значит, она закуплена. Через некоторое время приходят люди из Третьяковки, а там есть уже бумажка. В итоге я дал разрешение организаторам выставки решить, кому работы отдать. Так эти скульптуры попали в Третьяковскую галерею.

– Константин Константинович, Вы ведь еще участвовали в восстановлении Храма Христа Спасителя в Москве.

– Было дело, меня пригласили. К работе привлекались разные скульпторы,

перед которыми ставились конкретные задачи. Мне поручено было создать образы князя Владимира и княгини Ольги, крестителей Руси. Я трудился над ними с радостью.

– Сколько выставок за Ваши плечами?

– Я – участник более двухсот выставок – городских, республиканских, всесоюзных и международных. Выставлялся в больших и малых залах, для рядовых граждан, любителей искусства, и для первых лиц разных государств. За последние 20 лет мною выполнено немало бюстов и памятников. Некоторые произведения вызывали большой резонанс. Мои работы приобретены министерством культуры СССР, РСФСР, Минкультурами Украины, Узбекистана, Молдовы. Станковые скульптуры хранятся в частных художественных галереях восьми стран.

Храм Христа Спасителя – Владимир и Ольга, крестители Руси (Москва)

– Вы можете похвастаться и многими городскими памятниками...

– Могу! (Смеётся.) Вспомнил один примечательный случай. Был объявлен конкурс на памятник Александру Пушкину в городе Пушкин, что под Москвой. Все проекты были отвергнуты. Предложили попробовать мне. Я отдал эскиз Пушкина, который у меня уже был. Они его утвердили. А позже ко мне в мастерскую пришёл архитектор, занимавшийся этим проектом, и говорит: «Да у тебя же Пушкин с Крыловым есть!» А в городе как раз пересекаются улицы Пушкина и Крылова. Именно на этом перекрёстке и установили ту скульптуру.

Как-то мне предложили принять участие в конкурсе на лучший памятник воинам-интернационалистам в городе Воскресенск. В нём выиграл один из моих эскизов.

– Есть любимая работа?

– Самая дорогая и любимая – это та, над которой трудишься в данный момент. Со временем она отходит на второй, затем третий план. Но, вообще, все они – мои дети. Любимую трудно определить, это всё равно, что сказать, какой палец дороже. Все родные.

– Вы – профессор. А сейчас преподаете?

– Уже нет. Раньше преподавал в Художественном училище имени Калинина в Москве. Меня и сейчас приглашают в Академию Глазунова, но уже преподавать как-то не очень хочется.

– Какое место в Вашей жизни занимает Православная Академия наук и искусств?

– Это академия, которая сформировалась на базе Академии наук. Я предложил объединить людей науки и искусства, людей доброй воли, которые хотят

*А.С. Пушкин и И.А. Крылов,
подмосковный город Пушкин.*

улучшить жизнь на более высоком уровне, чем просто математика, физика, химия. Мне предложили быть куратором филиала этой академии в Молдове. В состав филиала в Москве вошли известные деятели науки, искусства. Все они профессионально, добросовестно работают на улучшение русско-молдавских братских отношений, на укрепление мира и дружбы между нашими народами. Суть в том, что каждый на своем месте должен делать добро. И вместе у нас действительно получается в культурном плане укреплять этот мост

между Молдовой и Россией. Отчасти, благодаря нашей совместной работе, была поставлена опера Римского-Корсакова «Царская невеста» в оперном театре в Кишинёве.

– В творчестве не бывает без неудач. С какими трудностями Вам пришлось, приходится сталкиваться?

– Путь очень тернистый. Ещё в пору моего обучения в училище Репина в мою сторону отпускали порой язвительные реплики, вроде: «Ну конечно, это сын Константинова!» Я всегда гордился своей семьёй, родителями, сестрой, которая сейчас Лауреат Государственной премии, народная артистка, режиссер Национального театра оперы и балета. Но иногда мне это мешало. Разве папа мне мог помочь? Я скульптор, он актёр. С развалом СССР произошли коренные изменения и в области искусства: заказов стало гораздо меньше, но я не могу жаловаться на безработицу, к счастью, не обделён вниманием.

А ещё бывают заказы, которые ты выполнил, а тебе не посчитали нужным заплатить... К примеру, скульптура Ангела с надписью «Спешите делать добро» была заказана тогдашним примаром столицы Урекяном для Кишинёва. Но вот она уже в бронзе, готовая, двенадцать лет ждёт своего звездного часа на складе в Смоленске. Я одолжил деньги, снял форму, отлил. А заказчик исчез. Так нельзя делать. Когда стало понятно, что гонорара мне увидеть не суждено, я сказал, что скульптуру дарю Кишиневу. Попросил определённую сумму только, чтобы рассчитаться с литейщиками. Свою работу – дарю. Посвящаю скульптуру памяти отца. Я не считаю чужих денег. Пусть все будут богаты. Но если ты заказываешь – не позорь себя, меня, город, республику. Скульптура до сих пор пылится на складе, а я за неё ещё и плачу. А ведь задумка какая – это Ангел-хранитель моего родного города... Очень жаль, что такая у него судьба.

– Константин Константинович, расскажите о своей семье.

– У меня прекрасная семья. Сын Андрей – отличный художник. Окончил тоже Строгановку, отделение графики, успешно занимается живописью, дизайном

ном. Дочь Анна – художник-визажист, стилист. Подарила мне очаровательного внука Егорушку, который, надеюсь, тоже пойдёт по стопам прадедушки, бабушки или мамы. Недавно, к моей великой радости, родился еще один славный внук – Тимофей. Жена Снежана Ивановна – художник-прикладник, модельер, увлекается скульптурой. В общем, все в искусстве.

– Вы – Константинов Константин Константинович и дача ваша в Константиново. Вот так совпадение!

– Я и не знал, как село называется. Там купила участок моя знакомая, пригласила в гости. Мне место очень понравилось. Лет через пять там продавался дом, и я его купил. И когда пошел в сельсовет уладить кое-какие вопросы, мне глава управы удивлённо говорит: «Здесь же написано Константинов Константин Константинович». Я говорю: «Ну да, всё правильно». «Так и деревня Константиново!» Вот так я стал барином.

– Вы водите машину или у Вас есть водитель?

– Если я с таким количеством мыслей в голове сяду за руль, да ещё в придачу мой возраст, я буду представлять опасность для общества. А мне не хотелось бы никому навредить. И поэтому я использую возможность ездить с водителем, которым является моя жена. Она прекрасно справляется с вождением.

– А на сколько лет себя ощущаете?

– Я бы вообще все цифры отменил. Цифры нас к чему-то обязывают, а мне не хочется быть ничему обязанным, даже возрасту. Только очень близким людям можно быть обязанным.

– Я знаю, Вы прежде были максималистом. Им и остаётесь?

– Нет. Если меня спросить, чего нам не хватает в нашей жизни, отвечу: *снисходительности*. Вообще, это замечательно – быть немножечко вежливой, ласковой друг с другом. Мы все грешны, слабы, мы все зависимы. Надо порой оглядываться на себя, когда сурово оцениваешь других.

– У вас есть завистники?

– А у кого их нет? Надо много и честно работать, быть к себе строгим и требовательным, любить свою профессию. И никому не завидовать.

– Что больше всего цените в людях?

– Ценю доброту, чуткость, отзывчивость, доброжелательность. Должна быть человеческая порядочность. Важно делать добро и получать от этого удовольствие, помогать людям. Мне кажется, что дарить намного приятнее, чем получать. Получать я тоже люблю, не буду врать. Но когда ты даришь и видишь глаза счастливые, понимаешь, что у этой радости твоя заслуга – это такой кайф...

– А что думаете о сегодняшней молодёжи?

Новое время – новое поколение. Конечно, сейчас молодежь более динамична, информирована. Мой старший внук, которому четыре года, уже всюю нажимает по клавишам на компьютере. Нам было сложнее, и мы, может быть, более внимательными, добрыми, чуткими были. Сегодняшние молодые люди всё куда-то бегут. Хочется, чтоб они хоть иногда останавливались, оглядывались, думали. Но молодежь сегодня грамотней, чем мы. Могли ли мы еще недавно подумать, что по телефону так запросто можно будет говорить с другой страной; что, лишь нажав на кнопку, можно будет получить любую информацию.

– **Чувствую, что Вы находитесь в состоянии гармонии, душевного равновесия, которого многим сейчас не хватает. Как Вам это удаётся?**

– Это как с подарками: чем больше ты отдаёшь, тем больше получаешь. Я пытаюсь каждый день прожить продуктивно, интересно, весело и сделать что-нибудь хорошее.

Я не стараюсь чем-то особо отличаться, я работаю и делаю всё искренне. Самое главное – то, что моё творчество позитивно воспринимают зрители, поэтому понимаю, что жизнь живу не зря. Когда рядом с тобой любимые люди, есть любимая работа, тогда ты и в самом деле счастлив.

Если кажется, что достиг поставленной цели, ставь ещё более высокую задачу и поднимайся, приближайся к вершине. Самое страшное состояние – самодовольство. От него надо всем избавляться. Я себя и вправду считаю счастливым человеком. Хочется верить, что жизнь удалась. Не думаю, что это везение. Все мои успехи, радости получил и получаю через большие испытания.

– **Вы очень давно живёте в Москве. Скучаете по дому?**

– Очень. Скучаю по Молдове. Хочу вскоре поехать на могилку к родителям, пообщаться с сестрой. Вы знаете, я так радуюсь, когда вижу молдаван здесь, слышу молдавский язык. Иду на Киевский вокзал и как будто я немножко дома. Наши земляки отличаются от людей других национальностей. Мне часто снятся молдавские пейзажи, «сопровождающиеся» очаровательной народной музыкой, гостеприимные крестьяне, зазывающие к себе в гости. Но так получилось, что у меня две родины – Молдова и Россия, без обеих мне тяжело.

Памятник Г. Виеру

Вот была такая Смарагда Голицына. Никто не знает, что это наша молдаванка, дочка Дмитрия Кантемира, открыла известную ныне Голицынскую больницу на свои деньги.

Не по высказываниям некоторых политиков люди должны узнавать о нашей Молдове. По реальным добрым поступкам. Я слышу музыку Доги и балдею. У меня слезы наворачиваются. Я так горжусь Догой! Включаю радио, слышу его мелодии, и я такой счастливый, как будто это я написал. И когда все восхищались пением Марии Лукьяновны Биешу, мне казалось, что я пою. Прекрасный наш народ. И Друцэ, и Виеру. А Тамара Чебан?! Сколько у нас личностей потрясающих. И математики, и физики, и художники. Есть кем гордиться. Почему мы это нивелируем? Почему кто-то, не согласовав со мной, может сказать негативно о моей стране? Ведь никто из политиков не спросил у народа, а можно я так выражу ваше мнение? Это неправильно. Мы сейчас позорим себя.

– **Пришлось ли Вам испытать горечь от того, что дома искусство не ценится, и что Вы не оценены по достоинству?**

– Очень обидно и больно, что не признан в родной Молдове. За её пределами ко мне относятся с ува-

жением, как к большому художнику. А на родине бывает, к сожалению, игнорируют, считают меня чужим, обходят стороной. А напрашиваться на признание я не хочу. Однажды мне позвонил посол Молдовы в России Василий Васильевич Стурза и сказал, что нужен памятник Дмитрию Кантемиру. Я сделал несколько эскизов: Дмитрий Кантемир с Петром I, Дмитрий Кантемир с сыном Антионом, Дмитрий Кантемир один. Тогдашний президент Владимир Воронин выбрал одного Дмитрия Кантемира, и этот эскиз был представлен уже здесь на конкурсе. Выбрали мою работу. В музее-заповеднике Царицыно теперь стоит мой памятник молдавскому господарю Дмитрию Кантемиру. Три века назад это имение принадлежало семье Кантемиров – подарок Петра Первого за особые военные и дипломатические заслуги. Скоро должны установить скульптуру Марии Кантемир.

– Что думаете о нынешней политике правителей Молдовы?

– Она, к сожалению, строится на том, чтобы отвергнуть всё, что было прежде. Мы смешны в этом. Не надо делать так, чтобы на нас показывали пальцем. Немцы приехали в Москву на празднование Дня Победы. Это ведь не немцы плохие, фашизм плохой. И так же коммунизм. Сколько было сделано добра русским народом в Молдавии. Были ошибки, было и зло. Но если сравнить, добра получается больше. Разбитая была наша маленькая республика – восстановили. Промышленность, здравоохранение, образование подняли. У нас ведь нет ни газа, ни леса, ни металла. Молдова богата чернозёмами – помидорами, виноградом, овощами.

Была прежняя страна куда больше. А где она сейчас? И её ещё грабят. Нельзя так делать. Даже с тем, что осталось, можно жить чисто, честно и правильно. И наша Молдова – это рай на планете Земля: талантливейший народ, прекрасная природа, край замечательный. Можно проложить туристические маршруты к старинным нашим церквям, монастырям. Здравниц сколько можно построить на нашей благодатной земле. Показать гостям обычаи наши молдавские, кухню. Мамалыга, плацынды, мититеи, голубцы. А какая музыка – плакать хочется, когда слушаешь. А когда выходишь в поле, в бескрайние виноградники? И запах, этот сумасшедший запах! И где-то виола плачет, где-то скрипка поёт. А мы не дорожим этим богатством. Не дорожим этим краем. Грабим, отдаём. Я не понимаю, как можно не любить свою землю... Мне сегодняшняя снится Молдова, и я просыпаюсь в поту, обидно за державу. Зачем друг к другу относимся с завистью? Когда над страной шутят в КВНе, когда молдаване-гастарбайтеры пишут через чер-

«Спешите делать добро».

точку – это страшно обидно. Хотя я и горд тем, что молдаване хорошо строят, не в этом лицо моей родины. Не в этом наше лучшее и не в вине. Все Балканы: Болгария, Украина, Венгрия – все-все были под турками. А мы были свободны. Мы – единственное государство – были свободны. Да, отдавали дань! Ну и что? Но за каждую девочку, которую турки забирали к себе в гарем, Штефан шёл воевать.

Очень хочется, чтобы Молдова снова стала садом, чтобы мы все гордились этой замечательной страной, этим талантливым, красивым, гостеприимным, терпеливым народом.

– Кем хотите остаться в истории родной страны и что бы хотели оставить Молдове?

– Для меня ценен любой зритель. Всем, кому не безразлично искусство, я готов уделить внимание и быть полезным. Оставить хотелось бы, конечно, лучшее, что удалось сотворить, создать, лучшее из моего искусства. Хочу, чтоб добрая память жила. Я патриот. Это главное. А патриотизм можно передать и в изобразительном искусстве. Это святое чувство во всём, в твоём поведении, в твоём понимании мира. Я всегда думаю о Молдове. Не думать не могу.

– В прошлом году Вы отпраздновали 70-летний юбилей. Многие позади, но и немало ещё впереди. О чём мечтаете сегодня?

– Прожитых семь десятков лет – это повод оглянуться в прошлое, чтобы лучше увидеть будущее. И я понимаю, что еще много не сделано. Семь моих значительных работ на финальном этапе. Есть стимул жить, бороться. Хочется что-то хорошее оставить после себя. И чтобы не было стыдно. В этом и заключается, наверное, смысл моей жизни.

И ещё, всё время я возвращаюсь мыслями к папе. Когда он лежал в реанимации под капельницей, сказал как-то мне: «Ты знаешь, Костя, здорово ты придумал с ангелом-хранителем для Кишинёва, где так хорошо написано: „Спешите делать добро». Каждый человек, пройдя мимо этого ангела, хоть на пять минут станет лучше». А потом он говорит: «Костя, может не надо делать добро – зло не делай, и уже будет хорошо». Гениально. Вы не будете, я не буду – так зла не будет. А кто-то умеет делать и добро – так честь ему и хвала. Нужно жить по чести, по совести. И любить, а не только болтать об этом великом чувстве.

В прошлом году исполнилось десять лет, как скончался папа, и год, как не стало мамы. Перед смертью отец очень сожалел, что силы его покидают, а у него ещё было много неосуществлённых планов. Просил меня принять эстафетную палочку и спешить творить добро, получая от этого удовольствие и радость. Что я и пытаюсь делать.

– Константин Константинович, спасибо, что подарили нам возможность пообщаться с Вами. Это была и впрямь роскошь.

– И я всех землячков своих люблю и благодарю.

*Беседу со скульптором вела Алиса ЗАЙЧЕНКО (Кишинев),
студентка Московского государственного
гуманитарно-экономического университета.*

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ТАТЬЯНА НЕКРАСОВА

ОДНИМ ГЛАЗКОМ

однажды

яблоко падает отскакивает со стуком
птица тревожно кричит в тумане
и поёт цикада на грани слуха
сердце молчит – и кого обманет?

три светляка на пороге ночи
прямо над ухом звенит комарик
сумрак обнимет сильнее чем хочет
и сон подарит

тёплое

отлично держишься, девочка
приобнимет, похлопает по плечу
хорошо держишься, прочее-мелочи
улыбаюсь в ответ, молчу

это солнечный ветер единственный старший брат
остальная родня в нетях, близкие далеко
а брат никого не помнит и каждому равно рад
и, как чужая, прижимаюсь к нему щекой

обратная сторона

ничего не ждёшь, ничего не хочешь
привыкаешь встречать восход, провожать закат
к ночи длиннее мысли, слова короче
и проще свистеть и щёлкать, чем отчаянно намекать

а к утру хочется молча плакать от радости и надежды:
день распускается алым, белым и голубым –
ослепительно яростным, неправдоподобно нежным
когда доверяешь привычному быть любимым

давно хотела

хочется жить – не потому что смерть
или несчастье или больная совесть
очень хочется видеть то, что не рассмотреть
ни к чему такому особенно не готовясь

видеть слышать впитывать – и гореть
ясно и ровно – вольно или невольно
греть изнутри и не пытаться впредь
оправдывать недовольных

диагностика

висит над тобой – небесное или земное – тело или иное,
а тебе как будто нет дела до этого тела: осточертело
болезное, бесполезное, наливное – висит над тобой и ноет,
как сердце больное, а ты – параноик,
болезни своей поделщик,
особенно по понедельникам

от этой твоей луны тени лежат длинны
от этого солнца сохнет язык во рту
от этого бешеного повешенного женщины как помешаны
а птицы падают на лету
а ты ничего себе, ты привык просыпаться в поту
прошлое к будущему впритык
настоящее в пустоту

ветеринарное

чужой молвы язык шершавый
залижет рваный бок державы
ещё побегает авось
за костью за хвостом за вами
ещё пощёлкает зубами
ещё поймает свой же хвост

(из)вечное

а ты мне люб
у самых губ
качнётся жёлудь
выше дуб
и под его надёжной сенью
свет божий бережно рассеян
по нашим лицам и телам:

часть распадается на блики
 часть из-под кожи всходит диким
 огнём с желаньем пополам
 потянешься – и вот оно
 тугое плотное зерно
 потребность данность и возможность
 что порассеяли пожнём
 нам жить и жить одним лишь днём
 вчера сегодня завтра тоже

только так

внимательно и бережно обхаживать
 рассудку и расчёту вопреки
 управа-то находится на каждого
 а по любви – враги и дураки

и нежность эта ни к чему дурацкая
 и трепет этот ни к кому но как
 иначе
 подойди возьми за лацканы
 любимого врага и дурака

редкое

что-то среди ночи мне солнечно
 что-то среди дня мне беззвёздно
 снятся ослепительной полночью
 луны лики тёмного полдня

что ни лик то мутное зеркало
 силы тепловые приливы
 солнце по ту сторону меркнуло
 а по эту жгло терпеливо

сон за сном и морок за мороком
 утром ни клочка ни осколка
 потому особенно дорого
 мне твоё лицо ночью долгой

доля шутки

есть кто живой? затаились и ждут тепла
 света и звука и воздуха и теченья
 словно объявлен всем генеральный план
 и нынешний сон – летаргический, но лечебный

а по углам, по лавкам полно ледяных фигур
 стянутых в узел, скованных ожиданием
 я же их сон, получается, берегу –
 алый петух – молчу до потери чувств,
 угли глотаю, а весной как выскочу да как выдохну пламя...
 пока же куд-куд-куда-мне

тёплое 2

редкие быстрые комья
 пикирующие за шиворот
 боже, с кем я? о ком я?
 среди живых нет выбора

добежать бы до крыши
 под прицельным обстрелом
 того кто меня не слышит
 пока
 жить не надоело

бормоталка

вот правильный медведь неправильные пчёлы
 и мёд у них не мёд а дёготь и смола
 уже не рассмотреть как яблоком печёным
 динь-динь живёт живёт а как и не жила

давно пора линять перетряхнуть опилки
 подправить слабый шов подшить стеклянный глаз
 менять не разменять меня на пчёл безликих
 динь-динь как хорошо динь-динь она сбылась

спасательное

можешь плакать деточка можешь плакать
 и смеяться деточка и смеяться
 слишком поздно девочка слишком поздно
 и опасно девочка и опасно

как-то одинаково сильно слабо
 череда болезненных операций
 а стоишь и смотришь в лицо бесслёзно
 тусклому светилу на небе грязном

улыбайся девочка улыбайся
 это чудо деточка по ладони
 скачут робко солнечные мазайцы
 ни один в слезах твоих не утонет

как

если одним то можно смотреть на солнце
если двумя слепну почти мгновенно
слышу гудят бумажные злые осы
жизнь толчками несётся по нежным венам

не куда а чтобы – смотреть на него и слепнуть
в шелесте летних вишен хлопанье снежных комьев
это прекрасно чувственно и нелепо
лучшее, что со мной происходит

буднее

впереди ни жизни ни смерти только долготерпение и надежда
не надежда даже а ожидание между делом
делаешь делаешь что-нибудь вечно что-нибудь делаешь
а остановишься и прислушаешься –
вот и ждёшь уже с надеждой услышать почувствовать
хоть что-нибудь хоть кого-нибудь
чтобы не суетно и не мелочно и не бесполезно красиво
а так что дышать не нужно и слов не нужно
а только тепло и свет и неважно живой ли мёртвый

музыка

однажды утречком
закину удочку
и сяду рядышком
на берегу
смотреть за удочкой
за серой уточкой
но тучи пятнышко
но тихий гул

а мне так солнечно
как будто точно
щекочет скрипочка
мол улыбнись
как будто полночью
подсмотришь в щёлочку
а там на цыпочках
проходит жизнь

шуточки

заведу себе мыша стасика тарасика
буду гладить чуть дыша вдоль щеки до глазика
исподволь себе внушать ощущение праздника
я ль душа не хороша?
хроника
нет, классика

человеческое живое

где любовь моя ночевала
что ей жизни казалось мало
не хватало под солнцем места
шла под звёздное покрывало

где надежда моя ночует
что земли под собой не чует
просто тащит рукой железной
и не спрашивает хочу ли

зрелое

ты ли не ягодка
что за косточка у тебя внутри
что за вкус у её ядра

сок по губам течёт
на камень кладёт
и камень в руке
жадность в глазах

в котором ухе звенит?
ангел или комар?
кыш ненасытный кыш

необходимое и достаточное

уходишь в холмы зелёные вдалеке
налегке ни рюкзака ни спальника в рюкзаке
только дудочка в дырочки сны сквозят
но ни о будущем ни о прошлом теперь нельзя

а холмы серые бурые жёлтые как разглядишь вблизи
и небо такое низкое что за ним пустота сквозит
выдуваешь себя через дудочку в пустоту
и зажигаешь зелёную как холмы звезду

а вблизи она голубая синяя фиолетовая чёрная как твоя душа
люди добрые светить советовали всё бы им вмешиваться да мешать
откуда им добрым знать что затем и уходят в холмы чтобы жизнь
взаймы
затем и дудят в пустоту что светятся на лету

сезонное

медленно верно катится красный шар
раскаляется выцветает пыльный усталый август
перекликаются утки в зарослях камыша
две-три всего и осталось

дышать горячо и жить горячо –
не успеваю распробовать зря только обжигаясь
невольно думаю вдруг догонит и даст подышать ещё
подышать и распробовать
отступающий в осень август

лицом к

тихая флейта солёные рукава
звёзды калёные вспять прямо над головой
не хочу не могу о потерянном горевать
а позабыть слабо

лётся оно и лётся медленный мутный свет
струится сквозь веки белый сухой песок
жизнь малиновым солнцем рассыпала по траве
ягоды ягоды ягоды
подставляй лицо

Сохранена авторская пунктуация.

ПРОЗА

Поле притяжения

ДМИТРИЙ ГРАДИНАР

ГАЛИЦИЙСКИЕ СНЫ

Памяти павших в той великой битве посвящается...

Реляция в Ставку Верховного Командования. Западный фронт, не дожидаясь полного сосредоточения и развертывания своих частей, 5 августа с.г. атаковал австро-венгерские войска в Галиции, нанеся им поражение. Несмотря на сопротивление врага, четыре его армии были отброшены за реки Сан и Дунаец, что полностью сняло угрозу на юге и позволяет составлять планы вторжения в Венгрию и Силезию, одновременно облекая задачу по проведению Восточно-Прусской операции. Нами заняты Восточная Галиция, Буковина, начата осада Перемышля. Полностью снята угроза поражения Сербии. Боевые действия велись на фронте свыше трехсот вёрст, силами 3, 4, 5, 8 и 9 армий и днестровского отряда, которым противостояло четыре австрийские армии эрцгерцога Фридриха и фельдмаршала Гётцендорфа, а также германский ландверный корпус генерала Войрша. Потери Австро-Венгрии составили 400 тыс. человек, включая 100 тыс. пленными. Наши потери – 230 тыс. человек. Сентябрь, 1914 г. Командующий Юго-Западным фронтом генерал от артиллерии Н.И.Иванов.

В жаркий полдень на крыльцо мелкой галичанской хаты, прильнувшей, словно невеста к плечу жениха, к огромному желтому валуну, взошел чуть прихрамывающей походкой юноша, возникший словно из ниоткуда. По крайней мере, именно за юношу его принял часовой, дремавший поодаль от крыльца, в тени сочной лещины.

– Ну-ка, осади назад! Куда пошел? Видишь, чего написано?

Рядом с завалившимся дверным косяком действительно была прибита досочка со старательно выведенным словом «ШТАБЬ». Краска на солнце уже облупилась, и пора бы её было обновить. Впрочем, ни это обстоятельство, ни окрик, никак не помешали молодому человеку войти в хату. Он лишь бросил незадачливому часовому:

– Винтовку подбери, пальцем, что ли, стрелять будешь? – и толкнул скрипучую дверь.

В избе, где кроме прихожей имелась всего одна комнатуха, перегороденная ситцевой занавесью, на узкой кровати, свесив руку к полу, старательно храпел офицер. Китель, портупья и брюки аккуратно сложены на лавке, на столике – ворох бумаг, оплывшая свечечка и пустая кружка. Сентябрьская липкая жара прижала всех, кто находился на хуторе. Люди или ползали наподобие вялых мух, или прятались в тени, где их всё равно догонял полуденный сон.

Взглянув на бумаги, на свечной огарок, на лицо спящего – раскрасневшееся в собственном поту, со вздутой на лбу веной, вошедший так же быстро ретиро-

вался. Он понял, что тут всю ночь шла работа, и прерывать чей-то сон – не лучший способ представиться.

– Тссс! – приложил он палец к губам, выходя из хаты, где уже поджидал солдат с оружием наизготовку. – Не шумим. Раз спят, зайду позже. – И сразу же совсем другим тоном, – где, ты говоришь, кухня? Покормиться бы. Живот к спине прилип, пока добирался.

Теперь часовой смог разглядеть его лучше. Морщины в уголках карих глаз, шершавый след бритвы над верхней губой, тонкий шрам справа на шее, и ещё один – под правым глазом. Взгляд – насмешливый и вместе с тем отвлеченный, будто разговаривая об одном, человек думает совершенно о других делах. По всему выходило, юнец-то вовсе не юнец. Просто выглядит молодо. Часовой, повидавший всяких людей и во всякое время, опустил винтовку.

– Вы бы, в другораз прежде, чем куда лезть, спрашивали. Пост – на то и пост, чтобы порядок, и чтобы никого не пропускать, даже если в погонах. А уж те, которые без погон... – мыслями часовой в этот момент перебирал варианты, кто, что, а главное – откуда взялась эта птица залетная.

Если бы не стоянка на хуторке, ни за что бы он не проворонил службу. До шляха верст семь, немного вроде, но – верхами, через гору и лес, а там кручи неподъемные, овраги с осыпями, заросли ежевичные, а терновник – почище стальной проволоки, не всякий доберется. Другой путь, вдоль берега, – это вообще верст двадцать, с дорогами тут полный швах. Да и стрелок австрийский всегда какой-нибудь окажется. Те, что с перышком на смешном картузе. Из самой Тироли. Те, что промахиваются редко.

– Первая мысль часто самая верная, – подмигнул пришелец. – А через гору тяжко, да надежней.

– Мысли, что ли, читаете? Или совпало? О том и думаю, откуда и зачем...

Юноша – не юноша одним движением скинул с плеч домотканую накидку, спасающую во влажных галичанских лесах от комарья, и под распластавшимся на небе солнцем сверкнула звездочка, приютившаяся на тонкой красной полоске.

– Виноват, господин прапорщик!

Часовой, осознав, в каком положении его застали на посту, смутился и замолк, насупившись.

– Не переживай, – миролюбиво и даже уважительно сказал пришелец. – Вижу, Георгия имеешь, значит – службу знаешь. Как звать-то?

– Солдат сто девяностого Очаковского полка сорок восьмой дивизии Васыль Крюков!

– За что крест?

– За японскую кампанию.

– А сам откуда?

– Звенигородский я, вашбродь, с-под Москвы.

– Из-под Москвы? Неужели взаправду – Васыль?

– Василий я. Третий месяц тут уже. На галичанский лад, значит. Кто Васыль, кто Петро, кто Славко. А столоваться, – у нас в лесу столуются. Там и начальство сейчас. В хате – другого полка офицер, зашел в гости и вздремнул с дороги.

– Зашел в гости? За двадцать верст? Ясно, Васыль. Ладно, про то, как на посту заснул, никому не скажу, но это только по первому разу. Штаб всё же, и на столе бумажки разные, смекаешь?

– Так точно! Благодарствую. Жара проклятушая сморила. От реки сном веет. Всё журчит, ручейки, речечки, солнце...

– Потерпи. Скоро дожди начнут. Тогда вспомнишь ручейки и речечки да с солнышком впридачу. Ты вот что... Что приснилось-то, расскажешь?

Солдат напрягся, по его лицу пробежала темная волна, он отпрянул от прапорщика, словно от прокаженного.

– Не помню, Ваше благородие. Как есть, ничего не помню. Сон, он ведь сон и есть. Столоваться – прямо вам, шагов триста, до поляны, а там влево, увидите. А про сон не помню.

– Что ж, и на том спасибо. Сны рассказывать всякому встречному-поперечному совсем не надобно, верно?

Перекинув дерюжку через руку, насвистывая что-то легкомысленное, пришелец зашагал, также прихрамывая, по тропе к краю леса.

– Про сон ему расскажи... – бурчал вслед часовой, почесывая в затылке. – Как тут расскажешь? Неужто прознали уже? Эх-ма... Ну и, слава Богу!

Деревья шевелили ветвями, будто плыли в теплом плотном воздухе. С покатых круглых вершин спускалась горная прохлада. Совместно с лесной свежестью она перемешивалась тут, у Днестровского берега, и воспаряла обратно. Воздух был чист и пахуч, в него вплелись запахи лип, дубов, акаций, и вежливым шумом обозначал себя совсем рядом невидимый, ступеньками стекающий с вершин ручей.

Галиция. Предгорья, леса, реки, родники. Всюду целебные источники. Воды здесь с избытком. Похоже, теперь её поболее станет, ведь слёзы – тоже вода. А ещё кровь. Война – она как прокаженное дерево, слезой да кровью орошается.

Двадцать четвертый корпус восьмой армии растянулся от Галича до Чорткова, обозначив здесь южный фас Юго-Западного фронта. Он один, этот корпус, сдерживал попытки австрийцев хоть как-то помешать проведению Галицийской операции, когда российское войско опрокинуло во встречном сражении австрийцев и вышибло их ко Львову, за Станиславов и за реку Сан. Сколько народу тут полегло, сколько крови – славянской, германской, австрийской, с венгерцами, моравцами, чехами впридачу. Слёзы и кровь, огонь и дым. Вертятся чигири водяных млинов – карпатских мельниц, давят тяжелые жернова масло льняное и конопляное. Но сильнее есть камни. Ожили, завертелись, давят судьбы и радость людскую. Кто виноват и в чем причина? Ответа нет, только смех какой-то сквозь камень и сквозь землю, будто из-под ног, идет вместе с гулом кавалерийской атаки, с тяжкими вздохами разрывов. А на поляне, под поникшими огромными ивами, в солдатском кружке пелась песня. Новая война лишь начиналась. Жернова только разгонялись, шершаво дребезжа по разбитым дорогам обозами и пушечными колесами, клубясь паровозным дымом, неся в теплушках к фронту всё новые и новые полки и дивизии. Но скоро настанет время петь песни и об этой войне, а пока – о прошлых битвах и о славе выводили песенники:

– Рвались, грызя железо, кони, в огонь турецких батарей. Неслись в атаку эскадроны лихих драгун-богатырей.

– Ага! Разведка пожаловала! Что ж. Вовремя, – приветствовал его появление подпрудчик, сидевший ближе остальных у входа на поляну.

– Мы вас ещё позавчера ждали, – хмуро приветствовал старший по званию из офицеров, находившихся на поляне. – Проходите, прапорщик, не стесняйтесь.

Тут у нас и кухня, и преферанс, и даже спальня, если вам угодно, лавки, видите, какой ширины? Не удивляйтесь, что о вашем прибытии заранее извещены, сорока на хвосте принесла.

– Я не удивлен. Прапорщик Виктор Славин. По распоряжению штаба армии к вам, – отрекомендовался прибывший и протянул сложенный вчетверо бумажный лист, – вот предписание, Георгий Григорьевич.

С минуту старший по званию молчал, глядя в примечательное лицо нового офицера, пытаясь угадать, каким образом возникли эти шрамы, и как может это характеризовать человека. Ивовые ветки, слегка колышась, также изучали его, пробегая по щекам и по лбу тенями.

– Вы ошиблись. Георгий Григорьевич Ефимов отбыл в штаб дивизии.

– Ну и ну, – подхватив слова старшего офицера, засмеялся подпоручик, что приветствовал первым, – разведка, а уже ошибается!

– Никак нет, господин Ку-ку, Мадам. Вряд ли я ошибся. Если честно, весьма рад встретить людей, не утеравших чувство юмора.

Подпоручик покраснел. Такой кличкой его дразнили в полку после случая, когда он, ещё до войны, находясь на рождественском балу у самарского губернатора и пребывая в приподнято-шампанском настроении, сыграл с завязанными глазами с дамами в прятки. Там, случайно наткнувшись на самого губернатора, и приняв его отчего-то за барыню, он и произнес своё знаменитое «Ку-ку, мадам! Вот и я!» и попытался поцеловать пойманную фигуру, чем сотворил большой конфуз и обрел себе красочное прозвище.

– По штатному расписанию, в полку имеется лишь один офицер в чине подполковника, так что... Вы – это вы, Георгий Григорьевич. Прошу извинить за фамильярность. Это никак не свидетельствует о неуважении. Просто желаю сразу разъяснить, что об офицерах части мне известно если не всё, то многое.

– Что ж, действительно, начальник штаба, Ефимов, к вашим услугам, – ответил подполковник, изучивший предписание, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что его внезапная мелкая ложь так удачно раскрыта. – Одного не пойму. Тут написано, что вы по особому заданию штаба, и что с нашей стороны надлежит оказывать всяческое содействие, но... Как-то всё невнятно, что ли. Мало ли, что вам захочется тут сотворить, а нам, значит, оказывать содействие. Здесь армия, молодой человек.

Ивовые тени, почти уже успокоившиеся, вновь насторожились, принявшись заново ощупывать прищельца, и в умиротворенном воздухе пропела птица.

– Прошу меня извинить, – прапорщик пожал плечами. – Со временем, возможно, я отвечу на многие вопросы. И сотворить мне захочется лишь то, что послужит делу победы наших армий. А ещё, – взглянув на подпоручика, – я не из разведки.

– Как это? Тут прямо указано – сбор информации, анализ обстановки...

– Ввиду начала военных действий, при штабах созданы контр-разведывательные отделы. Такой отдел отныне существует и в восьмой армии, и именно к нему я и отношусь. Разведчику не обязательно знать всё про всех в нашей армии, гораздо важнее ему быть знакомым с офицерским составом противника и их планами. А я...

– Ясно. Вы – фискал, приставленный, чтобы отслеживать неблагонадежных.

– Я не жандарм, господин подполковник. Да и задача моя несколько иного свойства.

– Разве эти ваши отделы комплектуются не из жандармских служащих? Кем вы были до войны? Вернее, до создания таких отделов?

– До начала войны имел честь принадлежать к корпусу императорской пограничной стражи. Хотинская бригада. К жандармской службе, увы, касательств не имел.

– Отчего такое сожаление?

– Оттого, что в жандармском корпусе есть чему научиться. По их ведомству хватает умелых людей. Мы ведь к Министерству финансов относились. Бумаги, аудиты, всякие правовые коллизии, хотя и границу стерегли. А по досмотру и фискальным делам таможенная служба занималась. Так что зря вы так о жандармах. Работали вместе, видел их в деле.

– Ну-ну, голубчик, – пошел на попятную начштаба, – я не ставлю под сомнение качеств служащих в жандармском управлении, лишь высказываю недоумение. Отчего служащий контрразведки – и вдруг к нам? Да будет известно, не так давно полк противостоял частям группы Кёвеса, и выдержал испытание с честью. Какие проверки бывают выше? Оборону нашу австрийцы прорвать, сколь ни старались, так и не смогли. На севере другие части армии продвинулись до Лемберга, – Львова, по-нашему. А то, что вы из пограничной стражи в действующую армию – это похвально.

– Заслуги ваши под сомнения в штабе не ставятся. Весьма надеюсь, что и вы не станете испытывать предубеждений против меня лично. А деятельность по роду занятий я бы хотел начать... – палец вновь прибывшего описал дугу, обводя по очереди всех офицеров и нижних чинов, отчего все они, так же по очереди, менялись в лицах, – да вот, хотя бы с кухни! – остановил он жест на пустой миске, стоящей на столе. – Театр начинается в вешалки, а армия – с кухни.

– Гуляш! – рассмеявшись, и простив известность своего потешного имени, сказал подпоручик, – у нас сегодня венгерский гуляш! Повар решил всех обратиться в племя огнедышащих змиев.

– Да он с дороги голодный, ваше превосходительство! – так же весело отреагировали другие, словно голод как-то пояснял не самую приятную миссию прибывшего. И ивовые тени совсем успокоились.

– Ну, хорошо, – почувствовав, что обстановка разряжается, и что прапорщик – не какая-то штабная цаца, не мрачный зануда, щеголяющий причастностью к обществу рыцарей плаща и кинжала, подполковник подобрел, морщины разгладились на его лице. – Подайте обед. Да принесите из погребка кувшин вина. За знакомство. Думаю, поладим.

– Это вне всяких сомнений. Не исключено, что моё задание и ваша головная боль – одного и того же свойства.

– Откуда вам известно, о чем у нас тут голова болит?

– Говорю же – я из пограничной стражи. Сводки, реляции всякие читаю, сопоставляю, думаю...

– Ладно. Вы тут знакомьтесь пока, а я пойду, вздремну. К вечеру командир вернется, тогда всё обсудим.

Подполковник удалился, а перед прапорщиком возникла тарелка дымящегося венгерского гуляша, обильно присыпанного растертым любистокком. Густой красный соус выдавал неумолимую острую суть блюда. Перца и других приправ повара не пожалели. Как известно, всё острое кровь разгоняет.

Вокруг собрались офицеры – подпоручик Ку-ку, Мадам, звавшийся на самом деле Ильчевым Денисом, штабс-капитан Красноруцкий, поручик Стрельцов, ведавший бумажной частью штаба полка и другой поручик – Невестин, из артиллеристов, относящийся к сорок восьмой артиллерийской бригаде. Вина подали ровно кувшин. Всем по чарке, а в продолжение пошёл крепкий чай.

– Вино – для здоровья, чай – для службы! – подмигнул Ильчев. – У нас без излишеств.

Тихо-тихо, а потом...

Вот из-за этого «потом» и оказался Виктор Славин в лесной глуши днестровского каньона.

За время активных действий в период проведения Галицийской битвы полк потерял ровно такое же количество бойцов, что и в последующую после окончания операции неделю. Потери во время боя ясны. Бой без потерь не бывает. Но вот потери в неделю затишья...

Картина складывалась следующая. Солдаты сорок восьмого полка становились жертвами неожиданных артиллерийских налётов, происходивших всегда внезапно и всегда – безошибочно. Залп невидимой батареи накрывал места скопления бойцов, ни разу не случилось так, чтобы враг обстрелял какой-то несущественный, свободный от войск квадрат. Это могло означать лишь одно – корректировку огня.

– Смотри, – Ильчев указал на противоположный берег, над которым нависал круглый поросший лесами косогор, – где-то там, за вершинкой, их гаубичная батарея. Уже и аэропланы летали, и лазутчиков отправляли, а всё никак не можем засечь, откуда бьют. Пятого дня в соседнем леске, вторая рота собралась байки травить и пить чай. Ударили, что ураган налетел, восемь человек мёртвыми, да восемь раненных, командир поклялся, что даст пять сотен тому, кто батарею разыщет.

– Как такое могло быть? Может, наблюдатель с другого берега?

– Может и наблюдатель. Только по берегу наших секретов полно. А лес такой, что просто с горы не спуститься. Должны заметить.

– Ну, а если не спускаться? Если на самой верхушке наблюдательный пункт, с оптикой, с дальномерами, с полевым телеграфом? Пронаблюдали, скорректировали, из гаубиц ахнули?

– Может и пункт. Только опять же – аэропланы летали, лазутчики несколько раз ходили. Искали тайные лазы или след от наблюдательного пункта. И ничего. Но главное не в этом. Мы проверяли – ни с той стороны, ни с самой верхушки, ни зги тут не видно. Видишь, какая листва всюду? Разглядеть, что да как, да сколько человек, да где сидят – никакой возможности.

– Вот и в штабе говорят – чертовщина сплошная. Будто кто-то им подсказывает. Потому меня и отправили.

Славин взглянул в сторону реки и понял, что сквозь плотную ивовую завесу да с большого расстояния, – Днестр тут шириной в две-три сотни сажений, а то и более, – ничего не углядеть. А значит... А что это всё значит?

В голове носились факты и фактики, укладываясь для пристального разглядывания и упорядочивания на мысленно нарисованный стол с зеленым сукном, на манер бильярдного. Командир полка. Пообещал крупную сумму. Проверить – настолько ли состоятелен. При каких обстоятельствах погибли бойцы второй

роты? Кто находился из офицеров при обстреле? Кто был до обстрела и ушел? Кто первым покинул расположение роты, кто куда бежал, как ложились снарядами... Авиаторы. Кто летал? Одни и те же, или всегда разные? Каково подлетное время? Могла ли артиллерия врага сменить дислокацию за это время? Лазутчики. Кто ходил, когда, куда, что обнаружил, как возвращался... Если охотникам объявили награду, могли вполне без всякой системы на авось в поиск ходить, а это ерунда, так ничего не найти...

Вопросы, вопросы, вопросы. Стол, нарисованный в сознании, всё заполнялся и заполнялся всякими заметками, сносками, подчеркиванием важных фраз. Пусть версий будет сотня, из которых больше половины – ерундовые, главное, чтобы затесалась и та единственно-верная, которую ему предстоит найти.

И вдруг всё изменилось. Как будто сознание куда-то заспешило. Старая ива баюкала, красуясь зелеными косами, офицеры пили чай, бросая взгляды на контрразведчика, солдат-раздатчик поинтересовался, будет ли господин прапорщик ещё гуляша, и Славин, только-только распробовавший это блюдо, и испытывший к нему приязнь, вдруг понял, что ни за что не может попросить добавки. Но отчего так? Что за смутная тревога внутри? Что за состояние?

Он попытался вызвать обратно видение стола, такое привычное, что не раз позволяло разобрать по полочкам всё-всё-всё, но вместо этого возникли отчетливые пальцы, ухватившие перо, и, роняя жирные чернильные кляксы, написали прямо поверх всегда девственно-чистого зеленого сукна одно корявое слово.

Беги!

– Господа, – словно сквозь туман услышал он собственный голос, – тут, кажется, становится слишком людно. Не повторить бы нам то, что уже происходило...

– Что? Что вы... – начал кто-то удивленно.

Но в следующую секунду вдали послышался какой-то звук лопающихся шутих. Плотный, почти скомороший звук. Пых-пых-пых. Затем пауза, а затем снова, – пых, пых, пых. И странным образом среди дневного спокойствия и бездвигья раздался комариный писк.

– Ветер, что ли? Или... О, Господи! – прошептал Ильчев, глаза которого стали схожи с большущими пуговицами.

– Брысь с поляны! – заорал артиллерийский поручик, и добавил, ещё более повышая голос. – Быстрее, в Бога душу мать! Сейчас накроет!

Все сорвались с мест и ринулись кто куда, лишь Славин вслушивался в комариное пение, которое усиливалось, становилось отчетливой. Время растянулось, стало гуттаперчевым, он наверняка бы так и остался сидеть, если бы не чья-то жесткая рука, ухватившая за шиворот и потащившая в сторону, под упавший древесный ствол. Ноги сопротивлялись, и сам он недоумевал, отчего нужно бежать, падать лицом в сухие листья, в перегной, в муравейник. А потом его качнуло огромной горячей волной. Раз-два-три, раз-два-три, словно закружило в вальсе вместе с листьями, с землей, с обломками кухонного стола и вырванными с корнями деревьями. Рядом пролетала чья-то фуражка, и небо оказалось вначале снизу, затем сбоку, и только потом вернулось на место. В ушах звенело, голова, словно дыня соком, наливалась изнутри болью. А затем он увидел собственные ладони – в крови, и перед глазами плясали красные пятна. Всё произошло быстро, налёт уложился всего в минуту, но эта минута показалась кусочком вечности, в которой он едва-едва не остался.

– А, контузило, это ерунда! – бравадой прикрывая бледность лица, подошел Ильчев, отряхивая с брюк щепки и грязь.

– Вы как, прапорщик? – совсем рядом двоился штабс-капитан, казавшийся седым волшебником, оттого, что рядом приземлился разорванный мешок с мукой.

По всему выходило, именно штабс-капитан спас Славина, утащив в укрытие.

– Нормально. Только всё дрожит и в ушах шум. А ещё вот, – он протянул перед собой ладонь, показывая кровь.

– Подошедший Ильчев внимательно оглядел его, затем втянул воздух носом и расхохотался. – Добавку принесло! Прямо в руки!

Метрах в двух нашелся чугунный казанок, из которого расплескало подливу к гуляшу, часть которой попала Славину на руки и на живот. Вслед за Ильчевым засмеялся штабс-капитан, потом сам Славин. Через минуту все собравшиеся на поляне люди хохотали, не пытаясь сдерживать судорожный смех, рвущийся откуда-то изнутри.

– Гуляш! – визжал по-детски Ильчев. – Mamочка, держите меня! Это гуляш!

Что в переводе означало только одно. Мы живы. Любой смех на войне переводится именно так.

Повар с помощниками подбирали раскиданный взрывной волной инвентарь. От столовой осталась одна лавка, остальная импровизированная мебель была разбита.

И только артиллерийский поручик не смеялся со всеми, он внимательно оглядывал стволы деревьев, сходил влево, затем вправо с поляны, поковырял ножичком иву. А после счастливо выдохнул:

– Пронесло. Если бы на несколько шагов ближе и если бы не дерева, лежать нам всем и слушать «со святыми упокойтесь...» в могилках. Чуть-чуть комендоры прицел бы другой взяли – хана!

– Ну что, с крещением вас, господин контрразведчик, теперь на своей шкуре прочувствовали, какие дела у нас творятся! – весело проговорил Красноруцкий.

– Да уж, прочувствовал, – ответил Славин, понемногу приходя в себя. – Кстати, отныне я ваш должник.

– Это за что?

– Ну, а кто меня за шиворот тащил под дерево? Не вы ли? Растерялся я. Впервые из пушек в меня во время обеда палят.

– Э-э, голубчик, – заглянув в глаза, протянул штабс-капитан, – да вы, видать, со своим ангелом-хранителем дружбу водите. Я такое встречал – когда человек ничего ни сообразить, ни сделать не успевает, а будто за него кто делает и соображает. Я не знал, в какую щель лезть от страха, так что о вас некогда думать было.

– Так кто же? Я сам? – отчетливо вспомнив, как рубаху за лопатками собрала в жменю крепкая ладонь, остолбенел Славин.

– Именно, голубчик. Вы, кстати, самое безопасное место себе приметили, не удивляйтесь, не такое ещё на войне случается.

Ещё минут через десять на поляну выбежал подполковник Ефимов вместе с тем самым офицером, которого Славин видел спящим в штабной избе.

– Что? Опять? Живы? Какие потери? Кто погиб? Кто ранен? – подполковник, увидев картину разрушений, которые причинил артоналет, даже растерялся и частил словами.

– Да что же это? – обратился он к поручику. – Да как же это так?

– Никак невозможно, – согласился артиллерист. – Случайно разве что попасть. Но тратиться, рискуя выдать расположение батареи, палить наугад – это вряд ли. Австрияки не дуры. Тут прицел точный, математический. Накрыли с первого раза, всего двумя залпами. Похоже, знали, куда бьют и сколько снарядов нужно. Два шага в сторону – и всё. Лежали бы все как есть кишками наружу.

– Прикажите, господин подполковник, отправить солдат в лес, прочесать местность до версты во все стороны, – пришел в себя прапорщик. – Если нас кто-то видел и как-то передал координаты, то можем найти следы. Вдруг повезёт?

Минут через пятнадцать над хуторком прострекотал аэроплан с опознавательными кругами Российской армии. Покружил над вершиной, затем, словно решившись на отчаянный шаг, перевалил за склон и скрылся по ту сторону гор. Никакой стрельбы не последовало, и вскоре аэроплан полетел обратно, покачив крыльями над рекой.

Наверное, только спокойствие и деловитость в поведении остальных офицеров, попавших под артобстрел, позволило Славину быстро прийти в себя и точно так же сразу включиться в дело. Предстояло много работы.

Воздушная разведка, как всегда, не дала никаких результатов. Цепь солдат, прошедшая через лес, словно невод, так же оказалась без улова. К вечеру прибыл командир полка, полковник Любавский, уже узнавший новость в штабе корпуса, и потому несколько нервничавший. Уж он-то точно понимал, к чему такие совпадения – неожиданные артобстрелы, всегда в точку, а после – прикомандирование офицера отдела контрразведки.

– Вы думаете, кто-то здесь корректирует работу артиллеристов? Кто-то из наших? Но это невозможно. Вы сами говорите, что находились на поляне не более получаса, как произошел обстрел. Если бы кто-то наш, ему потребовалось больше времени. Увидеть, передать, чтобы австрийцы успели приготовиться к стрельбе, дать пару залпов и после упрятать пушки.

– С пушками, как утверждает поручик Невестин, как раз проще. Гаубицы могут стрелять с закрытых позиций, то есть они уже пристреляны по каким-то ориентирам, и своих позиций не меняют. Если кто-то увидел скопление солдат, и тем более – офицеров, перед ним задача как-то это передать и сообщить номер пристрелянного ориентира. Вправо от ивы, ближе десять от красного камня, и так далее, у артиллерийских наблюдателей свои секреты и премудрости.

– А передать? Передать-то как?

– Не знаю, может, голубиная почта?

– Думали уже. Вернее, пытались сами организовать голубиную почту, чтобы с той стороны сведения получать. Не вышло. Здесь, в ущельях, настоящее царство хищных птиц. Орлы, ястребы, соколы. А ещё огромные вороны, которые живут на скалах, кроки называются, видели таких? Тут село недалеко есть, так и называется – Кроки. Никакой птице через реку не перелететь, вмиг засекут и атакуют, только перья над водой. Пятерых почтовых голубей потеряли. Каждый рублей по пятидесяти стоит, небось.

– Искровая станция?

– Искровая станция – та может. Только где её тут взять? Это же не просто ящик какой-то в лесу землей присыпать. Это и динамо-машину, и антенну нужно иметь...

– Я проверю. Пообщаюсь с нашими искровиками, при штабе стоит рота, пусть просветят.

– Ну, проверьте. Только зря всё это. Слишком громоздко и нелепо. Каждый раз к станции убежать, передачу вести, а это тоже уметь нужно. Не верю я. И в то, что кто-то из своих, не верю. Все в деле побывали, все вместе почти месяц с австрийцами лоб в лоб стояли.

– Я понимаю, такая догадка бросает тень на ваш полк, но и вы должны понять – в штабе обеспокоены, в период затишья и стабилизации фронта один из полков, – не несколько полков, а именно один-единственный! – вдруг несет потери, равные боевым. Я тоже не верю в то, что могут быть причастны ваши солдаты или офицеры, но проверить обязан. Честь имею, Павел Николаевич!

– Что ж, воля ваша. Проверяйте, только... Ну, тише, что ли. Если в каждом офицере кто-то будет видеть предателя, такая армия будет терпеть неудачи.

– Полностью разделяю ваши взгляды. А теперь действительно побегу. Хочу успеть с телеграфистами и искровиками пообщаться. Завтра снова к вам.

– Не стану задерживать. Если какие просьбы и пожелания – всегда к вашим услугам.

– Постараюсь не досаждать просьбами. И, кстати, господин полковник, какие сны вам тут снятся?

Любавский аж крикнул от неожиданности. Вопрос застал его врасплох.

– Так вот оно что... Так бы и сказали...

– Что сказал бы?

– Что в штабе армии не хотят признавать интерес к этим рассказам про особенные сны, и потому нашли повод отправить под удобным предлогом вас. Только всё зря, господин прапорщик. Нет здесь никаких тайн. Места глухие, лесные, непривычные. Река среди камня бежит, шепчет постоянно, климат, война, – много причин, чтобы сны изменились. Сами скоро всё поймете.

– Ну, нет. Повод – это двадцать пять погибших при загадочных обстрелах. А может, у врага новая система прицеливания? Может, тут, на нашей стороне, оставлены наблюдатели из числа австрийцев или местных жителей, которые избежали высылки из районов боевых действий? Давайте так, полковник, вначале я разберусь, что к чему, с этой таинственной артиллерией, а потом уже поговорим о снах, вы согласны?

– Ерунда эти сны, лично я в них не верю, но хорошо, разберитесь вначале с артиллерией.

Наверное, мало кто поверил бы в особенности снов на позициях сто девяностого полка, если бы не одно но. Сразу после артиллерийского налета, о котором рассказывал Ильчев, том самом, когда погибло восемь нижних чинов, младший полковой аудитор доложил о результатах перлюстрации солдатских писем. И оказалось, что за день до смерти все восемь погибших описали в письмах один и тот же сон. Что сидели, пили чай, и вдруг с другого берега ударили пушки. Каждый из восьми написал, что во сне им стало понятным, что погибнут при обстреле. У остальных солдат подобных фантазий не имелось, и списать всё на совпадения сочли невозможным делом. Вот о чем знал Славин, но не мог рассказать в полку.

После обмена репликами, он вместе с обозниками отправился за перевал. Там, побывав в расположении отдельной искровой роты, Славин набрался знаний и о современных системах связи, и о видах радиоволн, о способах передачи

данных. Ему показали, как выглядят передатчики, как ведется работа, и как выставляется передающая антенна. В общем, к вечеру он уже знал почти всё. Заодно поведал любопытствующим, как попал в первый же час нахождения в полку под артналёт, и как принял соус за собственную кровь.

Обозная команда, принимавшая продукты, осталась ночевать прямо рядом с телегами, благо земля была сухая и теплая, штабисты отправились кто куда, здесь, в корпусе, он мало кого знал, и его тут ничего не задерживало, зато там... Там, в расположении сто девяностого полка, его ждала тайна, ради которой и затевалась вся командировка. Прав был полковник, очень прав. Но не мог открыть Славин, что это не просто приказ, – разобраться, что означают все эти слухи о странных снах, а личная просьба командующего армией, генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова.

– Вы знаете, я не люблю лжецов и сам не лжец. И вместе с тем верю в неотвратимость predeterminedенных событий. А потому мне нужно, чтобы вы распутали историю со снами в сто девяностом полку. Они должны стать или просто снами или тем инструментом, который поможет нам в ратном труде, – напутствовал перед выполнением задания генерал с Божьим командирским даром, как называли офицеры Генштаба командующего армией.

А после шло другое наставление, от начальника контрразведывательного отдела.

– Вы должны понять, что интерес к этому делу у Алексея Алексеевича не просто академический. Вещие сны или же просто совпадения, обусловленные тревожными состояниями, которые на войне не редкость, или действительно какое-то предвидение – это ещё не самое важное. Важно то, что в полку многим снится странное, о чём сообщили результаты тайной перлюстрации писем всех солдат и офицеров полка. Слишком многие писали о том, что видят тут во снах весьма странные картинки. Впрочем, мало кто описывал, что именно за сновидения их посещали. В общем, вам предстоит во всём разобраться.

– А что означали слова генерала, что сны могут стать полезным инструментом? Не слишком ли опасно доверяться снам?

– Тут, друг ты мой расписной, скрыта некая семейная тайна. Вы должны знать, что не всем геройским офицерам, начиная с Генералиссимуса Суворова, фартит в семейной жизни. Не избежал такой участи и наш командующий. Развод, печали, всё такое. Но после наладилось, и образовалась новая семья. Супругой, да будет вам известно, стала Надежда Владимировна Желиховская, особа весьма и весьма примечательная. К тому же – племянница некоей мадам Блаватской. Слыхали?

– Блаватская? Основательница спиритического общества? Та, что путешествовала в Индию и в другие страны и создала труд, именуемый «Тайной доктриной»?

– Да-да, совершенно верно. Командующий весьма глубоко изучил её трактаты. Так что его интерес – это что-то выше простого человеческого любопытства.

– Странно. Насколько я слышал, Алексей Алексеевич назвал психологические опыты мадам Блаватской сплошным вздором?

– Верно. Именно так он и отозвался. А вы представьте на минуту, что стало, если бы Алексей Алексеевич открыто восхищался и проповедовал учения госпожи Блаватской? Учтите, он изучил многие её записи и постоянно интересовался у

супруги, что пишет её тётка с вершин Тибета? Как вы думаете, доверили бы ему управление целой армией в Российской Империи, признайся он в подобных интересах? В общем, суть задания весьма и весьма расплывчата. Постарайтесь сделать всё возможное, чтобы потом держать ответ перед командующим. Бог в помощь, Виктор Иванович.

После этого Славин и приступил к выполнению задания, что едва не привело в первый же день к гибели. И теперь, пробираясь через ночной лес, подсвеченный разве что полной луной, он мысленно чертыхался, не понимая, как мог поддаться таинственному импульсу, и решиться на ещё один переход из ставки корпуса к реке. Тропа терялась во мраке, всюду слышалась какая-то особая, ночная жизнь: то ухнет сова, то пробежит быстрый зверь, то хрустнет ветка, а после ей отзовется целый хор всполошенных ночных птиц. Трижды он цеплялся накидкой за сучья, ткань трещала, но держалась. Дважды опасно спотыкался – склон был весьма крутым, и если не повезёт, то можно катиться кубарем вниз, сшибаясь с деревьями, колотясь своими, человечими ребрами, о выступающие там и тут каменные ребра горы. Но всё обошлось. Ночной кошмар закончился, когда он вышел к костру, зажженному перед палатками, кое-как уместившимися среди деревьев. Вначале он подумал, что это верх неблагоразумия, когда вот так, в виду опасности налета разжигают огонь и тем самым обозначают цель. Затем понял, что костер разожжен умело, под холмиком, и вокруг ложились разве что отсветы, а сами палатки находятся в стороне, шагах в тридцати. Стояла упоительная тишь, невозможная на войне, не позволяющая даже думать, что идет война. Издали отчетливо слышались водные всплески – это выбрались к поверхности огромные днестровские сомы, и плескались, будто тяжелые каменные чушки. Берег находился поблизости, но увидеть его было невозможно – всё покрывали пологи ивовых пушистых ветвей. Гора спускалась к реке уступами, и так же уступами росли деревья. Выходило, что каждая ступенька прикрывалась листвой двух-трех деревьев, которые росли ступеньками ниже. Действительно, заметить что-либо с того берега было сложно.

Успокоившись, обрадованный тем, что удалось добраться без приключений, Славин улегся на куче хвороста, собранного рядом с костром, снял форменную одежду и, накрывшись всё той же пастушьей дерюжкой, уснул.

Вначале его тревожили комары, забивавшиеся под нательное бельё и натыкавшиеся там на стойкий дегтярный дух, – день за днем приходилось натираться дегтярным мылом, и натиск кровососущих насекомых ослабевал. Потом комариный писк сменился неким пульсирующим звуком, потом тот же писк стал громче, потом...

– Беги! – вновь прозвучал голос в сознании, и Славин увидел, что пока он спал, на поляне появилась для заступления на пост ночная смена – бойцов пятнадцать, под командованием четверых унтеров. Они протирали спросонья глаза, кто-то уже пристраивал к огню большую кружку, надетую на палку, нагреть кипятку для чая, и только он один знал, что сейчас произойдет.

– Бегите! Спасайтесь! Накроет! – заорал совсем рядом учуявший его мысли всё тот же артиллерийский поручик Невестин.

И прапорщик снова не мог шевельнуться, и смотрел, как прыгают во все стороны солдаты, как из палаток выскакивают другие, разбуженные криками, и как встает дыбом земля, превращая ночь в совершенный ад. Вот только не нашлось

сейчас руки, что тащила бы за шиворот, а потому он просто смотрел, привалившись к деревцу, не в силах сделать ни единого движения. А в следующую секунду в лицо ему брызнул горячий и яркий свет.

И он проснулся.

На небольшом импровизированном плацу, – единственной ровной площадке, которую удалось очистить для построений, шла учеба новобранцев, которыми пополнился полк после Галицийской операции.

– К господам унтер-офицерам и фельдфебелям обращаться в соответствии с их чином, то есть, – господин унтер-офицер, господин фельдфебель. Ясно?

– Яасно! – неуверенно тянули солдатики.

– К господам офицерам от прапорщика, через подпоручика, поручика до штабс-капитана обращаться «ваше благородие». Ясно?

– Яасно!

– К господам капитанам, подполковникам и полковникам обращаться «ваше высокоблагородие». Ясно? К господам генерал-лейтенантам и генерал-майорам обращаться «ваше превосходительство». К господам генерал-фельдмаршалу и генералу от инфантерии, кавалерии и артиллерии обращаться «ваше высокопревосходительство». Ясно? Учеба закончена, после обеда спрошу, как запомнили.

К вскочившему и хлопающему глазами Славину подошел артиллерийский поручик Невестин, и потрепал по плечу.

– Называется – болезнь войной. Я видел, как вы во сне метались, наверное, снова налёт приснился? Это часто такое...

– Да? Вот уж действительно болезнь. Как взаправду. Будто пушки австрийские по солдатскому строю ударили. А я не мог даже пошевелиться.

– Это что. Некоторые кто в рукопашных атаках побывал, ночами на соседей во сне кидаются, за горло хватают. Долго, очень долго будет из тех, кто останется жив, война выходить. Как яд.

– Если так не любите войну, отчего пошли в офицеры? Да ещё – в пушкари?

– Традиции, господин Славин, семейные традиции, будь оно неладно.

– Что ж, для офицера действующей армии настроены вы весьма пессимистично.

– Да нет, причем тут это... Дело знаю, батарея у меня одна из лучших, расчеты подготовлены. А вот муштра... Ну, на кой ляд солдату знать, как там к генерал-фельдмаршалу обратиться? Им бы в первой атаке не лечь, да домой без увечий вернуться. Их бы из винтовок палить обучали с утра до вечера, а они всё шагистикой занимаются. Неистребима, видать, муштра в армии российской.

– Послушайте, поручик, я, конечно, ценю то, что вы сделали для всех и лично для меня, когда окриком заставили прятаться от налета, но не слишком ли много откровений с вашей стороны? Я, наверное, тоже не в восторге от порядков, что случаются в армии, но...

– Да ладно, господин прапорщик, тут все через одного точно так же думают, просто скажут не все, значит, никакого секрета я вам не открыл, а взамен снисхождения по поводу моих брюзжаний открою другой секрет. Вот он будет интересен.

– И какой же? – прапорщик плеснул в лицо из большой кружки, смывая остатки сна.

– Секрет напрямую связан со вчерашним, а может, и с предыдущими налетами.

– Ну-ка, отойдемте чуть в сторонку... Что за новость?

– Новость в том, господин Славин, – взгляд поручика казался безмятежней неба, – что это был вовсе не артобстрел.

– Как это? – от неожиданности и нелепости такого заявления прапорщик улыбнулся.

– Да чёрт его знает, как. Только на месте налета я не обнаружил ни единого осколка снаряда. Никаких следов. Ни шрапнели, ни сгоревших порохов, то есть – ни-че-го!

– Вы же сказали, если память не изменяет, что если бы залп на десяток шагов в сторону, то всем конец?

– Память вам не изменяет, я действительно так сказал. К этому выводу я пришел, увидев, каким образом поломаны ветви у деревьев, и каково направление ударной волны. Но потом облазил то место вдоль и поперек, искал везде – и не нашел никаких подтверждений, что на поляну падали именно артиллерийские снаряды.

– Ну, а что же тогда это могло быть? Что тогда убило почти тридцать человек за последние две недели?

– А это уж вам виднее, что их убило. Но там, где восьмерых прижучило с неделю назад – тоже ни единого осколка, ничего. Шрапнель везде след оставит. Это же просто стакан, наполненный доверху стальными пулями или стержнями. Он взрывается в заданной точке и поражает всё живое на обширной территории. А тут – ничего, ни пуль, ни стержней... Мне самому всё это весьма странно, вот и решил поделиться.

– Верно решили. Давайте так, поручик, вы будете моим консультантом по артиллерийским вопросам до тех пор, пока не раскроем эту невидимую и неосязаемую батарею.

– Я не против. Только уж попросите официально у нашего командира, чтобы не подумали, будто я наушничать к контрразведке бегаю.

– Ох, уж эта наша брезгливость к фискальным органам... Ладно, я вас понимаю. А про то, что вы мне сказали, пока молчок. Хочу кое-что проверить...

За день Славин успел снова побывать в штабе корпуса, в корпусном госпитале и отправить несколько запросов по разным адресам. В госпитале ему сообщили, что причинами смерти семерых рядовых и одного фельдфебеля, погибших в расположении сто девяностого полка на прошлой неделе явилась тяжелейшая контузия.

– И что? Ни единого ранения?

– Ни единого, мой хороший, – фамильярничал с ним врач, усталый профессор медицины, отправившийся на фронт добровольцем. – В сопроводительных записках значилось, что погибшие попали под артиллерийский обстрел. При обстреле причинами смерти могут быть либо тяжелые раны и увечья, как верно вы заметили, либо, – тут он назидательно поднял палец вверх, – воздействие взрывной волны, причинившей закрытую компрессионную травму головного мозга и иных важных органов.

– То есть, вы хотите сказать, что ваш некролог составлен с учетом того, что написано в сопроводительной записке?

– Именно так, мой хороший.

– А если бы вам представили трупы погибших в атаке или при пулеметном

обстреле, без всяких внешних повреждений, что тогда бы вы записали в некрологе?

– Ну-у... Вас ведь не было здесь, когда фронт держал удар, а после шел против австрийского фронта? А было, собственно, совершенно не до некрологов. Только по нашей, восьмой армии, чуть не семьдесят тысяч людей – как корова языком... Раненные вообще без счета шли. Вся канцелярская работа как-то на второй план упряталась. Потому, попадись мне, как вы сказали, погибшие в атаке, и не имеющие внешних повреждений, я бы записал причиной смерти повреждение внутренних органов и опять же, – тяжелые контузии, нарушающие жизненные процессы.

– Благодарю. И попрошу об одолжении, – если случится что-либо подобное прошлому артиллерийскому обстрелу, и будут погибшие, приложите все усилия, чтобы указать точнее причины смерти. Если контузия, то каких органов, с какой стороны, каких размеров повреждения и всё прочее. Вас не затруднит такое дело? Составлю об этом предписание через штаб армии.

– Я врач. Но вместе с тем – солдат. Должен выполнять приказы. Тем более, если вы считаете это важным для контрразведки...

– Это для всех важно! – в сердцах приподнял голос Славин, которого уже потихоньку начинало раздражать пренебрежительно-презрительное отношение к его ведомству.

Затем он снова имел разговор с искровиками, которые сообщили, что ничьи радиостанции в радиусе действия их армейских аппаратов, в эфир не выходили. Ещё ему было подтверждено то, о чем говорил подполковник, – действие голубиной почты в приднестровском каньоне весьма осложнено обильностью хищной птицы, и на этот способ передачи информации никто особо не полагался, а из хищной птицы почтальон не получится. С тем прапорщик и вернулся в расположение полка. И вот там его снова ждал сюрприз.

Когда он вышел на поляну, где недавно закончили экзаменовывать новобранцев о чинообращениях, к слову – ни один из них экзамен не выдержал, – то увидел, как на краю плаца разожгли огонь.

– Это мы чайком побаловаться, – пояснил седоусый унтер, – сейчас молодым посты станем показывать. Дело важное.

Вот только важное дело не случилось. Будто сквозь туман и совсем из другого пространства прапорщик увидел, что унтер протягивает к огню кружку, ту самую, из которой он утром плеснул себе в лицо, и теперь кружка нанизана на длинную жердь, чтобы не обжечься. Потом на поляну вышел поручик Невестин, и уже собрался что-то сказать, но только успел раскрыть рот, как вдалеке снова раздался звук. Три лопнувшие шутихи. Ласковые, воздушные, словно пар из-под крышки со щами, звуки – пых-пых-пых.

Затем свист. Тонкий, становящийся всё отчетливей.

– Беги с поляны! – точно как в сегодняшнем сне заорал поручик, а Славин, почти как во сне, замер, вглядываясь в кусочки неба, проглядывавшие сквозь густые кроны, пытаясь увидеть, откуда прилетит незримая смерть.

Затем поручик кошкой вцепился Славину в грудь и повлек куда-то вниз, подминая под себя, скатываясь вместе с ним в овражек. А через секунду мир перевернулся. Три разрыва сотрясли пространство на поляне. Из новобранцев, не успевших отреагировать на окрик, четверо осталось лежать у костра, а с ними

и седой унтер, так и не выпустивший из рук палку с кружкой. Славин выбрался из-под оглушенного и трущего виски Невестина и подбежал к убитым. Осмотрел одного, затем второго, третьего... У одного из них имелась кровавая рана в боку, у второго – глубокая царапина у виска, остальные трое оказались без видимых повреждений.

– Опять... Опять то же самое! И я это всё видел ночью, пока спал! – вертелось в голове у Славина, но сам он уже царапал на бумаге записку врачу, морща лицо.

– Вы! – окрикнул он прибежавших к плацу офицеров. – Быстро оформляйте всё, что положено, и отправьте погибших в корпусной госпиталь... Передадите врачу моё предписание о вскрытии. Вы! – теперь он переключился на Невестина. – Вы в порядке? Осмотрите всё, только без помощников. Я сам помогу.

– Что ж, господа хорошие, значит, действительно, сны тут не просто сны, – думал он про себя. – И предопределенность вполне возможна.

Более всего Славина убедило не просто совпадение событий, но – мелкая деталь, явившаяся во сне и повторившаяся наяву, – кружка, протянутая к огню. Эта мелочь не позволяла всё легко списать на совпадение.

Осмотр места, как втайне и боялся Славин, выказал полное отсутствие следов шрапнели, а вместе с тем ветки были посечены и поломаны так, как если бы над поляной, на высоте восьми-десяти саженей, разорвалась именно шрапнельная граната.

Затем, к концу дня, пришли вести от корпусного врача. Обследование показало, что в двух случаях на телах имелись раны, однако они не являлись причиной смерти. Во всех пяти случаях причиной можно обозначить контузию. К заключению, составленному на пишущей машинке, имелась приписка, выполненная от руки: «Если бы мне не сообщили о случившемся артобстреле, я, возможно, поставил бы диагноз „острая сердечная недостаточность“, который ставят во всех случаях, когда определить причину смерти затруднительно и даже невозможно. Повреждений внутренних органов и внутренних кровотечений вскрытием выявлено не было».

– Что будем делать? Вы доложили в штаб? – поинтересовался артиллерист, облазавший все окрестности в поисках фрагментов шрапнельной гранаты, но тоже ничего не обнаруживший.

– А что я могу доложить? Что у нас тут творится невесть что, а мы не можем понять, отчего погибают солдаты? Вот что, поручик, возьмите ваших бомбардиров, прочешите ещё раз всё вокруг, впрочем, можно привлечь и пехоту. Версией поиска будет, якобы мы ищем новый тип австрийских снарядов. Это должно выглядеть убедительным объяснением. А я займусь кое-чем другим...

В тот же вечер после разговора с командиром полка было решено готовить охотничью команду. В первую очередь принимали тех, кто уже бывал за линией фронта в поиске. Отобрали троих дюжих пластунов из второй сводно-казачьей дивизии, состоящей при армии. Затем шел сам Славин, как лицо, владеющее немецким и венгерскими языками, а также в качестве главного команды. Ещё им придали двух фельдфебелей-саперов с набором инструментов. Выступить решили посреди ночи, чтобы к рассвету уже находиться по ту сторону косогора, непосредственно перед позициями полка. Как пояснил Невестин, маловероятно, чтобы артиллерия была так точно с большой дистанции.

Легли они всей командой раньше, чем в полку сыграли отбой. Да и отбоя, собственно, сегодня не играли, пошли на воинскую хитрость, от которой всем охотникам пришлось затыкать уши матерчатыми затычками. Оружие – револьверы и ножи – было проверено и готово, также саперы изготовили плот, на котором предстояло переправиться через реку. Но прежде чем экспедиция состоялась, прапорщик Славин увидел ещё один сон. Теперь совершенно странный. В нем никто никого не убивал, не стреляли какие-то неизвестные пушки, не приходилось вскакивать ото сна с колотящимся сердцем. Но вместе с тем, сон был недобрый, темным. Перед Славиным проходили рота за ротой какие-то совсем иные солдаты. В странной форме, со странным оружием, в стальных зеленых касках. На касках красовались звезды, в глазах – застыли усталость и тоска. Потом их сменяли солдаты прошлого времени, в высоких киверах, с большущими кокардами, гремя амуницией и длиннющими кремниевыми ружьями. Славин чувствовал, как мимо и сквозь него проходят иные эпохи. Полки императрицы Анны Иоанновны, за воевавшие Хотин у турок, полки Минина и Пожарского, отбросившие польскую рать, полки из будущего, полки из прошлого. Сколько тут, в Галиции, да и не только в ней, прошло русского войска – не счесть.

Когда Славин проснулся, разбуженный аккуратным встряхиванием за плечо, в памяти его вертелся образ нескончаемой вереницы солдат, что тянулась, будто река времени по этим дремучим местам, кровью и потом создавая будущие западные границы Империи.

– Пора! – сказал казачий урядник, старший среди пластунов.

И они пошли.

Рассказать обо всем, что происходит в охотничьем поиске, – невозможно. Это как по минутам описывать каждое действие, каждую мысль и каждый страх охотников. Добираясь до вершины, они постоянно опасались быть замеченными вражескими наблюдателями. Чтобы как-то помочь им, командир полка пошел на хитрость – была придумана обманная штука, будто бы в расположении празднуют что-то радостное, торжественное, это позволило охотникам незаметно переправиться на другой берег. Разгульное действие продолжалось с ночи до утра, играла музыка, полковой трубач не жалел легких, барабанщики рук, а две дюжины солдат выводили во всю мощь разными голосами песню замурцев: «Грянем, да так, чтобы сопки проснулись, враг задрожал на биваке своём!».

Хор был слышен и звучен. Эхо разносило слова песни на несколько верст по каньону. Тем надеялись усыпить бдительность врага. Затем охотники взобрались наверх, потом спустились с пригорка, и оказались на большом травяном поле, ровном, гладком, будто стол. Ни холмика, ни кочки, как невесело сказал урядник. Если где-то за их спинами, на склоне и остались наблюдатели, то они себя никак не проявили, и теперь опасность крылась в другом, – как одолеть предполье, оставшись незамеченным? Было решено передвигаться ползком, а так как солнце уже вставало над Галицией, приходилось брать в расчет, что австрийцы произвели подъём флага, и теперь вершили утреннюю молитву. Охотникам повезло, они наткнулись на вражеский секрет, который должен был засечь их на подходе к армейским позициям, но все участники секрета – трое рядовых, один унтер и офицер-лейтенант, самым бессовестным образом спали. Чтобы избежать лишнего шума, вначале им всем воткнули в рот по кляпу. А затем, когда незадачливые дозорные пришли в себя, было предложено добровольно направиться в располо-

жение русского полка, не производя шума. Один из пластунов так выразительно при этом поигрывал широким ножом, что все пятеро сразу же оказали согласие.

Австрийцы по-прежнему были сильны, но поражение в Галицийской битве их сильно обескуражило и заставило поверить в силу российской армии и в её способность побеждать. С лейтенанта Славин взял слово офицера, что тот не станет кричать и звать на помощь, когда ему вытащат кляп, тот с неохотой согласился, и на обратном пути прапорщик успел его допросить о странной артиллерийской батарее. То, что рассказал австриец, совершенно не внесло никакой ясности. Он сообщил, что артиллерийские парки находятся позади основных позиций войск, которые приготовились к обороне, и расположены сразу за предпольем. По замыслу командования, в случае, если русским придет в голову форсировать Днестр и карабкаться кверху, не имея возможности быстро доставить сюда же свою артиллерию, основное сражение должно произойти именно на том самом поле, где и был пленен вражеский секрет. Лейтенант признал, что на склонах каньона со стороны австрийцев есть некоторое количество наблюдательных постов, но ни о каких артиллерийских корректировщиках он не слышал, а главное, не слышал, чтобы стреляли пушки, стоящие за траншеями на закрытых позициях. Хотя ему известно, что в начале сентября, в активной фазе битвы, перед взгорком располагались несколько артбатарей, которые должны были сдерживать наступательный порыв русских, прикрывая отход своих войск за Днестр. Потом батареи были сняты, а одна из них оказалась полностью разгромлена огнем русских гаубиц.

– Где стояли ваши батареи?

– Там, там и там, – указал рукой офицер, – а ту, что разбили полностью – вот там, в низинке. Только...

– Что – только? Говорите уже, лейтенант.

Расположение уничтоженной батареи полностью совпадало с местом, которое Невестин указал как самое вероятное для произведения тайных обстрелов.

– Только нам запретили туда ходить, сказали – какие-то новые химические снаряды и очень опасно. А армейский капеллан почему-то не торопится с заупокойной службой.

– Ну-ка, хлопцы, вы пока спускайтесь, а я сползаю, гляну, что там с батареей. Если услышите стрельбу – меня не ждите, и когда в другой раз пойдете, тогда и загляните в низинку.

С этим Славин отделился от отряда и пополз в сторону. День набирал солнечную силу, но роса выпала обильной и не успела высохнуть, отчего прапорщик весь измазался травяной зеленью.

Когда до низины оставалось не более десяти саженей, Славину будто бы послышалась немецкая речь в несколько голосов, но странным образом разобрать, о чем они говорили, было совершенно невозможно.

– Так бывает только во снах, – отчего-то подумалось прапорщику.

Затем, вжавшись в пахнущую разнотравьем землю, обкалываясь часто растущим здесь чертополохом, он подполз к едва приметному брустверу. Голоса стали чуть громче, но вместе с тем – ещё более неразборчивыми. И трижды повторился странный смех, он мог звучать именно так, если бы смеющийся находился за сотню шагов, и даже где-то будто парил над поляной, Славин даже вскинул взгляд к небу, где ползли ленивые безучастные ко всем людским страстям облака.

Но вот осталась последняя сажень. Прапорщик, приготовив к стрельбе наган,

осторожно заглянул за бруствер. И обомлел от жуткого зрелища, что представилось ему во впадинке.

Позиция была прикрыта сетью со вплетенными ветвями и листьями, отчего её невозможно было заметить с самолета. Там, опираясь один на другого и на земляные насыпи, вокруг разбитых орудий полусидели, полулежали мертвые артиллеристы. Один, второй, третий, четвертый, пятый... Славин поначалу не смог воспринять картину как что-то реальное, ему почудилось, будто это такой особый маскарад, и что среди мертвых скрываются настоящие пушкари, готовые снова произвести выстрел по сигналу невидимого корректировщика. Но живых тут не было. Время и падальщики сделали своё дело, картина смерти ужасала, полуразжившиеся трупы смердели, странно, что раньше никто не заметил этого запаха, ведь он разносился на большое расстояние. Седьмой, восьмой, десятый, – считал и считал Славин. Три орудия. Три расчета по четыре человека, всего двенадцать. Полуистлевшая форма, лохмотья, колышущиеся на ветру и создающие ощущение движения, будто мертвые шевелились. Окоченевшие руки подносчика мертвой хваткой вцепились в снаряд, офицер склонился над картой огня, стрелок положил руку на затвор, Славину даже почувствовалось, будто он слышит потрескивание спускового механизма, готового ударить по капсюлю, и отправить гранату в полёт к другому берегу, хотя ствол орудия перекорежило разрывом, и он съехал набок. Ветер, протиснувшись под маскировочную сеть, пролетая над пушечными лафетами, играл с мертвецами, трогая их за погоны, за пуговицы, не пугаясь жутких посиневших провалов глазниц. Ветер издавал звуки, схожие с речью, потому что его резало острыми углами зарядных ящиков и краями стреляных гильз. Мёртвый мутный глаз командира, казалось, уставился прямо на Славина, будто вопрошая, а что ты тут делаешь, на моей позиции? Славину казалось – на него взглянула сама вечность, обрисовав всю тщетность бытия и скоротечность жизни. Осторожно, боясь потревожить чуткое забвение непогребенных тел, прапорщик пополз обратно.

Отряд он догонял в великом смятении, стряхивая сковавшую тело оторопь. Пластуны уже готовили плот, но всё не решались отправиться обратно, не дождавшись прапорщика, и потому все были обрадованы, когда Славин выкатился из прибрежных кустов на узкую каменистую полосу берега.

– Ну, что там? Удачно сходили, ваше благородие?

Но Славин молчал, руки его дрожали. Наконец решился.

– Вы, – указал он на двоих саперов. – Нужно вернуться. Инструмент берите с собой.

– Можно поинтересоваться, на какой случай инструмент брать? Проволоку резать, или...

– Лопаты. Нужно копать. Давайте с нами ещё вот этих солдат, всех трех, от них всё равно проку немного, пусть тоже копают. Потом с Богом отпустим. А вы, – теперь он обращался к пластунам, – доставьте в полк унтера и офицера, их будет достаточно для разговора. Нас не ждите, отправляйтесь прямо сейчас, если что – новый плот соорудим, тут леса много...

И они ушли обратно. А потом саперы, выдавшие всякие виды фельдфебели, крестились широко и часто, увидев то, что видел до них Славин. И так же крестились пленные, только не справа-налево, а наоборот ложился у них крест. Кто хочет властвовать, не такую ещё придумает разницу среди людей и веры челове-

ской. Прапорщик лёг рядом с бруствером, потому что знал, не побегут пленные, ведь поняли, что назад их отпускают. А ещё не побегут, потому, как дело важное все вместе тут делали. Саперы вопросов задавать не стали, хотя могли бы спросить – отчего не сами австрийцы своих мертвяков хоронят? Отчего им приходится по очереди колотить лопатами жирный луг и укладывать после мертвые тела в чужой форме? А прапорщик упал в короткий сон. И видел...

Что он видел в том сне – никому неизвестно. Только с тех пор, как вернулись из поиска, ни он, ни саперы многого не болтали. А налеты прекратились. Больше не били с того берега невидимые пушкари, и полк продолжил жизнь. Ведь даже на войне она есть. Начальнику отдела контрразведки Славин сообщил, что, по видимому, тайная батарея неприятеля передислоцирована, и более странных налетов не будет. И что в расположении полка действительно снятся вещие сны, каждому своё. Говорят, туда приезжал сам командующий, генерал от инфантерии Алексей Алексеевич Брусиллов, и пригодилась новобранцам всё-таки наука о чинопочитании, и именовали его верно – Ваше Высокопревосходительство! – и кричали троекратное ура. А после генерал изволил лечь спать в той маленькой хате, которую первую увидел Славин, как явился в полк. Смотрел генерал свой сон, и повел через два года войско в такой прорыв, о котором и мечтать никто не мог, совершив то, что не удавалось никому в этой войне – прорвать полностью фронт и уйти вглубь вражеской обороны. Славин подал рапорт о переводе в другую часть, потому что видел во снах далеко. Слишком далеко, потерял полностью покой. Потому что в незнании того, что предопределено, – только в нём смысл жизни. Может быть, кому-то нужно попасть в горы, к самой вершине мира, чтобы обрести знания, а кто-то видел всё, пока сидел в Галицийских лесах. А значит, верно говорят, Бог – везде, и в тебе самом, а когда ты ищешь где-то вдалеке, ты его теряешь...

Кишинев, март 2014 г.

Дмитрий ГРАДИНАР родился в г.Харькове. Окончил Харьковский Юридический Институт. Занимал должность старшего следователя, работал в адвокатуре.

С 2005 года активно занимается литературной деятельностью. Для себя избрал жанр научной фантастики, считая его одной из самых интересных составляющих современной литературы. Четыре романа автора вышли в свет в издательстве «Лениздат» (Санкт-Петербург), рассказы печатались в различных журналах СНГ и межавторских сборниках, в том числе в сборнике «Законы дальнего космоса», вышедшего в серии «Лучшие отечественные фантасты».

Обладатель Диплома Европейского совета по фантастике за удачный дебют и специальной премии «Восходящая звезда» Харьковского клуба «Искатель» (2006 г). Проживает в Кишинёве.

Рассказ «Галицийские сны» публикуется с любезного разрешения издательства «Снежный ком», включившего это произведение в межавторский сборник фантастики «Милитариум. Мир на грани», посвященный столетию начала Первой мировой войны.

Ближние зарубежья

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ СЛОВУ

Кажется, это было вчера. Презентация первого номера нового журнала в конференц-зале республиканского Дома прессы, ликование русскоязычных литераторов республики по поводу обретения, наконец, собственного издания; злой шепоток недругов, упорно продолжавших считать, что в русскоговорящей и русскодумающей Беларуси литература должна создаваться исключительно на белорусском языке... Так или иначе, новый республиканский литературно-художественный журнал «Немига литературная» с 1999 года начал свое шествие по городам и весям. Кстати, само название журнала тоже было выбрано не случайно. Как известно, некогда легендарная, упоминавшаяся еще в «Слове о полку Игореве», река Немига уже много десятилетий течет под землей, упрятанная в железобетонные трубы. Так и русская литература в республике долгие годы считалась как бы не существующей, а ее представители являли собой своего рода «людей из коллектора», творчество которых не замечалось десятилетиями... Был период, когда после распада СССР книги русскоязычных авторов Беларуси вообще не включались в издательские планы, и даже Пушкин издавался, как... иностранный автор. Так продолжалось даже после всенародного Референдума 1996 года, конституционно уравнявшего в правах русский язык с белорусским...

Впрочем, время брало своё. Взвешенная политика президента нашей страны Александра Лукашенко, не раз заявлявшего, что русский язык тоже является языком белорусского народа, не могла не дать своих плодов. Постепенно книги русских писателей Беларуси вновь стали выходить в государственных издательствах, а лучшие из них – даже включаться в школьную программу.

И тут нельзя не отметить, что значительная часть лучших произведений русских писателей Беларуси прошла свою апробацию на страницах «Немиги литературной». С первых дней своего существования журнал взял курс на поиск новых дарований, особенно из глубинки, которым до этого попросту негде было публиковаться. Очень быстро сложился тесный круг авторов, искренно преданных русскому слову и традициям русской литературы, но при этом не забывающих, что их Родина – Беларусь. К белорусской тематике часто обращаются и авторы журнала, живущие за пределами страны, но биографически связанные с ней. Скажем, немало лет прожившие в Минске известные российские прозаики Иван Сабилло и Николай Коняев активно включились в работу редколлегии журнала, удачно поддержали и поддерживают своими произведениями его художественный уровень. Издание считает своим долгом знакомить жителей Беларуси с лучшими достижениями своих российских коллег и коллег из дальнего зарубежья, а потому на страницах журнала можно прочесть произведения А.Лиханова, С.Куняева, В.Батишева, В.Шемшученко, В.Гандельсмана, В.Губайловского, Н.Рачкова, И.Голубничего, В.Ефимовской, Е.Полянкой, Е.Юшина, В.Хатюшина и многих других известных литераторов, зачастую принадлежащих к прямо противоположным литературным школам и направлениям. Но, разумеется, основная журнальная площадь отводится авторам из Беларуси. За пятнадцать с лишним лет журналом открыты сот-

ни новых имён, многие авторы стали членами Союза писателей Беларуси и российских творческих Союзов.

И всё же было несколько публикаций, которые можно назвать знаковыми в творческой истории издания. В 2000 году именно «Немига литературная» опубликовала документально-художественную повесть Владимира Якутова «Александр Лукашенко» – первое в истории нашей страны правдивое биографическое повествование о главе нашего государства. В номере первом за 2003 год журнал поместил повесть Александра Чекменева «Волки», до того целых четыре десятилетия пролежавшую в столе у автора. А спустя какое-то время с большим успехом прошла премьера фильма, снятого на киностудии «Беларусьфильм» по этому произведению. Уже в «Новую Немигу...» передал для публикации свою киноповесть «Болгарией спасенные» Чрезвычайный и Полномочный Посол этой страны господин Петко Ганчев. Произведение публиковалось с продолжением в четырех номерах. Журналом был опубликован и новый перевод гениального памятника отечественной литературы – «Слово о полку Игореве», выполненный замечательным московским поэтом, секретарем Союза писателей России Николаем Переясловым.

Сегодня коллектив авторов, сплотившихся вокруг журнала, являет собой сплав опыта и молодого задора. Давно окрепли и набрали силу голоса Валентины Поликаниной, Михаила Шелехова, Светланы Евсеевой, Юрия Фатнева, Сергея Трахимёнка, Анатолия Андреева, Александра Соколова, Татьяны Лейко – признанных мастеров слова. И почти в каждом номере журнала можно встретить имя нового одаренного автора. Например, двадцатилетней гомельчанки Маши Малиновской, уже успевшей стать победительницей нескольких серьезных поэтических конкурсов и сегодня продолжающей учебу в Москве, в литературном институте, или Людмилы Клочко, Андрея Фамицкого, Михаила Пегасина, Екатерины Медведевой – поэтов новой волны.

Впрочем, не всё идет гладко. Журнал из-за финансовых трудностей трижды приостанавливал свой выпуск, вынужденно менял учредителей. И тут нелишне вспомнить с благодарностью имена тех, кто пришел на помощь новому изданию – ректора Института современных знаний, члена-корреспондента Национальной Академии наук профессора Александра Михайловича Широкова и директора издательства «Технопринт» Антона Петровича Аношко. Тем более что этих людей уже нет с нами... При смене одного из учредителей журналу пришлось даже частично изменить имя, сейчас он называется «Новая Немига литературная». Впрочем, разве на подобные неурядицы обращаешь внимание, когда знаешь, что читатель с нетерпением ждёт очередного номера, а в редакционном портфеле – десятки произведений самобытных авторов?

Анатолий АВРУТИН,
главный редактор журнала,
член-корреспондент Российской Академии поэзии
и Петровской Академии Наук и искусств

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

Михаил Михайлович Шелехов родился 1 ноября 1954 года на Брестчине в семье учителей. Окончил факультет журналистики БГУ (1976), Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР (1984) и Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького в Москве (2001). Работал на телевидении, главным редактором студии телефильмов «Кадр», главным редактором киностудии «Беларусьфильм», был очеркистом журнала «Сельская новь» в Москве, первым заместителем главного редактора журнала «Белорусская думка». Состоит в Союзах-писателей, кинематографистов, журналистов. Автор пяти книг философской лирики и баллад, вышедших в Москве и Минске («Слово ненастное, слово лазурное», «Песни родильного отделения», «Ангел уличный» и др.), автор сценариев пяти художественных фильмов, поставленных в Москве, Минске и Екатеринбурге, десяти мультфильмов по собственным сказкам («Союзмультфильм», «Беларусьфильм»), многочисленных пьес, в том числе и кукольных, сказочных книг и нескольких мистических, фантастических и сатирических повестей и романов.

ХИРУРГИЯ

(Письмо из госпиталя)

Дайте Родину хоть контрабандой!
Привезите мне лист лопушиный,
Зачерпните стеклянною банкой
Самой жгучей, как юность, рябины.

Я лежу в полевой хирургии,
И стоит у больничного входа
Тихий ангел далёкой России
В ароматах карболки и йода.

Я болею вторую неделю,
Я тоской свою душу мотаю...
Привезите любую Расею,
Я в ней гордую Русь угадаю!
Привезите мне бедную лужу,
И блаженный кусок чернозёма,
И кузнечика кроткую душу,
И окно материнского дома.

Я воронье гнездо нахлобучу,
Я в малину заруюсь – в лукошке...
Привезите мне серую тучу,
Привезите Россию в ладошке!

Я не знаю, что будет со мною,
Где я лягу, подбитый душманом?
И сырая трава зверобоя
Не залижет жестокие раны...

Нас по свету мотает удача,
Только время назад оглянуться...
Я на веточку вербную плачу,
Я в Россию хочу окунуться!

Привезите Украину и Север,
Где весною – светло и широко,
Белорусский заплаканный клевер
И приморье Владивостока.

Чтоб взошли соловьиные ночи,
Вместо ржавого солнца в зените,
Привезите мне серые очи,
Контрабандой вручите...

ЛАМПАДА

Жизнь прожита. Лампада догорает.
И поздно уж елея наливать.
А свет смиренный напечатлевает
Скудеющую на чело печать.

В потёмках мира мало чем отличен
От темноты я. Но негромкий свет
Ещё горит, среди живых привычен,
И где меня уже почти что нет.

Но страшно думать, что за кругом здешним
Не жгу лампы перед Божеством.
И с каждым днём видением кромешным
Всё чётче я рисуюсь в мире том.

В последний раз я жгу свою лампаду
Под этим небом, где меня уж нет.
И лестницу дрожащую – ко Граду
Лампады бедной простирает свет.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ СТЕНА

*Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, –
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла.
Её не раз и штурмовали –
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...*

Ф. Тютчев

Теснят, теснят Россию к бездне
И негасимому огню,
К резне, к чуме, к могиле в плесени
И к смерти бледному коню.

Теснят Россию к урагану,
К Китаю, Азии, войне,
К безжалостному океану,
Но прижимают лишь к стене.

Спиной к стене своей Победы,
Глядим на мировой закат.
Спиной к спине отцы и деды
Расколотили насмерть ад.

Спиной к стене великой воли
Неодолимого вождя
Стоит Россия богомольно,
А стену сокрушить нельзя.

ШЕСТВИЕ

Дело было на Седьмое ноября.
Почему-то не хотелось больше жить.
А на город, как чума, ползла заря
И готовилась под флагами ходить.
Собиралась в батальоны свои Русь,
И повязывалась пасмурно Москва...
Мы прошли такой большой и сложный путь!
И могучи у брандспойтов рукава.
Как волнуется в пикетах молодежь!
И куда ее потащат старики?
У раскрашенной речугами пивной
Коротались незабвенные деньки.
Эта пена и горька, и солона,
Но под залпами салюта подшофе
Не забыть бы, как раздетая страна
Танцевала в 45-м в галифе.
И не брал ее озноб или загул,
И была ее головушка светла.
И никто ее в участок не тянул,
Потому что она трезвою была.
Так была она, родимая, трезва –
Эта резаная, колотая кровь!
От Победы ни жива и ни мертва.
Упаси, Господь, увидеть это вновь.
Я гляжу теперь на бледную страну
И на синие под глазом фонари...
Полюбить тебя? А если обману?
Разлюбить? Так не разлюбишь – хоть умри.
Шелковистая и светлая юдоль,
Мой печальный обезлюдевший приют!
И куда тебя твоя затащит боль,
И куда тебя живые поведут?
Распечатали мы на трое коней
Эту горечь, эту синюю крутель.
И бредем, башкой стучась, до лучших дней,
То – в кремлевскую,
то – в мурманскую ель.
Потому как нам – навеки повезло.
Даже некому на кладбище сказать!
Как от трезвости дороги занесло,
Так от пьянства душит сердце – благодать.

СВЕТЛАНА КРЯЖЕВА

Светлана Павловна Кряжева – поэт, прозаик, публицист. Автор нескольких книг и многочисленных публикаций на страницах журналов «Новая Немига литературная», «Нёман» и др. Живёт в Минске.

РАЗГОВОР С РОДИНОЙ

Византийская, с русским Богом,
Молодецким, как ширь, крестом,
Да суровым гражданским долгом,
Ветра посвистом да постом,
С лихорадочным блеском ока,
Да пожатьем мужских десниц,
Русь Толстого, Есенина, Блока,
Русь великих имён и лиц!
Расславянилась вдруг, и – точка.
Обломились её края.
Что-то в ней, как и в нас – непрочно!
Иль иные и ты, и я?
Прекратилось родство по крови
И по сходству мятежных душ.
А без Родины жить не стоит!
Прежней Родины нет к тому ж...
Может, это сменилась эра?
Отчуждение к нам пришло,
Заменяя на догматы – Веру,
И на холод сменив тепло.
Разминувшись с двадцатым веком,
От своих отеклась имён!
«Русь святая», – всё шепчет ветер,
И шумит под окошком клён...
Так случилось – без примененья
И славянское имя моё!
Нет Светлан и на сто рождений –
Даль пустая да окоём!
Отсветило суровой Правдой,
Отсияло густой зарёй!
Русь рождённым собой не рада.
Я прощаюсь, скорбя, с тобой!
И во тьме полыхают свечи.
Ты предательски прячешь взгляд.
Над великой страной – вечер,
И молчит Гефсиманский сад!

* * *

Есть в мятущейся русской душе
 Неизбывная тяга к цыганам,
 В тот гитарный надрыв кудряшей,
 В вольный посвист вождя-атамана!
 В разрешенье запретных богов,
 В обретенье утерянных истин!
 Из глубин докрещёных веков,
 В дикой правде кровавых неистовств!
 Догорают уголья костров.
 Тройки, вёрсты, дымы, километры!
 Выкрик яростный зол и суров
 Палача, атамана и жертвы!
 Благодать на мгновенье мелькнёт
 В предрассветной малиновой рани,
 И опять всё призывней поёт
 Пьяный табор, шальные цыгане!

* * *

Есть всё уже – сума, тюрьма, рубаха,
 А для души – сподвижник монастырь.
 Есть всё – наука, вера, плаха,
 Над ними Русь – немереная ширь!
 Есть женщина – застенчивость, молчанье,
 Есть спящее безгрешное дитя.
 Начало есть, решимость, окончанье,
 Есть праведность и суетность житья.
 Не юн уже, не дым виски опалит –
 Холодный свет серебряных седин.
 Среди основ житейских и развалин
 За всё в ответе лично ты один!

* * *

И в надрыв, Россия, в полный голос,
 Как ни кайся, а провозгласи –
 Не в мужской ум – в бабий «долгий волос» -
 С всхлипом-причитаньем – голоси!
 По сынам, загубленным невинно
 В клевете, осаде и войне,
 По вождям, в страстях своих повинных,
 По героям, преданным – вдвойне!
 Дичь раскосая на скакунах во Храмах!
 Крест широк, дорога не видна,
 Да повсюду вражий плотский запах,

Запах пота, крови и вина!
 Нас ломают – русский не согнётся
 И не стерпит никаких цепей!
 Перекрестится и соберётся –
 Ни о чём тогда уж не жалеи!
 А пока мужчины размышляют –
 Как там быть и «быть или не быть» –
 На России, сыновей рожая,
 Продолжают бабы голосить!

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Анатолий Николаевич Андреев, прозаик, критик, литературовед. Родился в 1958 г. Доктор филологических наук, профессор. Автор десяти романов, а также повестей, рассказов, эссе, множества научных работ. Публиковался в «Литературной газете», «Дружбе народов», «Новой Немиге литературной», «Доне», «Мостах» (Германия), «Втором Петербурге», «Нёмане» и др.

МЕДВЕДЬ

Рассказ

– Я целый день ждала этого часа! Чем ты занимался?

– Не знаю... Мне был сон...

I

Меня разбудили трели мобильного телефона. Мелодия «колокольчики по-над лугом» – легчайшие россыпи звончков, – обычно умиротворяющая и ниспосылающая спокойствие, на сей раз врезалась в мой сон назойливым диссонансом.

Звонил мой друг Жан Неприятных, чтобы поздравить меня с днем рождения.

– Желаю тебе душевной гармонии, слышишь? Все остальное у тебя есть, Мишель. А вот душевной гармонии нет. И я тебе желаю обрести, наконец, душевную гармонию. Тогда весь свет заиграет новыми красками, вот увидишь...

– Спасибо, спасибо, Жан Петрович, милейший... Обрету. Который час?

– Уже утро в разгаре, прекрасное начало дня. Проснись и попей. В 51 жизнь только начинается.

Я глянул в окно. Небо было затянуто светло-серым слоем облаков. Никаких новых красок я пока не увидел. И с чего этот идиот Жан решил, что у меня проблемы с гармонией? Я спокоен, мне на все наплевать. Разве это не гармония? Стоило будить человека, чтобы пожелать ему черт знает что.

На часах восемь. Восемь ноль-ноль. Не идиот? Я о Жане, естественно. В отношениях с самим собой, повторяю, у меня полный порядок. Не вижу причин называть себя идиотом.

Я лег на спину, сложил руки на животе, закрыл глаза и попытался вспомнить свой сон. По опыту знал, что это безнадежно, но сон имел удивительно прямое отношение то ли к моему дню рождения, то ли к гармонии. Так хотелось ухватиться хоть за обрывки сна...

Конечно, сон я не восстановил. Мне уже начинал было сниться сон по поводу утраченности сна, как вдруг легко и просто продолжилось то, что было бесцеремонно прервано Жаном. Это был именно тот самый сон, несомненно; при этом вызывало удивление два обстоятельства: 1) как я мог его забыть и 2) сочетание простоты и тайной многозначности сна.

В общем и целом, сонные грезы растревожили меня.

Я иду по лесу и собираю грибы. Поют птицы. Зачем мне грибы?

Дело в том, что с недавнего времени в отношении грибов, как и в отношении многого другого, у меня наметился крутой поворот. Я бы сказал, изменились принципы. Я всегда считал, что люблю грибы – и, соответственно, обожаю эту самую тихую охоту и эту тяжелую пищу. Ну, вот как можно не любить грибы? Их любят все. Как цветы. Как деньги. Как муж – жену.

Оказалось, что я не люблю их не только есть, но и собирать.

А это плохой род чудачества. Неуважение к собирательству и грибопоеданию отдает вызовом. Это скрытое покушение на традиции, на уклад жизни предков, свичаи и обычаи; это коварный удар по корневищам, по вековой грибнице, которая воспроизводила сюрпризы предсказуемо и обильно.

За малым – едва ли не преступление против человечности.

И вот я собираю грибы и чувствую, что делаю это через силу. Я шучу, смотрю по сторонам – и понимаю, что притворяюсь не только перед всеми, но и перед самим собой. Я делаю вовсе не то, что мне хочется. Мне это ясно безо всяких доказательств.

Признание этого маленького фактика становится настоящим потрясением в масштабах моей личности. Оказывается, можно жить по-другому; можно делать то, что тебе нравится, и получать от этого удовольствие.

Я (пока еще в мыслях) отважился на рискованный, но такой необходимый мне шаг. И на душе становится вдруг весело и жутковато. Я знаю, что брошу сейчас лукошко (не ведро пластмассовое, недорогое и любимое снаряжение грибников, а именно плетеное лукошко, прямо из сказки, которое я видел однажды... не припомню, где, я его, несомненно, видел, и оно перевернется и застрянет в траве, затеряется в подсохших листьях) и пойду, куда глаза глядят.

Странное дело я задумал, но на меня нисходит ощущение гармонии.

К тому же меня приободрили птицы, они пели все громче и громче – и...

...И в этот момент вновь залепетали беззаботные колокольчики. Но голос, которые они накликали, оказался хриплым и самоуверенным.

– Да, не слабо ты нагрешил в жизни. Посмотри, какая непогодь: мерзость конкретная. Лучше не придумашь, а хуже не бывает. Ладно, перехожу к существу дела. Желаю тебе воли, все остальное у тебя есть. Вот увидишь, свет заиграет новыми красками...

Действительно, к полудню облака потучнели, сыпанул холодный дождь, смешанный с крупными льда. Откуда-то налетел пронизывающий насквозь ветрище (знаю я этот апрельский деликатес, сочетание прелести с беспросветностью).

Звонил некто Петров-Заторов, так себе поэт, но гигантский спец в области смысловых оттенков. Просто редкостный дар составлять нечто двусмысленное из полутонов. Последний его сборник стихов называется «Вестовестная правда». Вот ведь гад мелкопакостный. Знает, что я внимательно отношусь к словам, поэтому стану вникать и маяться. И выбрал же не свободу, не счастье, не благополу-

чие, не личную жизнь – да мало ли какие еще чудные слова можно подобрать ко дню рождения приятеля. Волю нам подавай. Наверняка ведь все продумал. Зачем мне воля, спрашивается?

Воля, на мой вкус, категория сомнительная. Не отрицательная, не положительная, не какая-либо еще однозначная – именно сомнительная, ускользающая от определений, хотя каждому понятная. Еще Пушкин наворожил: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». А потом взял и с тонким умыслом продолжил: «Я думал вольность и покой замена счастью... Боже мой! Как я ошибся, как наказан!»

Вот что это за наследство? Как это все прикажете понимать?

Если счастья нет, тогда воля бесценна, ибо это единственное, что остается неприкаянному путнику, собирателю грибов. Но если счастье есть, воля в мгновение ока превращается в эрзац. Воля – это счастье второго сорта.

Зачем мне воля, Петров-Заторов? Ты хотел сказать, что я чем-то закрепошен, и эта самая неволя невольно сказывается в моем свободном творчестве? На самом замысле моих романов?

А может, он имел в виду силу воли? Намекнул, что я слабак?

У меня ее хоть отбавляй, всякой воли, я не испытываю дефицита воли. Уж чего-чего, а воли... Наплевать мне на волю.

В каждом пожелании, как в табакерке, таится какой-то неучтенный чертик. Все как сговорились: я не могу отделаться от ощущения, что их громко озвученные пожелания в мой адрес – это тихие послания самим себе. Их чистые и искренние пожелания я рассматриваю, как способ самоутвердиться, а мой день рождения – как лучший в мире повод насолить мне своими сладчайшими словами.

Но почему ваши проблемы решаются именно за мой счет, господа?

Далеко не к каждому новорожденному хочется обратиться, душевно пожелать добра, вот так сокровенно вложиться в пожелание и раскрыться в этом душевном жесте до исподнего. Когда вы последний раз поздравляли с днем рождения своих ближних? Не удивлюсь, если это ваше первое в текущем году поздравление.

Почему вы избрали мишенью меня?

Скажи мне, чего ты мне желаешь, и я скажу, почему ты пожелал мне именно это... Нет?

По этому поводу что-то было в моем вещем сне. Да, было. Как-то подозрительно вяжется сон с явью. Не к добру. Почему сразу не к добру?

Нет, первое слово дороже второго. Не к добру. Обманывать себя бесполезно.

Навстречу мне выходит медведь и подозрительно косится на брошенное лукошко. Неодобрительно крутит большой башкой. От полутонной глыбы – запах, панически пугающий густой запах зверя. Этот запах по древности своей сопоставим с запахом грибов, в нем столько же первородной информации для инстинктов. Только грибы пахнут жильем, защитой, даже уютом, а от медведя тянет жизнью и смертью одновременно. Запах грибов действует «по шерсти», а свежая медвежья вонь – «против шерсти».

– Ты заблудился? – спрашивает медведь.

Меня не столько удивляет, что он может говорить, этот персонаж, которого сознание мое иронически воспринимает на фоне баек про Машу и медведя, сколько возмущает его версия относительно моего «блуждания».

– Почему сразу заблудился в трех соснах? – возражаю я и чувствую, что иро-

ния моя никак не относится к запаху. Ядреный запах – это не смешно. Он изгоняет меня с чужой территории, на которую я заступил неумышленно.

Медведь вновь крутит головой, забавно, как в цирке, и тяжело дышит. Не сомневаюсь, что дыхание его гнилостно и смрадно.

– Ну что ж, коли ты не отбился от людей, коли ты знаешь, куда путь держишь – иди, я тебе не указ. Перечить не стану. Только позволь пожелать тебе, странник...

Птицы вновь залились самозабвенно – я поднял голову вверх и...

Очнулся от очередного звонка.

– ...желаю тебе удачи, которая, словно солнышко, выглянет и приятно удивит. Ты вдруг увидишь все в новом свете. Удачи. Все остальное у тебя есть, – мило закружила Лариса Борисовна свой краткий подготовленный экспромт. Она строит мне глазки и ненавязчиво попадает на глаза по сто раз на день.

Они что, сговорились? Теперь я еще и неудачник?

Я подошел к окну. Надо мной зияла беззащитная бледно-голубая рана с рваными пушисто-белыми краями. Солнце, ломанувшись в брешь, пригревало жарко, чуть заметный ветерок приятно охлаждал лицо.

Что же пожелал мне медведь?

Мой день рождения, кажется, был вчистую испорчен глухим бурчанием этого бурого увальня. «Только позволь пожелать тебе...» Я ведь застыл, буквально окоченел после этих слов, от которых словно исходил запах дикого зверя – запах смертельной опасности. Предчувствуя лесную дремучую правду, я раздул ноздри и задрал голову вверх, якобы, выражая недовольство птичьим гомоном, таким громким, что он походил на лай; ведь он помешал мне расслышать главное...

Потом я опустил голову и уставился на еловые иголки. Что потом?

Правильно: медведя уже не было. Он исчез. Причем исчез не вызывающе, не как заяц в котелке фокусника, а как-то незаметно и убедительно: именно так бесшумно должна была раствориться в метре от тебя полутонная махина. Чтобы затаяться. Он исчез, чтобы быть. В этом я ощутил лесную правду. Потом...

Потом я улыбнулся: весь этот спектакль во сне был затеян ради одной фразы, содержание которой я старательно прятал от самого себя.

Медведь – это что же, темная сторона меня самого?

Чушь какая-то несусветная.

Хорошо. Не станем отвлекаться. «Только позволь пожелать тебе...»

Позволь пожелать... позволь пожелать...

Всем существом я ждал телефонного звонка. Но меня плотным кольцом окружало назойливое безмолвие.

Тут я вспомнил о целом ряде совершенно неотложных дел. Как я вообще мог про них забыть! Мне позарез надо было:

забежать на работу,
одолжить денег другу,
пересечься с сыном,
позвонить отцу,
заскочить в магазин,
сделать уборку,
приготовить ужин.

Что еще?

А ведь что-то еще. Ради чего такая спешка?

Не дав себе времени на раздумья, я закурился в водовороте дел.

II

К вечеру потеплело, тучи рассеялись. День выдался всепогодным, передо мной времена года предстали во всей красе почти одновременно. Погода оказалась неустойчивой, как сама жизнь.

Я последовательно выполнил все намеченные дела. Сбой произошел только в двух случаях: 1) отец сам позвонил мне и не забыл поздравить с днем рождения (что я расценил как сюрприз, практически удачу) и 2) сын мой, Димка, не встретился со мной.

В остальном я мог быть вполне доволен собой. Особенно мне удался пункт второй: я дал в долг денег гораздо больше, чем ожидал от самого себя.

Теперь я возвращался домой из магазина: это был повторный поход (выяснилось, что в доме нет перца). Можно было, конечно, не ходить, обойтись без перца. Перец – это мелочь. Но мне показалось это важной мелочью. «В конце концов, все состоит из мелочей», – убеждал в чем-то я сам себя.

Возможно, мне просто не сиделось дома. Вот я и вспомнил о перце, который тут же превратился в самое неотложное в мире дело.

Возможно, поэтому я брел домой и время от времени юрко оглядывался, как человек, которого терзает какое-то сомнительное намерение. Который бежит от запаха медведя. И при этом не торопится.

Полная луна нависла неммым вопросом. Она вопрошала недвусмысленно и веско.

Только вот о чем?

Дома меня приятно удивил готовый к приему гостей стол. Я сервировал все так быстро, что только теперь оценил аккуратность и продуманность сервировки. Оказалось, что стол накрыт на три персоны. В центре стола – большой букет желтоватых роз. Почему на три?

Стоило мне внятно задать этот вопрос самому себе, как я начинал нервничать. Оказалось, что накрыть стол на три персоны гораздо проще, нежели объяснить себе, зачем ты это сделал.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Я, опять же, не раздумывая (что я отменно научился делать в последнее время, так это не давать себе времени на раздумья), двинулся к двери, дважды обойдя стол, чтобы удлинить время – чтобы гости не подумали, что я очень кого-то жду.

Открыв дверь, я обрадовался и огорчился до умопомрачения. Это был не сын; это была Маша (от ее имени веяло теплотой и уютом; стоило произнести «Маша!» – и сразу становилось теплее, я проверял).

Вот уверен: если бы это был сын, я бы точно так же обрадовался и огорчился до умопомрачения.

Она вручила мне букет по-осеннему бодрых хризантем, которые так нравились мне, и, оценив мою кисло-сладкую мину, пытавшуюся выглядеть свежей сдобой, спросила, оглядывая стол:

– Ты ожидаешь, что Дима забежит? Значит, он так и не позвонил тебе?

Все мы думаем, что нас не раскусить, тогда как на самом деле представляем

собой открытую книгу. Особенно во дни ужасных потрясений. Человек, который терпит в жизни катастрофу, уподобляется затрепанной открытой книге. Счастливого человека разгадать куда сложнее: ему легче прикинуться несчастным, чем несчастному – счастливым.

– Пожелай мне что-нибудь, – попросил я.

– Я желаю тебе любви, – сказала Маша уверенно.

В ее положении это было непросто: ее слова относились не ко мне, а к нам. По крайней мере, у меня были основания так думать. Но она справилась легко.

Эти слова принесли мне запах дикого зверя, который смешался с терпким ароматом хризантем. Вот она, лесная сила и тайна.

– И тогда весь свет заиграет новыми красками? – уточнил я.

– Тогда ты обретешь счастье и гармонию.

– Ключевое слово для этих райских врат – любовь?

– Без нее все слова становятся пустыми.

– Вина хочешь? – спросил я без всякого перехода. Наверное, для того, чтобы лишиться себя секунд на размышление. – Твое любимое: грузинское полусладкое.

– Хочу. Давай поговорим. Я целый день ждала этого часа! Чем ты занимался?

– Не знаю... Мне был сон...

Я неловко замялся, представляя, какие долгие разъяснения понадобятся, если она, как всякий нормальный человек, удивится и спросит про сон. А врать не хотелось, не хотелось говорить, что не было никакого сна.

Но она сказала, внимательно посмотрев на меня (при этом не поела меня расширенными темными зрачками, проявляя грубое любопытство, а поглаживала светло-серыми глазами, успокаивая):

– Сон – это серьезно. У меня тоже так бывает. А что мы будем есть?

– Салат. Холодный цыпленок. Шпроты. Еще есть фрукты и орехи. Чай с пирожными.

– Это не ужин; это пир горой. Понимаю, что я напросилась, но я нисколько об этом не жалею. Как говорится, и я там была... Кто подарил тебе такие розы?

Именно такие цветы обожала Маша. Бутоны свежие, не крупные, с чуть заметной зеленцой по краям лепестков. В них есть что-то от Машиной сути: беззащитные, но с бронебойными шипами.

– Это мой подарок тебе. В честь моего дня рождения.

– Спасибо. Ты очень внимателен. Тебе звонил Жан Петрович?

– ЖЭПэ? Звонил. Представляешь, пожелал мне душевной гармонии. Ну, не змей? Дескать, нет у тебя душевной гармонии, нет, и этого не скроешь.

– Почему сразу ЖЭПэ? Ты не прав. Он позвонил тебе, вот что главное; мог бы не позвонить – но ведь он же позвонил! И он не обижал тебя, а пожелал добра. Сделал тебе приятное. А то, что на мозольку тебе наступил... Так ведь ты сейчас весь в мозолях. И не ищи в моих словах подвоха. И не в чьих словах не ищи дрого дна.

Я недавно развелся. Сын отвернулся от меня. Отец надулся. Жена объявила меня выродком, исчадием ада и бессовестным лгуном.

Только сейчас, вечером в день моего рождения, я понял, наконец, почему я развелся. Я не люблю собирать грибы. Я не люблю врать. Я не ценю покой и волю. Мне скучно и неинтересно жить без любви.

И, наконец, понял самое главное: 1) любовь есть и 2) я давно уже люблю

Машу. Как я ошибся, как я счастлив, да, да. Я ценю покой и волю, если они не заменяют, а дополняют любовь.

Вот почему я развелся. Чтобы обрести гармонию.

– Дай-ка мне телефончик, пожалуйста, – попросил я Машу.

Она молча передала мне трубку.

Я молча набрал номер телефона.

– Господин Неприятных? Спешу сообщить тебе неприятное известие. Я не рничаю. Говорю же тебе, приятное известие.

Маша корчилась на диване от смеха.

– Я уже обрел душевную гармонию. Не далее, как сегодня вечером. Почему «так быстро»? Пятьдесят один год, по-твоему, это не срок? Да плюс еще предки мои прожили ради меня сотни тысяч лет. И вот результат: счастливый человек звонит другу. Ты, Жан, просто шаман. В смысле, шайтан. Как ты угадал, что гармония – самое уязвимое мое место? Я очень тебе благодарен, Неприятных.

– Не называй меня по фамилии, – сказал Жан (так и вижу, как он поджимает свои вишневые губы бонвивана, поигрывая бровями). – Мне становится не по себе. Ты же знаешь, это моя ахиллесова пята.

– Желая тебе сменить фамилию, – сказал я.

– Спасибо, – ответил Жан. – Не дождетесь. Моя фамилия – это единственное, что отпугивает от меня женщин. Кстати, за деньги еще раз спасибо. Кажется, ты спас мое реноме богатого холостяка. Моя душевная гармония и пошлый брак – несовместимы.

– Ты меня пугаешь. Ты отказываешься верить в любовь, Жан?

– Увы, – ответил Жан. – Я пожил на свете не меньше твоего. У меня тоже, если ты заметил, есть глаза, уши и голова. И я, в отличие от некоторых, делаю правильные выводы из того, что вижу и слышу.

– Тогда я желаю тебе любви. От души.

– Ты намекаешь на то, что у меня проблемы с любовью? Более подлого пожелания не получал в своей жизни.

Было похоже на то, что мы шутили. Пошутили и пожелали друг другу спокойной ночи и приятных сновидений.

– Особенно повару удались шпроты, – сказала Маша. У нее тоже с чувством юмора было все в порядке.

– Пустяки, – сказал я. – Главное, когда коптишь, не пересолить. А то весь улов придется скормить морским котикам.

Правда была в том, что ей больше всего на свете нравились шпроты.

И грибы. Я приготовил их собственноручно и намеревался предложить их завтра. Такой вот сюрприз.

– У Жана серьезно заболела мать, – сказал я. – Предстоит операция. Я одолжил ему денег.

Мы помолчали.

– Я пришла к тебе без подарка...

– Мне это понравилось больше всего: я так понял, что ты не собираешься мне навязываться.

– Тут ты угадал. Но это вовсе не означает, что я не собираюсь оставаться у тебя на ночь... Если мне предложат, конечно.

Мне снился летний лес. Живая тишина. Вдруг встревожено загалдели птицы,

и когда в шаге от меня бесшумно возникает медведь, я к этому готов. Я иду, почти не оглядываясь, бесстрашно подставляя спину, и он идет за мной. Идет и молчит. Оскал на его кувшинном рыле завершается ехидно-хищной линией – подобием ухмылки. Нос мокрый. Глаза черные. Для меня главное, чтобы он не догадался, что я иду к Маше. Дышит, дышит, потом что-то тихо гудит низким голосом, шипя и присвистывая...

– Ты сказал «это святое»?

Я резко обернулся: он уже исчез.

– Что святое? Семья? Маша? Миша? Что ты сказал? – кричу я соснам.

Шумит лес, заглушая дыхание зверя. Медведь знает, что я уверен: он где-то рядом.

Загаился.

Птицы продолжают галдеть: они явно на моей стороне.

Я открываю глаза. Утро в разгаре: вот почему так орут птицы.

Маша их не слышит. Она спит.

Интересно, что снится ей?

КОНСТАНТИН МИХЕЕВ

Константин Николаевич Михеев родился в 1972 году в Минске. Окончил русское отделение филологического факультета Белорусского государственного университета и аспирантуру на кафедре зарубежной литературы. Преподавал в Белгосуниверситете, работал в СМИ, рекламном и издательском бизнесе. Автор поэтических книг «Гиперборея» (1994) и «Стихи Мнемозине» (2002), переводов из французской, испанской, латиноамериканской поэзии, эссе и статей. Член Союза российских писателей. Живёт в Минске.

* * *

Словно птица бездумная, к пыльному югу летя,
сверху вниз на равнину пустую глядит виновато,
та печаль, что ты нежил и пестовал, словно дитя,
рыжей кровью гордыни, на привкус слегка горьковатой,

в пышной грозди рябиновой тоже глядит свысока
на тебя. Как ребенок, стыда и пощады не зная,
жизнь с восторгом следит, как сквозит серебро у виска,
как надежде заоблачной память перечит земная.
Прикипая к суглинкам, пригодным едва ль для могил,
на покой не надейся, покуда в пустынных, раздольных
и скупых на слезу небесах, тяжким шорохом крыл
чей-то смех приглушив, журавлиный скользит треугольник.

Так ли сер этот полдень и так ли уж бел этот свет,
если птицы несутся навстречу незримому ветру,
чтоб их крик повторить безуспешно пытался поэт,
чтоб ломался их строй и двоился – назло геометру?

Ибо нет у них дома, но жаждут вернуться домой,
ибо нет у них губ, чтоб лелеять любимое имя,
ибо знают они, что мы тоже летим по прямой,
клином клин вышибаем и бродим путями кривыми.

День, что прожит, зажат, как синица, в твоём кулаке,
непослушные пальцы набухли тоской, обессилев.
Первый снег крупяной. И пробел в календарной строке.
Бесполезность рассвета, лишённого криков и крыльев.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Когда снегирь заводит песнь военную
и ветер с юга пахнет гарью горькой,
когда адреналин взрывает вену
и ноздри наполняются карболкой,
когда лежит за пазухой у века
не камень – груда стали и бетона,
в прощальной толчее оркестр-калека
пьёт наши слезы медью монотонной.

Порой валторна вздорная капризно
помедлит, чтоб опять нагнать товарок...
Шинельно-серым вечером Отчизна
толпится на вокзалах и бульварах,
цветами, плачем, музыкой и пылью
напутствуя. И на губах влюбленных
рокочут марши перечнем фамилий,
утерянных в солдатских медальонах.

Свинцовой гроздью в черепных коробках
созрели грёзы: сонны, близоруки,
гуляют вальсы на маньчжурских сопках,
в мазурских топях кружатся мазурки,
стучат копыта по карпатским кряжам,
гул канонады кажется застольем,
цветёт земля, в которую мы ляжем...
Мы выстоим. Мы ничего не стоим.
Когда в углах разит паленым салом
и спирт дрожит безрадостно в гортани,
оркестр окатит праздничным металлом,
железным эхом вечных расставаний.
На всех границах строем ходят тучи,
на всех платформах воют паровозы
и подставляют взмыленные сучья
для виселиц облезлые березы.

У лихолетья свой аршин кондовый
и бойкий почерк с гербовой печатью.
В моей стране нет женщин – только вдовы,
а значит, непорочны все зачатья.
Деревья, плечи зябкие сутуля,
как часовые, плятятся в сугробы
и с бабьим воплем тупо ищут пули
своих детей, зачатых вне утробы.

И всходит злак, могилами питаем,
и очи мертвых полнятся покоем.
Самую жизнью мы судьбу пытаем,
но перед смертью ничего не стоим.
Мы выстоим. Уйдут полки и роты,
что загодя отпеты медью звонкой,
туда, где немота последней ноты
разверзлась дымной бомбовой воронкой.

* * *

Поезда уходили. От инея рельсы цвели,
и вращенье колёс ускорялось вращеньем Земли.

Шум путей станционных, ладоней берёзовых взмах –
и гремящий металлом, свистящий, стенающий мрак.

Ни мгновенья, ни века – повсюду лишь копоть и дым...
Тамбур трясся от смеха, задором гудел молодым,

перегаром ярился и быть норовил молодцом,
понарошку кичился заемным цветастым словом.

Ни конца, ни начала – повсюду разлом и разрыв.
И железо кричало, как женщина, хаос родив.

И рождённые мертвыми, средь озорной толкотни
забывались, терялись, метались шальные огни.

Улыбайся в лицо – я в ответ разрыдаться готов.
Наполняется рот именами чужих городов.

Мчится вслед наша жизнь – второпях, впопыхах, налегке,
и январские маки цветут на холодной щеке.

Я ловлю твои губы – рассмейся, расплачься, проснись!
Приютилось тепло на краях опущенных ресниц.

Поезд рубит глухие просторы клинком – по прямой,
и дрожит полотенце с изорванной блеклой каймой.

Сотрясается мир, голосит, дребезжит, верещит.
Грязно-желтый пакгауз... Дощатый замызганный щит...

А на нём написал хулиганский размашистый мел
всё, о чем я когда-то и думать взаправду не смел.

Позади остаются шлагбаумы, реки, мосты.
Я уже понимаю, что «я» – не равняется «ты».

И мерцают над нами – прекрасны, бездомны, ясны –
сумасшедшие звёзды потерянной нами страны.

АННА ВАСИЛЬЕВА

Анна Евгеньевна Васильева живет и работает в Минске. Публиковалась в журнале «Новая Немига литературная». Автор четырех поэтических сборников, член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России.

* * *

Привыкает мама жить одна...
Собеседники – лишь Тютчев да Толстой...
За стеной скрипит в ночи сосна.
Дом без папы – грустный и пустой.

На крыльце сидит погожим днём,
Солнце гладит кисти тихих рук.
Жизнь – воспоминания о нём –
Вот нехитрый старческий досуг.

Вечером звонки, как трели птиц,
Только споров нет до хрипоты...
И в чертах родных любимых лиц
Видит мама папины черты.

Есть незаменимые у всех...

* * *

Он не был бокалом вина
Игристого и дорогого,
Что залпом осушишь до дна.
Он терпкого вкуса, другого...
Глотками цедила я смесь
Бессонниц тягучих и страсти.
Он выпит до капельки весь...

Бокал разлетелся на части,
Но вкус на губах до сих пор
Напомнит тот крепкий напиток –
Настой примирений и ссор,
А солнце осеннее – слиток
Тех чувств золотых все бледней,
Всё меньше тепла, меньше света...
Бреду по аллее теней
Я в поисках сна и ответа.

* * *

Знаешь, а я изменилась! Не веришь?
Так приезжай, на меня посмотри...
Пару пролётов, застынешь у двери...
Я отворю, прошептав: «Раз, два, три...»
И улыбнусь, но улыбка другая,
Чуть отстраненная: «Ты? А зачем?
Стала красивее? Просто чужая!
Кофе?». «Ты пишешь?» и нет больше тем...
Форточка хлопнет, я вздрогну, невольно
Ты прикоснешься щекой к волосам,
Не отстранюсь, но мне будет не больно,
Если ты взглядом скользнёшь по часам.
В тесной прихожей я прятать не стану
Клетчатый шарф твой, смеясь, за спиной.
Лишь отступлю потихоньку к дивану,
И нас внезапно накроет волной.
Это цунами! И в лёгкие хлынет
Радость, твой желтый букет хризантем
Будет нам солнцем, оно не остынет...
Не изменилась я... Да и зачем?

* * *

Памяти папы

Бог сыпал снег, забвенья сея,
На чёрные квадраты дёрна,
На крыши ветхие, хмелея,
Летели вниз снежинки-зёрна.
Росли прозрачные побеги,
К земле тянулись с крыш покатых,
Но память, будто береги,
Хранит багровые закаты.
И однотонность зимней стужи
Стереть не может след разлуки...
Наш тёплый круг всё уже, уже...
И лишь во сне я слышу звуки
Любимых голосов сквозь вьюгу:
«Да ты не вейся, чёрный ворон!»
Позёмка мечется по лугу,
Бог сеет тучи грустных зёрен...

* * *

Всё меньше друзей – сплошь приятели.
Пытаюсь себе объяснить:
Не ссорились и не предатели...
Разорвана тонкая нить.
Извилистая и опасная
Дорога сквозь холод и грязь.
Казалось, что прочная, красная
В судьбе нашей ниточка-связь.
Не ждём друг от друга сочувствия,
И прячем усталость и боль,
Не слышим бывшего созвучия,
У каждого главная роль.
Свидетели, а не участники
Всё чаще мы в жизни друзей.
Сдана нами юность в запасники,
А после – и память о ней.

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

Елена Владимировна Крикливец живёт и работает в Витебске. Преподаёт в Витебском государственном университете, доцент. Автор нескольких книг, лауреат литературных премий. Член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России.

* * *

Сколько раз в темноте разбивалась о камни,
завершался полёт острой болью в крыле...
И бессильно за воздух цепляясь руками,
я пыталась суметь
устоять на земле.

Только боль утихала во мне понемногу,
и звала в высоту непонятная страсть...
И, конечно, внизу оставалась дорога,
на которую снова придётся упасть.

Я боюсь,
что однажды не выдержат крылья,
безнадёжно вдали замигает звезда,
и, упав,
захлебнусь я дорожною пылью...
Страшно мне...
а на небо смотрю иногда.

И когда замечаю летящую стаю,
тихо зависть в душе шевельнётся опять,
но в промерзшую землю все глубже врастаю,
потому что хочу
научиться стоять.

* * *

Над городом летели журавли,
а город спал, укутавшись в столетья,
и крылья распростертые цвели
над дремлющей Двиною на рассвете.

Звенели в небе птичьи голоса,
фонарь из-под руки глядел на стаю,
и только старый витебский вокзал
встречал гостей, как много лет встречает.

Над городом летели журавли...
И можно было жизнь писать сначала.
Но улицы морщинами легли,
и ратуша о прожитом молчала.

* * *

Запылённое небо развесило тряпки.
 Под ногами лежит то ли прах, то ли путь.
 Видно, что-то сломалось в привычном порядке:
 и других не сыскать, и себя не вернуть.

В час, когда имена позабыты и даты,
 и случайные тени шныряют в ночи,
 где же голос, к спасению звавший когда-то?
 Отчего ж ты, вития, так долго молчишь?

Он слова собирал, вспоминая молитвы –
 утекали они, как сквозь пальцы песок.
 И шептал невпопад тексты песен забытых,
 воспаленные веки раскрыв на восток.

А когда и молитвы, и мысли иссякли,
 по земле обожженной ушёл человек...
 И разбились о камни тяжёлые капли
 и надежда на будущий Ноев ковчег.

* * *

Душа не ночевала дома
 и воротилась, не спросясь:
 в твои двуспальные хоромы
 заря, как чудо, ворвалась.
 И запах трав, налитых соком,
 и небо с кляксами чернил
 там, в неразгаданных высотах,
 ты знал, наверно, и любил...

Не до конца поверив счастью,
 но одинаково легко
 ты слышал жилку на запястье
 и ветер, бьющийся в стекло,
 и предрассветный шорох листьев,
 как незаслуженный укор...

И левитановскую кистью
 к утру окрасился простор.

* * *

В этом доме не спали, боясь немоты,
 те, кого все равно не слышали...
 И один постигая закон высоты,
 сизый голубь взмывал над крышами.
 И свисти не свисти, и зови не зови –
 в синеве растворялся точкою...
 Бесприютное слово летело за ним,
 словно дым папиросы в форточку.
 Прозвенело. Застыло. Оттаявший март
 приподнял воротник, поежился.
 Собирая колоду рассыпанных карт,
 время строки свои итожило...
 За стеклом, как минувшего века штрихи,
 притаились тома и сборники.
 Но на кухнях все реже читают стихи
 и дворы метут просто дворники.

ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Валентина Петровна Поликанина родилась на Могилевщине. Окончила филфак Белгосуниверситета. Автор многих книг поэзии. Лауреат Специальной премии Президента республики Беларусь в области художественной литературы. Член Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Живет в Минске.

* * *

У берёзовых рощ есть свои просветлённые лики.
Им спешит поклониться седой и усталый рассвет.
На согретой земле наступила пора земляники.
Это значит, у счастья есть привкус и запах, и цвет.

Мы сегодня светлеем в такой же пророческой роще.
В каждой ягоде – сила земли и небес благодать.
Я их все соберу, чтоб тебе было легче и проще
Крохи счастья губами с ладоней моих собирать.

* * *

Завяжи мне глаза... Я иначе тебя не забуду.
Столько память хранит, сколько выпадет ей на роду.
Завяжи мне глаза, и тогда я беспомощной буду,
И в круженье людском заблужусь, и тебя не найду.

Завяжи мне глаза... Пусть закончится наша коррида:
От истерзанной раны до сжатого болью плеча.
Завяжи мне глаза, чтобы я потеряла из виду
Все, что в мире есть ты: и улыбку твою, и печаль.

Завяжи мне глаза... Пусть смеются надменные лица.
Пусть друзья не узнают: я лишняя в этой гурьбе.
Завяжи мне глаза, чтобы я, как подбитая птица,
Не смогла пролететь и мгновенье навстречу тебе.

* * *

Пуст мамин дом. В дверях затвор непрочен.
Но образ чистый светел, как всегда.
И смотрят мамы праведные очи
Сквозь жизнь и смерть на все твои года,
На почерк твой, что рвётся безутешно
В надгробных начертаньях сжечь вино,
На твой надрыв, на твой приезд поспешный,
На волосы твои, на седину...
Хлебнёшь печали, лишь беды не трогай.
Все души ходят к близким напрямик.

И ты, почуяв позднюю тревогу,
 Прозреешь – и увидишь в тот же миг,
 Что зло растёт из трещины убогой,
 Что грешный мир теряется во мгле,
 А мать идет над грязною дорогой –
 По воздуху идёт, не по земле.
 Идёт она, как светоч, как спасенье,
 Над горестным смешеньем черных вод,
 От Рождества идёт до Вознесенья –
 Плечами подпирая небосвод.

* * *

Фотоснимки: другая эпоха.
 Все иные, счастливые все...
 Мама светлая, я, еще кроха,
 И отец, не усталый совсем.

Я бегу в голубой распашонке,
 Догоняю податливый шар.

Летний луг, от беды отрешенный,
 Как святое прощенье, как дар.

Это детство... И в зрелую пору
 Вижу свет над его добротой,
 Там, где солнце за тёмную гору
 Закатилось, как шар золотой.

* * *

Как сладко от бед отрешиться суметь,
 Как славно идти босиком,
 На рыжей соломе, как в детстве, сидеть
 И хлеб запивать молоком,
 И знать, что душе твоей – зреть «до видна»,
 О всех урожаях радеть,
 Глазами упавшего в землю зерна
 В незримую вечность глядеть.

ЮРИЙ ФАТНЕВ

Юрий Сергеевич Фатнев родился в 1938 году на Алтае, но уже много десятилетий живёт в Беларуси. Автор около сорока поэтических и прозаических книг. Член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России.

АВТОГРАФ

Ждёт смерти друг. Моей. Она в цене.
 Не то что поэтические строфы.
 Умру – продаст принадлежащий мне
 За доллары гагаринский автограф.

Я помню снег. Да, снег слепил в горах.
Сторожка прояснялась из метели.
Брёл мой отец. Был тяжек каждый шаг.
Двенадцать километров по ущелью.

А на столе, рассеивая мрак,
Свеча горела ярче, чем лучина.
Ещё не знал, что пишет Пастернак,
Но эту сам слепил я из вошины.

Да, брёл отец. Всё тяжелей шаги,
А в мыслях: «Как обрадуется Юра!
Мальчишке, сочинявшему стихи,
Прислал письмо Гагарин с Байконура».

Как будто слава мировая вдруг
Меня в ущелье Каменном коснулась.
Тот огонек свечи давно потух,
Шёл снег, и звёзд не разглядела юность.

Я о своих успехах помолчу.
Уж нет сторожки в Каменном ущелье.
За жизнь свою я не слепил свечу,
Какая б вечность на столе горела.

Ждёт друг, когда наступит мой конец.
Не за него, а за себя мне стыдно.
Бредёт сквозь снег умерший мой отец,
А огонька свечи моей не видно.

Я не слеплю свечу свою теперь,
И никакая слава мне не светит.
Но «Почта космонавтов СССР» –
Я различаю штемпель на конверте.

КЛЮЕВ

Ни Блок, ни Есенин, ни Анна Ахматова –
Нёс Клюев Россию сквозь мусорный гам,
Как соты, какие для всех запечатаны,
Открыты его чародейным устам.

Никто ведь не ведал, что так он расколется,
Как с дуба сорвавшись, громоздкая борть –
И ах! Медуницей пропахла околица,
И в сладкий полон государства берет.

Вы чудо, конечно, опять прозеваете,
А он себя с лебедем старым сравнил,
Не раз осенявшим словесные заводи
Во тьме светозарными вспышками крыл.

Он Блоку кружил волхованьями голову,
В Ахматовой видел жасминовый куст.
Есенина вел он шляхами раскольными
И Пашку кормил, словно птенчика, с уст.

И слово повесил гремуче-цветистое,
Пускай колоколится шея-дуга.
Россию такими украсил монистами,
Чтоб помнила щедрость его, жениха.
Горел, как перстенок, никем не прирученный,
В котором мерцали мемфисские сны.
А канул в тайгу неоглядно-дремучую –
Попробуй найди его и оцени.

* * *

То ли пала мгла, то ли ночь светла.
Не грозит стрела. Гром не грукает.
Не рыдает бор, не аукает.
Мать сыра земля, мать сыра земля,
Мать сыра земля Русь баюкает.

Я навею сны. Ты глаза сомкни –
И услышишь в них всё не спетое.
И увидишь в них все столетия.
А забрезжит день – сны в душе храни,
Дальше снов шагни, Русь рассветная...»

Тишиной высот, тишиною вод,
Тишиной полей беспредельною
Мать земля поет колыбельную:
«Ты расти, народ, ты расти, народ,
Ты расти, народ, вечность целую.

То ль бежит роса, то ль жужжит коса
То ль рыбак плеснул длинным неводом,
То ли гуслей гул что поведает...
Русь в туманах вся спит, смежив глаза.
Никому еще Русь неведома.

ЛЮДМИЛА КЛОЧКО

Людмила Клочко родилась 21 июня 1990 года в городе Борисове. Окончила художественную школу, занималась в театральной студии, в 2012 году защитила диплом БГТУ, редактор-технолог. Публиковалась в журналах «Новая Немига литературная», «Нёман» и др. Живёт в Минске.

* * *

Между ливнями останусь я стоять:
Руки разведу, глаза закрою...
Я не зря люблю себя такую –
Никому такую не бывать...

А меня целует водопад!
 На меня срываются потоки!
 Дождь – до дна небес – такой глубокий...
 Я объята им... Весь мир – объят...

Мне уже не хочется дышать –
 До того обласкана водою...
 Я наедине с самой собою
 Замираю... Некуда бежать...

Не в слезах – а в струях проливных...
 Вот оно – моё шальное счастье:
 В сердце заглушить своё ненастье
 Шумом хлынувшим – как шёпотом родных...

Ни души кругом... Но не одна
 Я пляшу – со мною брызги пляшут...
 Небо опрокинулось, как чаша!
 Я её бы выпила – до дна...

* * *

Ты – огромный соблазн.
 Недоступный, чужой...
 Не сведу с тебя глаз:
 Почему ты не мой?

Ты – мой девичий страх.
 Ты красивый такой!
 Застревает в губах:
 Почему ты не мой?

Ты – мой праведный грех.
 Неужели – с другой?

И она – лучше всех?
 Почему ты не мой?

Ты – врождённый порок.
 Ты – полуночный вой,
 Что меня превозмог.
 Почему ты не мой?

Ты – короткое «нет»
 В разговоре с судьбой.
 Пусть лишь даст мне ответ:
 Почему ты не мой?

* * *

Две женщины живут во мне.
 Страдают – обе.
 Я из-за них горю в огне
 И бьюсь в ознобе.
 Одна чиста, и райский сад –
 Ее награда.
 Другую не пугает ад:
 Сама из ада.

Ведь каждая из них другой –
 И зверь, и клетка.
 Друг друга тянут за собой
 И держат крепко.
 Кто в небеса, а кто ко дну –
 Любая губит.
 И каждая – её одну! –
 Другую – любит.

* * *

Дурман и пелена цветущих вишен
Не принесли ни сладость, ни покой.
Твой голос мне давно уже не слышен,
А все равно – беседую с тобой...

Не думаю, но непрерывно брежу
И, кажется, сама себе смеюсь.
Я все, что между нами, рьяно режу,
А за последнюю за ниточку – боюсь...

Что сон, что явь – фантазия шальная:
Сама придумала – поверила сама...
Как нашими беседами больна я!
Как призрачными встречами пьяна!

Дурман и пелена цветущих вишен
Лишь будоражат! Цвет сожму в кулак...
Твое лицо давно уже не вижу,
А все равно – не посмотрюсь никак...

* * *

Саму себя, как бабочку – булавкой
Прикалываю... Вовсе не для тех,
Кто в собственной бездушной душевной давке
Идёт путем забвений и утех.

Довольна уязвимостью такую!
От сапога не спрячется цветок.
И от руки, плененной красотой...
Пустой порыв – губительно жесток...

Ранимость – добровольное распятые.
Зато могу сказать, что я – жива!
Я тело сброшу – легенькое платье...
Смотрите, как душа.

Забвению не подлежит

70 ЛЕТ
ОСВОБОЖДЕНИЯ
МОЛДАВИИ

24 августа 2014 года исполнилось 70 лет со дня освобождения Молдавии от фашистских оккупантов. Продолжаем публикацию фрагментов из книги Петра Шорникова «Молдавия во Второй мировой войне», посвящённых героической борьбе патриотического подполья. На русском языке публикуется впервые.

(Начало в №1 (11) 2014)

ПЁТР ШОРНИКОВ

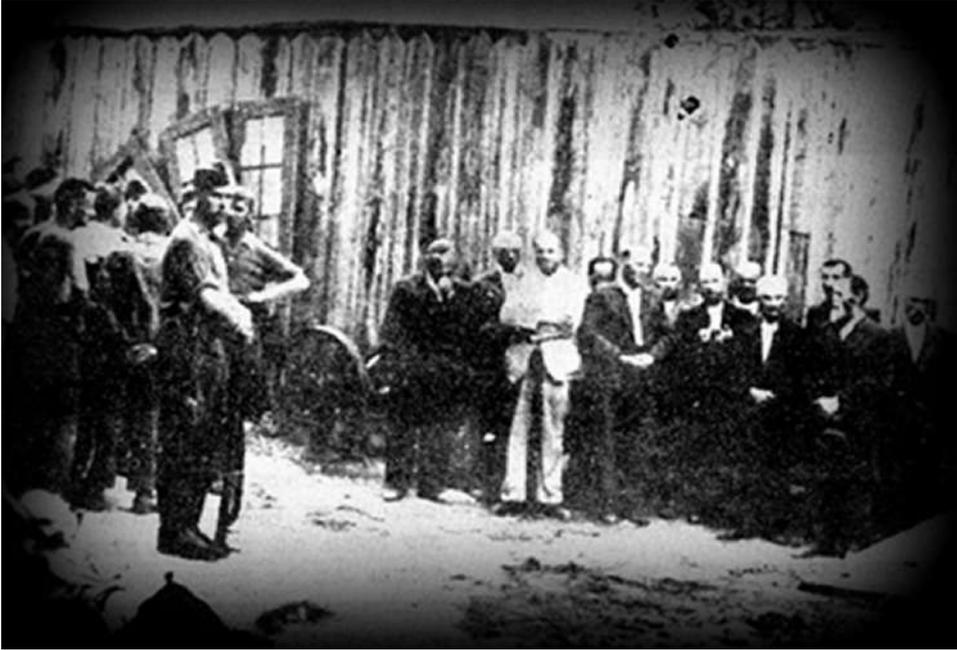
ПОДПОЛЬЕ В ДЕЙСТВИИ

Борьба в гетто

Используя опыт, наработанный в Польше, оккупанты создали в гетто Бельц, Кишинева и Рыбницы органы самоуправления – юденраты (еврейские советы). Однако в Молдавии эта мера давала сбой. 15 июля 1941 года юденрат Бельцкого гетто получил приказ офицера айнзацкоманды гауптштурмфюрера Праста «составить список из 20 евреев-коммунистов для казни». Хотя Праст предупредил, что в случае отказа «определенное число евреев, в том числе члены комитета, будут казнены», все 12 включенных в его состав еврейских интеллигентов – Иосиф Бройтман, Барух Бланк, Бернард Вальтер (председатель юденрата, до июня 1940 г. возглавлял Бельцкую торговую палату), Лейбиш Головатый, Шимон Гринберг, Саша Диагот, Абрам Грипис, Сухэр Ройтман, Янкель Тененбойм, Симер Цитерман, Айзик Шехтерман, Шмэрэл Шойхет, – отказались предавать своих. Понимая, что выбрали смерть, они сообщили Прасту свой «отказ совершить такую подлость». Весь состав юденрата был арестован. В лагере, созданном во дворе банка «Молдова», его членов подвергли издевательствам, которые фотографировал кто-то из ээсовцев, вероятно, сам Праст. В тот же вечер члены юденрата и десять других евреев были расстреляны. Благодаря своим связям в румынской администрации этой участи избежал только Бернард Вальтер. Майор Д. Агапие уговорил Праста смилостивиться и вытащил председателя юденрата из уже готовой могилы¹.

Чтобы поступок интеллигентов-евреев не послужил вдохновляющим примером для населения, шеф румынской полиции попытался засекретить этот акт морального сопротивления. В «Объявлении №2» он сообщил о расстреле 20 залож-

¹ Бондарь Л., Гортолум И., Майн Штэтл. Бэлц: от истоков к катастрофе. // Conferinta stiintifica internationala “65 de ani ai verdictului Tribunalului de la Nurnberg: invataminte pentru Europa contemporana”. Chisinau. 2012. P.94, 95.

Бельцы, 15 июля 1941 г. Члены юденрата перед расстрелом. В белом костюме – председатель юденрата Бернард Вальтер. Слева – карательная команда СС.

ников, но о том, что в их числе казнены члены юденрата, умолчал. В рапорте от 17 июля Д. Агапие, отметив, что инициатива принадлежит немцам и казнь исполнена ими, доложил: «По приказу немецкого военного командования немецким экзекуционным взводом в 23 часа были расстреляны 66 евреев, в том числе 20 заложников»².

<p>POLIȚIA ORĂȘULUI BALȚI</p> <p>PUBLICAȚIUNE</p> <p>Nr. 2 16 Iulie 1941.</p> <p>Constatându-se că populația evreiască nu a respectat dispozițiunile date prin publicațiunea noastră Nr. 1 din 12 Iulie 1941, deoarece în ziua de 15 Iulie 1941, un camion militar german a fost din nou atacat cu focuri de armă la marginea de nord a orașului, —</p> <p>Se aduce la cunoștința tuturor că, din ordinul Comandamentului Militar german, în ziua de 15 Iulie 1941, la orele 23, au fost executați un număr de 20 ostatici.</p> <p>În cazul când asemenea atacuri se vor repeta împotriva Armatei germane sau române, vor fi executați un număr dublu de ostatici.</p> <p>Șeful poliției orașului Bălți AGAPIE DUMITRU</p>	<p>ORTSPOLIZEI BELZY</p> <p>Bekanntmachung</p> <p>Nr. 2 16 Juli 1941</p> <p>Es wurde fest geschelt, dass die jüdische Bevölkerung, unsere Anordnung, mit der Bekanntmachung Nr. 1 vom 12 Juli 1941 nicht beachtete, weil sie am gestrigen Tage den 15 Juli 1941 von Neuem, ausserhalb der Stadt, einen deutschen Militär Kraftwagen beschossen hat.</p> <p>Es wird bekanntgemacht dass auf Anordnung der deutschen Militär Behörde, am 15 Juli 1941 um 23,00 Uhr 20 Gesein standrechtlich erschossen worden sind.</p> <p>Für den Fall dass sich derartige, oder ähnliche Angriffe gegen deutsches oder rumänisches Militär wiederholen, wird jeweils die doppelte Anzahl von Gesein standrechtlich erschossen werden.</p> <p>Die rumänische Polizeiverwaltung AGAPIE DUMITRU</p>
---	---

Tip. Eparb'ială - Bălți. Com. nr. 7-250

² Холокост на территории СССР. С.75,76.

«Сенсационный побег многих евреев из лагерей Кишинева».

Кишиневская газета «Basarabia» от 24 апреля 1942 года.

Заклученных Кишиневского гетто страшили слухи о предстоящем «переселении» в концлагеря «Заднепровья». Богатые евреи пытались дать взятки румынским и немецким чиновникам в надежде перебраться в Румынию. Чиновники принимали подношения, а затем, как правило, выдавали «клиентов» властям. Но бывали и случаи иного рода. Композитор-молдаван Евгений Кока, подделав свидетельство о крещении, добился освобождения из гетто своего зятя Эммануила Принцевского³.

Подполье Кишиневского гетто пыталось предотвратить депортацию за Днестр всех евреев Бессарабии. В сентябре 1941 года заместитель председателя юденрата адвокат А. Шапиро, – несомненно, с ведома Ш. Гутман-Ландау, – нелегально, в форме румынского офицера, выезжал в Бухарест на переговоры с руководством еврейской общины Румынии. Понимая, что кишиневские евреи обречены, А. Шапиро все же возвратился в гетто. Некоторые контакты подпольной группы Кишиневского гетто попали в поле зрения военной контрразведки. Начальник генерального штаба румынской армии генерал И. Штефля отметил в докладной записке Президиуму Совета министров Румынии: «В Кишиневе, на улице короля Фердинанда, 39, проживает еврейка, замужем за христианином, ее дом является связующим звеном между гетто и остальным миром»⁴.

Это был не единственный канал связи. 11 октября 1941 года Вильгельм Фильдерман, бывший председатель Союза еврейских общин Румынии, к этому времени распущенного, направил на имя И. Антонеску письмо, в котором протестовал против депортации из Кишинева 1500 евреев, проведенной 8 октября, и попросил у диктатора аудиенции. В тот же день аналогичное заявление направил «правителю» главный раввин Еврейской общины Бухареста д-р А. Шафран и был при-

³ НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 6923. ЛЛ.55-57.

⁴ Холокост на территории СССР. С. 204. (Ныне – улица Киевская).

нят. «Он, – вспоминал главный раввин, – только сурово глядел на меня – то пылающим, то ледяным взором и заявил мне, что евреи заслужили свою судьбу. Его лицо то багровело, то бледнело, и он был похож на дикого зверя, готового растерзать меня в клочья». Не дала результатов и беседа А. Шафрана с Марией Антонеску, женой маршала. 19 октября В. Фильдерман все же обратился к Антонеску с юридически обоснованной апелляцией. Ссылаясь на подписанный самим «правителем» декрет-закон №793 от 3 сентября 1941 г. о регламентации гражданства жителей Бессарабии и Буковины, он призвал распространить положения закона и на евреев этих областей. Он напомнил «правителю» также об одобренном вице-премьером Михаем Антонеску решении о том, чтобы интеллигенты, ремесленники, коммерсанты, предприниматели и собственники-евреи, необходимые национальной экономике, не были депортированы⁵.

Ответ «правителя» В. Фильдерману был опубликован в бухарестских газетах 26 октября. В качестве «обоснования» депортации целого национального сообщества И. Антонеску повторил пропагандистские ссылки на «антирумьнское» поведение евреев Бессарабии и Буковины в июне 1941 года. «Вы можете объяснить, – демагогически вопрошал организатор геноцида, – почему во время нашего наступления к нам в плен попадали 14-15-летние еврейские дети с карманами, полными гранат? Это проявление ненависти, доведенной до сумасшествия, которую ваши евреи питают к нашему народу, доброму и гостеприимному, но сегодня борющемуся за свои права. Ваши евреи, став советскими комиссарами, при помощи невообразимого террора толкают советские войска на защиту Одессы, на бессмысленную бойню, лишь бы нанести нам максимальные потери... Спрашивается, откуда столько ненависти со стороны каких-то русских евреев, с которыми нам нечего делить? Но это всеобщая ненависть, это Ваша ненависть»⁶. Попытка объяснить стойкость Красной Армии, защищающей Родину, еврейским влиянием была смехотворна. Но подразумеваемые диктатором ответы на его абсурдные вопросы не оставляли евреям оккупированных областей шансов на жизнь. Следствием демаршей В. Фильдермана явилась депортация в «Заднепровье» его самого. Но подпольные каналы связи сохранились. Украинки Екатерина Бойченко и Мария Ильченко наладили нелегальную переброску евреев из Кишиневского гетто в Румынию⁷.

В отличие от Кишиневского гетто, еврейское «самоуправление» Рыбницкого гетто выжившие узники характеризовали отрицательно⁸. Внося раскол в среде заключенных, оно разделило евреев на местных и бессарабских. Последние, прибывавшие по этапу, были готовы отдать все за глоток воды, за кусочек хлеба для детей. Им объявляли: те, кто заплатит за свою семью (деньги, ценности), будут переведены в гетто, что давало шанс выжить. Часть получаемых таким образом средств шла на подкуп румынских функционеров. В самое тяжелое положение были поставлены евреи-военнопленные, бывшие бойцы Красной Армии: спасти их юденрат Рыбницкого гетто и не пытался. Но в гетто сложилась подпольная группа во главе с заключенным по фамилии Штейнберг. Комсомолец Н.Л. Дувидзон возглавил в гетто подпольную комсомольскую ячейку. Вес-

⁵ Documente / Comisia internationala pentru Studiarea Holocaustului în Romania. P.533.

⁶ Назария С. Холокост. С.163,164.

⁷ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4229. Л.24.

⁸ Холокост на территории СССР. С.882.

ной 1942 года Штейнберг и бывшие участники гражданской войны А. Л. Слепой, М. В. Аккерман, Б. Петлер установили связь с подпольщиками Рыбницы. У жителей города А. С. Марченко, И. А. Стаха, Н. Адрианова, П. Орловского Николай Дувидзон получал листовки и сообщения Совинформбюро.

Подпольщикам гетто удалось установить связь также с подпольной группой станции Слободка, откуда по каналам подполья поступали советские газеты и листовки. Подпольщики распространяли их среди узников гетто. Сведения о положении на советских фронтах тайно сообщала также заключенная Файнзильбер. Она переводила статьи румынских газет на русский язык, попутно делая аналитические выводы. Главной задачей подполья, полагал Штейнберг, была организация саботажа. По его указанию в гетто создали группу грузчиков, работавшую на железнодорожной станции Рыбница на погрузке пшеницы и соли, отправляемых в Румынию и Германию. Во время погрузки они разбивали полы вагонов, загружали вместе с пшеницей камни, препятствовали вывозу продовольствия в Румынию и на нужды румынских войск⁹.

Подполье в Молдавии после коренного поворота в войне

Разгром немецких и румынских войск под Сталинградом и контрнаступление Красной Армии подняли дух населения. Все более явную мобилизующую роль начало играть и вещание Московского радио. «Создается впечатление, – отмечено в сообщении Кишиневского областного инспектората полиции от 31 мая 1943 года, – что в последнее время коммунистические элементы усилили свою деятельность. В связи с отсутствием центрального руководства в Бессарабии ими руководит и призывает к действиям Москва через советские радиостанции и различные письменные обращения, сбрасываемые с самолетов...»¹⁰. Замена подпольному Центру на территории республики была найдена.

1943 год отмечен победой под Сталинградом и активизацией патриотической борьбы. В течение года в Молдавии возникло более 30 подпольных организаций и групп. Политическую и боевую работу вели Рыбницкий и Каменский подпольные комитеты, Тираспольская подпольная организация П.Е. Кустова, Григориопольская организация В.Ф. Поляницына, Дондюшанская организация «ОБУС», молодежная группа села Ближний Хутор близ Тирасполя (руководитель – Г.М. Любенко), комсомольская организация села Парканы (руководитель – В.К. Пельтек), Дубоссарская организация «За Родину». Группа Василия Журжиу в селе Сынжерея и некоторые другие собирали оружие и готовились перейти к партизанским действиям. Другие патриотические группы занимались агитацией и пропагандой: информировали население о положении на фронте, призывали к саботажу распоряжений румынских властей. И, наконец, десятки патриотических групп помогали советским военнопленным: передавали им продукты и одежду, устраивали побег, укрывали беглецов. Эту работу, спасающую жизнь тысячам советских солдат и командиров, ее участники считали просто великодушием и благотворительностью, и после изгнания оккупантов она не была зафиксирована как подпольная деятель-

⁹ Лагутин А. Подполье в Рыбницком гетто.// Еврейское местечко, 2005. №17(86), май.

¹⁰ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. С.310.

ность.

В начале 1943 года в уездном центре Дубоссары, городке с населением менее 6 тысяч жителей (вместе с пригородом Лунга), действовали три группы советских патриотов. Одной из основных своих задач считали взрыв автомобильного моста через Днестр участники группы «За Родину», руководимой Ильей Дешевым. До попыток осуществить эту диверсию они провели ряд других операций. В начале 1943 года участники этой группы И.В. Сокольников и И.В. Макаренко спилили на трассах Дубоссары-Котовск и Дубоссары-Рыбница 7 телеграфных столбов, оборвали и разбросали в поле провода. Другой подпольщик Дмитрий Надводский убил близ села Калиновка двух румынских офицеров, забрал их оружие и форму. Затем патриоты застрелили четверых солдат противника, также захватив их оружие¹¹. Однако следующая операция по добыче оружия в казарме румынского строительного батальона, проводившаяся в зимнюю ночь в начале 1943 года, не удалась. Когда Д.И. Надводский, И.В. Сокольников и И.М. Жулавский, разрезав колючую проволоку, проникли на территорию казарм, их обнаружили румынские солдаты. Завязалась перестрелка. Гарнизон Дубоссар был поднят по тревоге, оккупанты провели массовые облавы и обыски. Группа на время прекратила боевую деятельность и занялась поисками связей с другими патриотическими организациями. Такую связь удалось установить в Дубоссарах. В марте 1943-го группа «За Родину» влилась в состав более многочисленной Дубоссарской подпольной организации, руководимой офицером Красной Армии директором маслосырзавода М.И. Куликовым¹².

Организация М.И. Куликова, готовясь перейти к партизанской борьбе, добывала оружие. В Осиповском лесу Фрунзенского района Одесской области и в Лунговском лесу близ Дубоссар подпольщики заложили тайники с оружием и обмундированием. Партизан Осиповского леса Куликов, как отмечено, снабжал продуктами питания. В Дубоссарах и селах района Куликов вербовал будущих партизан. «Мне объяснили, – вспоминал после войны И.Н. Дешевый, – что в нужный момент мы должны пойти в Осиповский лес Фрунзенского района, вооружиться там и начать партизанскую борьбу. В лесу у них там была база, хранилось оружие...». Однако в организацию проник провокатор и в мае, накануне ухода подпольщиков в лес, руководители и активные участники организации были схвачены жандармами¹³. Предатель знал не всех подпольщиков, не смог он назвать и места партизанских баз. Стремясь получить эти сведения, жандармы пытались подследственных электрическим током, били их шомполами по пяткам, но нужных показаний выбить не смогли.

После ареста И.Н. Дешевого группу «За Родину» возглавил Дмитрий Надводский. Чтобы предоставить арестованным алиби, 30 августа 1943-го патриоты обстреляли румынских часовых, охранявших Криулянский мост через Днестр¹⁴. Через месяц диверсионная группа в составе Д.И. Надводского, И.В. Макаренко и еще одного подпольщика совершила новое нападение на охрану моста. Оно было предпринято в светлое время суток, но с расчетом, что в сумерках, которые на-

¹¹ Коммунистическое подполье Молдавии. С.85.

¹² Там же. С.72-74, 86.

¹³ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1013. ЛЛ. 54-58.

¹⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.326.

ступят через полчаса, оккупанты не смогут организовать преследование. «Вечером 28 сентября с.г. в 20 час. 30 минут, – читаем в полицейском донесении, – часовые, стоявшие у опор моста со стороны Транснистрии, заметили 3 человек, которые подошли на расстояние около 5 метров от моста. Когда их окликнули, они дважды выстрелили в солдата, затем исчезли»¹⁵.

Брат руководителя группы Иван Надводский полагал, что Дмитрий собирался подорвать мост, но «взорвать не успели, так как их обнаружила охрана. Открылась стрельба – брату и остальным подпольщикам пришлось скрыться»¹⁶. Но для подрыва моста требуется взрывчатка, а часовые никакого груза у нападающих не заметили. Вероятно, обе операции были предприняты с целью доказать оккупантам «невиновность» М.И. Куликова, И.Н. Дешевого и других дубоссарских подпольщиков, судимых в те дни румынским трибуналом. Расчет оправдался. В отсутствие улик были освобождены И.В. Сокольников и И.В. Макаренко. Михаил Куликов и другие подсудимые, несмотря на пытки, ни в чем не признавшиеся, были приговорены не к расстрелу, а к пожизненной каторге. За взятку, переданную через жену подпольщика, удалось добиться освобождения Дешевого, который вследствие пыток был на грани смерти. Товарищи раздобыли лекарства, организовали лечение, и он выжил. «Я начал ходить, – вспоминал И.Н. Дешевый, – занялся сперва сапожным делом, стал снова включаться в подпольную работу...»¹⁷.

Не менее опасной, чем организационно-политическая работа и диверсии, оказалась пропагандистская деятельность. Пять скрывающихся в Дубоссарах окруженцев – командиров Красной Армии во главе с младшим лейтенантом Н.Д. Голубом разыскали друг друга, с начала 1943 года слушали передачи советского радио и распространяли среди населения сведения о положении на фронте. Осенью после ареста Куликова, Дешевого и других патриотов, один из военных не выдержал нервного напряжения и донес на товарищей. Участники группы были схвачены и заключены в Тираспольскую тюрьму¹⁸.

Восстание на восточном берегу Днестра готовила подпольная организация, созданная в Тирасполе Прокофием Ефимовичем Кустовым. Кадры для руководства вооруженным выступлением имелись. Сам Кустов еще в годы гражданской войны командовал полком Красной Армии, его заместитель К.И. Вознюк участвовал в войне с Финляндией, затем сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Он попал в плен к немцам, но сумел бежать, пробрался в родной город. Участник организации капитан Н.И. Шаров был заместителем командира артиллерийского полка, а в Тирасполе и окрестных селах скрывались сотни окруженцев и беглых пленных, имеющих фронтовой опыт и готовых сражаться. Требовалось их разыскать, завоевать доверие. Кустов пришел к бывшему заведующему базой «Заготскот» Е.И. Выхристенко, представился полковником Красной Армии, сообщил, что старший из его сыновей, Павел Выхристенко, капитан дальнего плавания, погиб, а двое младших, коммунисты, воюют на фронте. Кустов попросил Выхристенко, тогда работавшего ездовым, о содействии в привлечении

¹⁵ Там же. С.335.

¹⁶ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1013. Л. 21, 129.

¹⁷ Там же. Л.76.

¹⁸ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.337, 338.

¹⁹ Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. 75. С.45,46.

патриотически настроенных людей к подпольной работе¹⁹.

В подполье Кустов, используя имя «подольского Пугачева» – гайдука XIX века Устима Кармелюка, называл себя «полковник Кармелюк». Группа приступила к формированию в Тираспольском уезде сети подполья. Были подобраны 15 доверенных лиц в селах Терновка, Славяно-Сербка, Владимировка, Парканы, Платовка, Трофимовка, Павловка, Плоское, связались с подпольной организацией Григориополя. В организацию Кустова вошли администраторы предприятий Тирасполя: заведующий маслобойкой Филипп Турчанинов, заведующий мельницей Кисленко, заведующий хлебозаводом Сергей Волков. При их содействии подпольщики снабжали продуктами питания и табаком партизан (связным был житель села Платовка Никифор Никитин), а также военнопленных Суклейского лагеря и заключенных Центральной тюрьмы на Бородинской площади; заключенным передавали одежду и деньги. Пленных и заключенных лагерей и тюрем Тирасполя подпольщики информировали о положении на фронте. Иногда пленным удавалось выкупить, было организовано несколько успешных побегов из Суклейского лагеря. Беглых пленных, других лиц, преследуемых оккупантами, организация снабжала продуктами, одеждой. Некоторых беглецов подпольщики укрывали в каменоломнях у села Бычок.²⁰ Участник организации Сергей Павлин из села Владимировка обеспечивал подпольщиков и беглецов подложными справками и документами²¹. Были у организации связи и с жителями села Черномин Винницкой области²². Подпольщики устанавливали связь с советскими парашютистами, которых сюда забрасывали, собирали оружие, информировали население о положении на фронте²³.

Создавая базу для партизанского отряда, подпольщики переправляли в каменоломни у села Бычок оружие. Житель села Славяно-Сербка В.Ф. Гаркавенко раздобыл несколько карабинов с патронами и передал их К.И. Вознюку. Тираспольские подпольщики Е.И. Выхристенко и Г.Ф. Зинченко выезжали в село Трофимовка Одесской области. Участник событий вспоминает, что вместе с местными подпольщиками они «ездили в Туманский лес, где советские парашютисты прятали оружие, и оттуда, из леса, на подводе с двойным дном перевозили его» в каменоломни у села Бычок²⁴.

В декабре 1943-го боевая группа в составе Н.И. Шарова, К.И. Вознюка, Е.И. Выхристенко, Г.Ф. Зинченко и С.И. Павлина подорвала на северо-восточной окраине Тирасполя несколько вагонов; в одном из них оказались боеприпасы. Подпольщики предприняли также попытку взорвать мост через Днестр²⁵. На трубе котельной завода им. Павла Ткаченко подпольщики выключили сигнальный свет, в результате чего четырехмоторный немецкий транспортный самолет, тянувший на посадку транспортный планер, врезался в трубу и разбился. На железнодорожной станции Тирасполь григориопольский подпольщик Федор Ульянов и неизвестный партизан-тираспольчанин сожгли склад с продовольствием²⁶.

П.Е. Кустов готовил диверсию стратегического значения. Полагая, что И. Ан-

²⁰ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1027. Л.11.

²¹ Там же. С. 41, 46, 47.

²² Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.71-73.

²³ Там же. С.543,544.

²⁴ Там же. ЛЛ.14,121.

²⁵ Коммунистическое подполье Молдавии. С.78.

²⁶ Ломанченко Г., Феч Ю. Указ. соч., С.47, 68.

тонеску приедет в Тирасполь и посетит ферму, названную его именем, руководитель организации устроился на ферму работать сторожем и заложил авиабомбу. Уничтожение диктатора и взрыв моста через Днестр, надеялись подпольщики, должны послужить сигналом к восстанию²⁷. Организация располагала широкими связями и, как признала впоследствии сигуранца, «могла принести реальную пользу Советам, если бы ее деятельность не была вовремя парализована»²⁸. «Кондукэторул» действительно приехал в Тирасполь и посетил ферму своего имени. Покушение не состоялось только потому, что перед его приездом охрана изгнала с территории фермы всех работников, и Кустов не смог включить ток и подорвать бомбу.

Летом 1943 года после побед Красной Армии на Курской дуге активизировалась работа руководимой В.Ф. Поляницыным подпольной организации «стариков» в Григориополе. Как и тираспольчане, григориопольские подпольщики намеревались в момент отступления оккупантов поднять восстание. Планировался подрыв помещения сигуранцы, понтонного моста через Днестр, освобождение военнопленных, разгром румынского гарнизона. Патриотам удалось раздобыть несколько пулеметов, винтовки, пистолеты, гранаты, патроны²⁹. В Житомирскую область, где действовали партизаны Первого Молдавского партизанского соединения, была направлена дочь руководителя подполья Вера Поляницына. Там она разыскала один из отрядов этой дивизии. Получив инструктаж комиссара отряда В.В. Сваричевского, Вера возвратилась в Григориополь³⁰.

В дальнейшем она была связной между отцом и участником Тираспольского подполья С.М. Волковым³¹.

По инициативе комсомольцев И.И. Афанасьева и Г.К. Ланского в марте 1943 года в Григориополе начала формироваться молодежная подпольная группа. Возглавить ее молодые люди попросили человека, знающего военное дело – бежавшего из плена лейтенанта пограничных войск Н.Г. Рычкова. Рычков предложил в целях конспирации свести участников подполья в группы по 8-10 человек. Всего было сформировано семь групп, руководимых И.Афанасьевым, Г.Ланским, В.Соколовым, Б. Арсененко, И. Соколовым, Д. Косыревым, Д. Ситриком. Молодежное объединение назвали «Организация сопротивления фашизму»³².

Стремясь сорвать вывоз урожая, в сентябре 1943 года григориопольские подпольщики дважды развинчивали рельсы на узкоколейной железной дороге Григориополь-Тирасполь³³. 1 ноября подпольщики В. Поляницын и Ф. Ульянов подожгли в Григориополе здание райисполкома, где находился немецкий госпиталь. Ульянов поджег и склад на железнодорожной станции Тирасполь. В январе 1944 года подпольщики, нарушив правила конспирации, созвали общее собрание и оформили состав партизанского отряда; командиром был утвержден В.Ф. Поляницын³⁴. Имея в своем распоряжении автомашину, В.Ф. Поляницын перевозил

²⁷ История Приднестровской Молдавской Республики. Т.2. Ч.1. С.225, 226.

²⁸ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1027. Л.121.

²⁹ Там же. ЛЛ. 4, 5.

³⁰ Коммунистическое подполье Молдавии. С.55.

³¹ Ломанченко Г., Феч Ю. Указ. соч., С.50.

³² Архив СИБ. Д.7003. Л.17.

³³ Коммунистическое подполье Молдавии. С.55.

³⁴ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д. 151. Л.34.

пленных, бежавших из Суклейского лагеря. В сопровождении Веры Поляницыной их направляли в Григориополь участники организации П.Е. Кустова. Григориопольские подпольщики снабжали беглецов одеждой и продуктами и «способствовали их продвижению по назначению»³⁵, в направлении фронта или на север Украины, в партизанские районы.

Видимо, кто-то из лиц, которым подпольщики оказали помощь, попал в руки оккупантов и не выдержал пыток. Под видом беглых пленных в подполье Тирасполя и Григориополя проникли провокаторы. 18 января 1944-го года были арестованы В. Поляницын и Г. Столбин, а 21 января – остальные подпольщики Григориополя. Их жестоко избивали, восемь суток не давали пить и есть; 1 марта арестованных отправили в Дубоссары. Там двоих из них В.Поляницына и Т. Остапенко, связанного с подпольем Тирасполя, жандармы пытали электрическим током. Федор Ульянов, которого били по пяткам дубинкой, стал инвалидом: на его ногах были разорваны сухожилия, он не мог ходить. 8 марта григориопольских подпольщиков перевезли в Тирасполь и заключили в Центральную тюрьму³⁶. В феврале-марте 1944 года была раскрыта и организация П.Е. Кустова. К Зинаиде Чабан и ее отцу пришел человек, назвавший себя советским парашютистом. Разговор продолжался больше часа. Вскоре всех участников подпольной группы схватили жандармы.

Арестованных участников организации П.Е. Кустова, 18 человек, заключили не в Центральную тюрьму на Бородинской площади, а в тюрьму военно-полевого суда. Допросы вел следователь Мадан, владеющий русским языком. Подследственных, свидетельствует Борис Зинченко, сын и внук двоих мучеников, «держали по несколько часов в ледяной воде, под ногти всаживали иглы, через вены, язык пропускали ток, дверьми ломали суставы, помещали в бочку, утыканную гвоздями... Кроме того, многие пытки производили на глазах у деда, а потом наоборот – пытали деда на глазах у отца, таким образом хотели выведать интересующие их сведения. По словам отца, люди терпели нечеловеческие муки, но держались стойко». Благодаря мужеству этих людей избежали ареста участники организации Н.И. Шаров, С.Я.Воронов, В.А. Плисецкий, Н. Солигор, Н.В. Никитин, П.Е. Бондарь, Р.М. Томашевская, И.М. Замкова³⁷.

Заключенные тюрьмы военно-полевого суда совершили несколько побегов. Среди тех, кому удалось скрыться, были С.И. Павлин и Виктор Чабан, брат Зинаиды Чабан.³⁸

За несколько дней до освобождения Тирасполя 16 из 18 арестованных членов патриотической организации П.Е. Кустова были расстреляны в саду учебного хозяйства³⁹. В ночь на 1 апреля 1944 года были расстреляны и находившиеся в тюрьме григориопольские подпольщики.

(Окончание следует)

³⁵ Ломанченко Г., Феч Ю. Указ. соч., С.51.

³⁶ Там же. С. 25, 51, 67.

³⁷ Там же. С.41.

³⁸ Там же. С.36.

³⁹ Коммунистическое подполье Молдавии. С.79, 80.

ГОСТИ НОМЕРА

Casa mare**ВЛАДИМИР БЕСХЛЕБНЫЙ****«ОДУВАНЧИК, МОКРЫЙ, КАК СОБАКА...»**

* * *

Одуванчик, мокрый, как собака, –
 Этот ливень до души достал.
 Бесконечный водяной обвал –
 Следствие космического брака.

Стрекоза укрылась под листом,
 Зверь забился в логово глухое,
 Человек ушёл в свои покои,
 А дворняге сухо под крыльцом.

Лишь цветок, бессилием томим,
 Вдрагивал среди воды и мрака,
 Так нужна сейчас ему отвага –
 Я стою, как родственник, над ним.

* * *

В сырой молочной белизне
 Не разглядеть ни зги в овраге.
 О, нестареющий роман
 Земли и влаги, – туман, туман...

Вот проступил цветным пятном
 Автобус жёлтый,
 И вновь густеющей волной
 Поплыл, поплыл кисель протёртый...

Как айсберг или сухогруз
 С высоким бортом,
 Так незнакома,
 У самых глаз вдруг поползла
 Громада дома.

Но дом размазан, как желток,
 В пространстве мгlistом
 С ним улетающий чулок
 Трубы фабричной.

Вот в уши слабо входит стук
 Далёкий дятла,
 И распадаются, как ртуть,
 Тумана пятна.

А солнце режет на куски
 Бальзам тумана,
 И выступает мир под ним,
 Как разбинтованная рана...

* * *

Я вымер. По себе иду –
Сплошная мёртвая пустыня –
Не узнаю, не нахожу.

...А память вытоптал я сам.
Едва заметные приметы
Мне говорят, что это здесь –
Упасть на сломанные стебли,
Упасть и вспомнить! Не затем
Была проявлена жестокость.

...И вот я вымер. Горизонт
Замкнулся ровным плоским кругом
Без силуэтов и примет,
В какую сторону пойти –
Всё не знакомо, всё безлико...

Здесь ничего о прошлом нет,
Весь мир – как брошенный предмет,
И тишина больше крика.

* * *

Моя женщина обо мне не поёт,
Моя женщина обо мне не говорит –
Моя женщина со мной живёт,
И очень счастлива,
или просто для меня делает вид.

Ночью выпадет долгий снег,
Как в начале зимы,
Будем идти сквозь снег
В наш дом,
где отделиться свет от тьмы...

* * *

Какой вчера был снегопад!
Укрыл он белыми чехлами,
Как стулья в опустелом храме,
Деревьев неподвижный ряд.

Ещё ветра изроют гладь,
Тропа из края в край прорежет,
Но так сей миг белы и свежи,
Что боязно на них ступать.

Он разровнял в полях все складки –
Морщины осени глухой
И обрели поля покой,
Как скатерти белы и гладки.

Застыли небо и земля...
И всё мне кажется, что кто-то,
Луною осветив поля,
Любуется своей работой.

* * *

Где-то над нами сдвигается Марс –
Странное имя для мёртвой планеты.
Красным песком там равнины одеты,
Кем-то воспеты, наверно, не раз.

Кто в нём вдавил отпечатки босые?
Кто проходил под уменьшенным Солнцем?
Нас не дождавшимся тайным питомцем,
Долго ему оставаться для нас?

Знал ли он эту тоску расцепленья
 наших времён на пути бесконечном,
 И угадал ли в свечении млечном
 наше из вечности приближенье?

Колких вершин запорошенных елей
 тихо касаясь, качаются звёзды.
 Кто возмутит наши бледные тени,
 в странном скафандре идя по планете?

* * *

Тихое, тихое утро.
 Нежный малиновок свист,
 И обмануться нетрудно,
 Будто душою ты чист.

Будто она светлой птицей,
 Чайкой, к примеру, летит,
 Белым крылом серебрится,
 Красной золою горит.

Тонкою ниткою взгляда
 К ней я непрочно пришит.

Тайная капелька яда,
 словно росинка, дрожит.

Яд ли, роса ли. Испей.
 Где же теперь ты, душа?
 Камнем с прекрасных небес,
 Крылья о ветки круша,

Пала... Но светится утро,
 прежний малиновок свист.
 Так обмануться мне нужно,
 Будто душою я чист.

* * *

Наташе

Твой голос нырнул в мирозданье,
 Исчез во вселенной чужой,
 С другими смешал очертанья
 И... – вынырнул рядом со мной.
 О, как я люблю телефоны!
 Я им, как язычник богам,
 Немедленно жертву воздам,
 Пусть даже и в денежной форме...
 Как он прорывался ко мне,
 Как он распадался на части,
 Скейтбордом скользил на волне –
 Какое непрочное счастье:
 Лететь в непонятной стране,
 В дрожанье полей превращаться,
 С собою совсем распрощаться
 И вдруг зазвучать в тишине
 Кем был, до того как умчаться –

Очнуться, примчаться, ворваться –
Вновь звуком вернуться ко мне...
Лишь в трубке чуть-чуть задержаться,
И узнанным быть наравне
С вещами привычными – как-то:
Настольная лампа и кактус,
Часы, авторучка и карта,
Закрывшая четверть стены,
Здесь всем эти звуки нужны...

* * *

Будет ландыш –
И будут объятья.
Всё весна повторит.
Всё вернётся.

Но едва ли допущен узнать я –
Из чего вещество создаётся
Этой боли,
как радости лёгкой,
Этой радости,
горькой и сильной,
Этой вечности
невыносимой,
С тихим плачем промчавшейся мимо.

Владимир Игнатьевич БЕСХЛЕБНЫЙ. Родился в 1942 году в поселке Агне-Афанасьевск Хабаровского края – туда был сослан дед Иван Бесхлебный, раскулаченный. Наша семья жила в одной комнате (через перегородку) с двумя дворянами – мужем и женой. Они читали мне басни Крылова, иногда даже немного меняли финал, чтоб я не расстраивался – муравей в итоге пожалел стрекозу...

В 1964 году закончил физико-математический факультет Хабаровского пединститута. После этого год служил в армии в Забайкалье, по ночам на посту читал томик Саши Чёрного...

В 1973 году переехал с женой в Подольск (Московская область), работаю инженером. Воспитал дочь.

НАТАЛЬЯ БЕСХЛЕБНАЯ

ТАИНСТВО ТАЯНЬЯ

* * *

На черно-белом крыльце сидели
Мама-плакса, папа-кудесник,
Я, горемычная, и наша собака.

Сотня столетий пройдёт как неделя,
Не убоимся ни зла, ни метелей –
Нас защищает стекло фоторамки.

Утром к нам запахи трав прилетели,
Днём голосистые птицы пропели,
Ночью созвездья встали из мрака.

Ах, что это, что это – мы пожелтели?
Нет, расцвели мы и позолотели –
Животное, дочка да папка с мамкой.

* * *

Ложка в стиральной машинке у Оли
Бьётся о стенки и рвётся на волю –
Ложка случайно попала в бельё,
Нету спасенья теперь от неё.

Молча сидит и на звёзды глядит,
Кассиопея нерв бередит.
Сердце волнуется, на антресоли
Стремянку наладив, взбирается Оля.

Оля корону царицы морской
Забыла на время для жизни мирской,
Свет потушила, семью уложила,
Только вот поздно бельё запустила.

Вот золотая моя, самоцветы
Глядят, не мигая, как с неба планеты.
Соду на щеточку – мамина дочь –
Чистила Оля корону всю ночь.

Да ложка ещё беспокойная эта
Будет как дятел стучать до рассвета.
Все спят, прикрывая заботливо дверь,
Оля не знает, что делать теперь.

Рядом любимый муж и ребёнок,
Ложка затихла среди распашонок,
Кассиопея тихонечко тает,
Оленька спит. Корона сияет.

* * *

Глухонемая зрячая,
Плачу-плачу-плачу я.
Шкура лягушачья –
Не сожгу, так спрячу.

Не сожгу, так выверну
Шкуру наизнанку.
Шиворот навыворот
Краше мои раны.

Не сожгу, так выкину
Со скалы чудовищной.
Выброшу да вышвырну –
Прощай, моё сокровище!

Вот тебе и сердце,
И всё моё нутро –
Злая была дверца,
А в комнате – добро.

* * *

Ты исчез в темноте, ты сказал «нет»,
Я села на кухне, не включая свет.
Прислонилась к стене и слушала дом,
Потрясённый каждым своим ребром.

Шесть подъездов по двенадцать квартир
Обнаружить решились внутренний мир.
Трубы гудели, полы вспотели,
Признавать потолками себя не хотели.

Но главное – у соседа с того крыла
Бокал пододвинулся к краю стола.
Он решил, и он сделал – он бросился вниз,
Перед смертью стол обратя в карниз.

Тех осколков звон ты услышишь когда
Твоё «нет» претворится в «да».

* * *

Я слышу скорой скорой звук –
Скорая, кажется, к папе едет.
Скорая скорая, сделай крюк,
Попади в какую-нибудь трагедию.

Сотвори аварийную ситуацию,
А у нас тут есть ещё одно дело.
Пусть где-то бегают, волнуются по рации...
– Доченька, кушай, что ж ты суп не доела.

Ох, умничка, ох и молодец же ты, скорая –
Сдулось колесо да обвисли удила,
А мы ещё посидим, поотделяем мякиш от корочки –
Я пока ещё не всё поняла.

* * *

Назову я речку сестрою,
Пусть бежит она вслед за мною
Через все дороги-ухабы,
Век со мной, куда ни пошла бы.

Даже если я в самолёте
Нахожусь в опасном полёте,
Ничего душа не боится,
Ведь внизу петляет сестрица.

Отражают свет ея воды,
Насылают нужны погоды,
Рыб златых хвостатые стаи
Отмеряют годы верстами.

Как по трапу вниз я спускаюсь,
Будто по мосткам пробираюсь.
Обнимай, встречай мя, водичка,
Забирай с собою, сестричка.

Как же по тебе я скучала,
Ты начни меня, да сначала.

Отражают свет наши воды,
Насылают нужны погоды,
Рыб златых хвостатые стаи
Отмеряют годы верстами.

* * *

Ах, как мне хочется, чтобы ты объяснил мне всё про инструменты,
Про то, как по ним бьют и как щиплют их, чтобы они гудели так напряженно!
Ах, как мне хочется отличать голос от голоса, гитару от пианино,
Ведь это так сложно, а я совсем, совсем ничего не понимаю!
Я ничего не понимаю,
Но я бы стояла и стояла, переворачивая твои ноты.
Просто переворачивая твои ноты.
И пюпитр передо мной, как послушная цапля.
И зимой на нас падает снег,
И мы мёрзнем с моим фламинго,
Но мы продолжаем стоять, переворачивая твои ноты.
А весной нас затопит капель.
И медленно-медленно, пока я служу тебе,
Весь наш оркестр уходит под воду,
Но ещё торчат над поверхностью
Гриф какого-то неизвестного мне инструмента
И прическа вокалистки,
Ведь она высокая, да ещё на шпильках...
Но как же тихо, как беззвучно под водой!
Где же ты, не уплывай, моя рыбка,
Не улетай, моя одноногая птичка!

* * *

Я иду к тебе по стерне,
 Она такая колючая,
 Но почему и что это, я не знаю,
 Ведь мне ещё нет года, это мои самые первые шаги –
 Ты ловишь меня и подбрасываешь вверх!..
 Нет, не так.
 Ты идёшь ко мне по стерне,
 Ты старый и усталый,
 Твои ступни загубели и ты не чувствуешь срезанные стебли,
 Но ты ещё помнишь слово «стерня»,
 Оно тебе нравилось когда-то давно –
 Я ловлю тебя и подбрасываю вверх!..
 Но нет, все-таки это я,
 Это я иду,
 Это я иду, какая есть, прямо сейчас.
 И вот я ловлю эту девочку, этого человека, и подбрасываю,
 Я ловлю и подбрасываю сама себя вверх,
 И я взлетаю в небо над свежескошенным полем,
 Его аромат заполняет меня, как песня...
 Как же много здесь наверху тебя!
 Всё здесь соткано из тебя, из тебя одного.

* * *

Мы собираемся преобразиться,
 Во льдах вековых стократ отразиться,
 Как отражается в стеклопакетах
 Свечка моя символичная эта.

Как на иконах Преображения
 Лучи сообщают мысли движение,
 Как бесконечно среди интернета
 Слово моё размножается это.

Таинство таянья будет сейчас,
 Солнце кивает прямо на нас.
 Льды расступаются, я рассыпаюсь,
 В луч направленный собираюсь.

А ДОМА ПОНЫНЕ ВСЁ ЖДУТ ИХ...

В Молдове прошедшим летом люди доброй воли торжественно отметили 70-ую годовщину освобождения республики от фашистских захватчиков. А неделей позже, вернувшись из поездки в Таллин, мэр Кишинёва Дорин Киртоакэ предложил демонтировать памятники советским воинам, павшим в боях за светлое небо над нашим краем. Зачем? Чтобы ускорить интеграцию страны с Евросоюзом...

И это уже не первая попытка власти развязать войну с памятниками.

Предлагаю читателю оглянуться назад. Свой «независимый» путь новая Молдова начали с попустительства вандализму над памятью о Великой Отечественной войне. В первые же пьянящие дни суверенитета «неизвестные молодчики», вооружившись ломami и кувалдами, сбили со стен Арки Победы плиты с перечнем имен героев, названием дивизий, освобождавших наш город. Преступников не обнаружили лишь органы правопорядка, тогда как они бесстыдно бравировали своим «подвигом» и до сих пор любят рассказывать о своей удалой смелости в интервью.

Власть всеми силами из года в год пытается стереть из народного сознания память о Великой Отечественной; память о тех, кто, не щадя жизни, боролся с фашизмом. Однако все эти усилия вызывают горячий протест в сердцах людей. Вот лишь несколько примеров.

65-я годовщина Победы. Исполняющий обязанности президента страны господин Гимпу решает наградить всех участников Второй мировой, помимо юбилейной медали, учрежденной в СНГ, еще и памятным крестом. Инициатива известного униониста вызвала бурю негодования прежде всего среди ветеранов, ибо памятный крест очень напоминал Железный крест – высшую награду времен Третьего рейха. Фронтовики отказывались даже брать в руки эту сомнительную награду. Попытки же особенно рьяных чиновников из исполнительной власти насильно вручить знак, заканчивались сердечными приступами у старых солдат.

А всё тот же ретивый градоначальник Кишинёва Киртоакэ, решил оригинально поздравить ветеранов с Днем Победы, распорядившись разместить поздравительное приветствие им на... городских урнах для мусора. С Днем Победы – и плевков, с Днем Победы – и окурков. Несколько десятков урн ночью сожгли, в средствах массовой информации были обнародованы гневные протесты общественности, только тогда городская власть убрала эти «сердечные» поздравления с улиц столицы.

Традиционное приглашение на Парад Победы в Москву и.о. президента отверг, заявив, что «молдаване были проигравшими в той войне». Это при том, что более 400 тысяч молдаван мужественно сражались против фашизма на фронтах Великой Отечественной.

Общество ответило на эти грязные выпады 9 мая 2010-го года – потрясающим патриотическим маршем. Коренной кишиневец, я не видел доселе такого

массового скопления людей! Мужчины, женщины, дети двигались нескончаемым потоком к Вечному огню на Мемориале славы, и на могилах советских воинов вырастали горы живых цветов. Чтобы отомстить «несознательным» горожанам, по приказу властей все цветы той же ночью были собраны и вывезены на свалку...

На юге страны стоит пограничная застава Стояновка. 22 июня 1941-го года пограничники первыми встретили во много раз превосходящие силы врага. Шестьдесят молодых воинов против тысячи румын, вооруженных артиллерией и танками. Пограничники отразили все атаки противника, перешли в контрнаступление и отбили у врага несколько пушек и танков. Оборона заставы длилась 11 дней. За героизм, проявленный в первых боях, три воина были награждены медалью Золотая Звезда и получили звание Героев Советского Союза. После войны застава в Стояновке официально названа была Заставой Трех Героев. Через 70 лет руководство пограничной службы принимает решение о её переименовании, а также демонтаже всего, что касается подвига героев-пограничников! Но общество не проглотило этого ежа. Молодежь вышла на акцию протеста, заблокировала въезд и выезд с территории главного здания Пограничной службы и потребовала отмены этого преступного решения. А в самой Стояновке на защиту родной заставы вышли сельские жители, которым дорога память о войне. Все памятники заставы Трех Героев удалось сохранить.

К слову, переименование всего, что связано с историей Великой Отечественной – любимое занятие молдавских властей. В злопамятные 90-е с карты столицы исчезли улицы Покрышкина, Малиновского, Олега Кошевого, Лизы Чайкиной, Зои Космодемьянской. Не угодили молдавским чиновникам даже летчик Афанасий Карманов, сбивший пять самолетов за первые два дня войны и погибший в небе над Кишиневом, и уроженец Молдовы Ион Солтыс, закрывший грудью амбразуру пулемёта.

67-я годовщина Победы. В октябре 2012-го года Парламент республики принимает решение о запрете коммунистической символики. После долгих прений и дебатов власть имущие великодушно позволяют ветеранам носить медали и ордена с изображением серпа и молота! Запрет этот в итоге был признан неконституционным, но стабильности в обществе это не прибавило.

Еще один позорный факт. Республика Молдова воздержалась от голосования за резолюцию ООН, осуждающую прославление нацизма. «Воздержание» стало проявляться во всем. В учебном курсе по истории Министерство образования позволяет рассказывать детям о Великой Отечественной войне не более двух часов. При изучении литературы о войне уделяются ей те же ничтожные два часа. Власть «воздерживается» и при расследовании преступлений, связанных с осквернением памяти борцов с фашизмом.

В Дрокии с постамента исчез бронзовый памятник Воину-освободителю с ребенком на руках. Ни сам памятник, ни его похитители не найдены. Неизвестные отбили руку и ногу скульптуре советского воина в селе Скорены Страшенского района. Два года назад вандалы облили краской монумент 80-й гвардейской дивизии в Калараше. Тогда же с разницей в несколько дней был осквернен памятник соединения двух Украинских фронтов у города Леушены. Краской злоумышленники нанесли надпись: «Бессарабия – это Румыния». Летом того же года на памятнике воинам-освободителям в Бельцах, где Красная Армия впервые вышла на государственную границу, вандалы нарисовали свастику. Тем же летом в селе Гура-Быкулуй – единственном селе в истории Великой Отечественной войны, за освобождение которого звание Героя Советского Союза получили 18 человек, на брат-

ском захоронении воинов были сорваны плиты с именами погибших и приспособлены в качестве столика под распитие спиртных напитков... Регулярно подвергается атакам вандалов памятник Героям-комсомольцам в столице. Недавно надругательству подвергся памятник в честь освобождения Кишинева. На пьедестале были написаны слова «Домой, русские оккупанты!». По всем этим преступлениям были возбуждены уголовные дела, но... ни одного негодяя не задержали.

К счастью, все перечисленные монументы, за исключением похищенного, приведены в порядок, отреставрированы во многом благодаря россиянам. Может сложиться мнение, что ситуация в Молдове более чем плачевная. Но нам есть чем гордиться: для нашего многонационального народа подвиг советского солдата всегда был, есть и будет священным. Главным нашим праздником остается День Победы. В стране работают поисковые и патриотические организации, проводятся конкурсы и викторины, памятные акции и походы. В год 65-летия Победы, благодаря помощи дипломатической миссии Российской Федерации в Республике Молдова, было положено начало бессрочному проекту «Шаг к Победе». Стартовал новый этап поисковой работы. 7 мая 2010-го года в селе Спя со всеми воинскими почестями земле были преданы останки 36 советских воинов, обнаруженных в ходе поисковой экспедиции. Сегодня, спустя четыре года после этого памятного события, можно без преувеличения сказать, что поисковая работа в Молдове – мощное республиканское движение, в котором участвуют десятки молодых людей со всех концов республики, организации российских соотечественников, органы местного самоуправления. Члены Русского историко-патриотического клуба и поискового отряда «Август» обнаружили, идентифицировали и предали земле по православным традициям останки 128 воинов Красной армии, произвели 7 торжественных перезахоронений; действовало 4 стационарных поисковых лагеря «Вахта памяти»; установили 4 памятника, благоустроили и привели в порядок 7 братских могил и мемориалов; по запросам родственников установили 90 мест захоронения; сопроводили к местам захоронения 9 семей. Написано около 120 статей по военно-патриотической тематике; снято более 40 полноценных развернутых интервью с ветеранами Великой Отечественной войны с их последующей публикацией; передано в музей боевой славы республики более 100 экспонатов; сфотографировано и подготовлено к паспортизации около 300 захоронений и памятных мест.

В прошлом году нам удалось получить от администрации села Шерпены участок земли рядом с мемориальным комплексом, на котором уже проведено два захоронения. Это первое в нашей стране воинское кладбище, которое в будущем будет непременно благоустроено. Главной наградой для нас является благодарность родных и близких, которым мы можем сообщить, что нашли их отца, деда, прадеда. Ведь их до сих пор ждут дома, ждут с той далекой Великой Отечественной...

Но и приведенные выше нелицеприятные факты требуют постоянного мониторинга и незамедлительного вмешательства. С горечью мы наблюдали, как свергают с постаментов монументы погибшим солдатам на Украине. Любые проявления фашизма и нацизма в современном обществе недопустимы. Недопустимы не только потому, что они носят преступный характер и были осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге, а еще и потому, что это предательство наших отцов, дедов, сражавшихся за Родину, предательство их памяти.

*Алексей ПЕТРОВИЧ,
руководитель поискового
патриотического движения в Молдове.*

ИСПОВЕДЬ СОВРЕМЕННОГО

Болевая
точка

АНАТОЛ БЫРСА

АЗ ЕСМЬ

Почему «Аз есмь»? Да просто чтобы убедить себя, побороть хронический комплекс неполноценности, который не может не возникнуть, если ты родился в маленькой, слишком маленькой то ли стране, то ли территории.

Сначала никакого комплекса не бывает.
Родиться удаётся не каждому, и это действительно здорово.
Заполнить собою всё: плачем, беззубой улыбкой, пелёнками.
Но богом можно быть очень недолго, пока к тебе не привыкли.
После этого пелёнки начинают пахнуть по-другому.

У мамы почти не было подруг.
Она вышла замуж как-то сразу.
Она верила папе и в Бога, а может наоборот, откуда мне знать?
И лучше бы не знать, да так получилось, что старой дуре-медсестре, с которой много лет назад пришлось ехать в одном такси из маленькой почти столицы в родное село, взбрело в голову сказать шестнадцатилетнему пацану, что он виноват.

Точнее, его отец.
Виноват, что был мужчиной.
Виноват, что знал: жене нельзя рожать.
Почки.
Родился я.
Почки не выдержали.
Из-за меня.
Вы еще читаете?
Спасибо.
Хотя духовников не принято благодарить.

Дана (моя дочь, двадцатидвухлетняя толстушка, страдающая от этого, и немного пианистка) написала: «Жизнь держится на двух словах: да и нет».¹

¹ Viața se ține pe două cuvinte: da și nu (рум.).

Боль бывает разная. Больно даже, что пропала в русском алфавите буква ё.
Нет ее?

Но большее быть не может, чем остаться одному.

В середине прошлого века, после как бы победы социализма, империя утвердилась в мысли, что быдло должно главенствовать. И дабы «Кто был никем, тот станет всем», начала опять рубить головы. Думающие. Среди них оказался и мой дед.

Отцу было лет семнадцать, учился он в маленьком городке маленькой как бы республики, когда у него не стало семьи. Пришли и забрали. Приглянулся кому-то дом в центре села – для сельсовета. Империя утверждала себя Советами от Москвы до самых до окраин (Опять скобка, извините: это песня такая была, которую все подданные знали, от мала до велика. Заметьте чёткое разграничение «От» и «До». На этом империя и держалась).

Так вот, пришли, забрали. Всех.

Но никто из семьи, сельчан не сообщил, ни в маленьком селе, ни в большой Сибири (хотя в НКВД спрашивать умели), что был в семье ещё один человек.

Как он познакомился с моей матерью, не знаю. Не принято в маленьких странах-территориях спрашивать о таком. Знаю лишь, что через шесть лет после их встречи на лицо мамы села жирная наглая муха, и я никак не мог понять, почему она это терпит.

Ловушка устроена просто: глаза, улыбка – и ты поймана. Казалось бы, навсегда, да не так это. Приходит время, и то ли бог, то ли природа убеждается, что с тебя взять уже нечего, пора убрать.

И убирает.

Глаза, улыбку.

Твою.

Что я? Зачем я?

Найти ответ несложно, надо просто обратиться к специалисту. К батюшке. К ребе. К ксендзу. Но, как остроумно сказано было, «Специалист подобен флюсу, его развитие односторонне».

Ответят. Поставят пломбу. Но зуб-то всё равно болит.

Может, пройдёт?

Наверняка пройдёт.

У всех прошло. У миллиардов.

Как хорошо верить. Как хочется верить.

Дана, моя дочь, написала: «Чтобы начать думать, надо закрыть рот».¹

¹ Ca să începi să gîndești, trebuie să închizi gura.

Отец сумел его закрыть. Дома. На работе у него это хронически не получалось, потому, что бухгалтер – лицо материально ответственное, и на этой должности трудно выжить, если не умеешь воровать. Он не умел, уж так воспитали.

И полетел.

Всю жизнь летал.

Из села в село, из района в район.

Семья вначале – за ним, а потом, когда стала побольше (отец после смерти моей матери понял, что не сумеет в одиночку поднять меня на крыло, женился на умной девочке, которой тоже не повезло: у неё забрали отца, дом и встречала она рождество с мамой, двумя братьями и сестрой в шалаше, какой милосердные власти разрешили поставить в огороде, рядом с отобранным домом), летал один.

Так что я не совсем патриот.

Чтобы им быть, надо расти на одном месте, как дерево. Пересадишь раз, пересадишь второй, и оно умирает.

У людей иначе.

Они живут, но в них что-то умирает.

Это незаметно.

Почти незаметно.

Послали меня как-то в детстве за хлебом. Взял я велосипед, книгу и ПОШЁЛ. Вернулся с хлебом и книгой. Велосипед остался у магазина. Он был мне не важен. Вернулся, нашёл. Где тот велосипед? Как много лет понадобилось, чтобы понять: по большому счёту, ничего важного вообще не существует.

Дана, моя дочь, написала: «Ничто было создано для философов».¹

Почему почти никто не знает лирики Маяковского? Вы её читали? Вам удалось? Вопреки школьной программе? Почему мы такие глупые? Почему стали быдлом? Может, благодаря тому же Маяковскому?

Хорошо, что есть Бодлер, есть Минюлеску, есть Есенин.

Хотя, если себя уважать, можно добраться и до истинного Маяковского.

А может, закрутить сюжет?

Пожалуй, не буду.

Зачем дублировать телесериалы?

Разбрасываться буду, сильно разбрасываться.

¹ Nimicul a fost creat pentru filozofi.

Это же надо быть таким дерьмом, чтобы податься в политику!

Это же надо так ненавидеть людей!

Это же надо всерьёз чувствовать себя самым-самым и единственным!

Ну не удалось тебе стать действительно нужным, можно ведь просто повестись. Так нет, ты предпочитаешь вешать других.

Хотя, может, оно и не виновато, дерьмо-то? Ведь оно в дерьмовой луже-империи не само всплывало. Его пестовали. 9 лет – в октябрята. 12 – в пионеры. Обнаружил элементарные способности к всплыванию – в комсомольцы. Хорошо воняешь? На поверхность, в партию.

Вот там уже сложнее. Чем выше, тем всплывать труднее. Дерьмо отборное, не расступающееся, от солнца лучей засохшее, вниз света и тепла не пропускающее. Да вот беда, нет внизу света, не растёт там ничего путного, с гнильцой всё.

Это сначала с гнильцой, со временем всё напрочь прогнивает.

И разлагается.

Растеклась большая лужа на мелкие, да ничего никуда не подевалось. По меньшей мере, в моей – то ли стране, то ли территории. Вода тёмная, родным запахом дерьма пропитанная, и не заметила, как свет солнечный начал меркнуть. Это всплывало наверх ОНО – старое, имперское, марочное дерьмо. И новые катыши.

Трудно даётся свобода.

А может, не бывает её просто? Посмотрите на обезьяню стаю.

Дана, моя дочь, написала: «Хаос – ничто иное, чем грязь, проникшая снаружи в душу человека, чтобы сделать её частью себя».¹

Невозможный перевёртыш:

а) Почему он, а не я, умнее, красивее, богаче?

б) Почему я, а не он, умнее, красивее, богаче?

Почему большие народы самодостаточны? Почему русскому достаточно владеть русским языком? Американцу – английским? Почему мне нужно знать, кроме своего языка, русский и английский? Почему можно смеяться над чукчами, в словаре которых десятки слов для обозначения белого цвета, когда сам ты свободно обходишься матом? Почему, чтобы добраться до иракской нефти, можно убивать людей, которым повезло (хотя вряд ли они так думали перед своим последним вдохом) работать в башнях-близнецах?

Откуда эта боль? Я-то в чём виноват?

Стыдно как-то быть человеком...

Вы вслушивались в звуки извержения вулкана?

Земля дышит, как загнанная лошадь. Загнали её мы.

¹ Haosul nu e altceva decât murdăria din afară patrunsă în sufletul omului, făcându-l parte din ea.

Моя дочь, Дана, написала: «Если бы люди не умели говорить, слоны казались бы гораздо умнее нас».¹

Может, Ницше не прав в своём «Антихристе»? Слабость, конечно, не заслуживает возведения в степень. А сила? Слабость не достойна существования? Но ведь, утверждая это, сам он был слаб, очень слаб, не получилось у него самого главного – любви. Протест против собственной слабости возвести в протест против христианства? Может, этого и не смог Ницше простить христианству, что в нём, как и в его собственной жизни, любовь скорее декларируется, чем осуществляется? И ведь получилось, убедил, потому что всем нам, умным и не очень, нравится поддаваться кому угодно, когда себя не хватает.

Разрушителям. Насильникам. Убийцам. Диктаторам.
Имена вы знаете.

Не глупость, пожалуй, страшна, не спесь. Страшна глухота.
Страшно не слышать музыки, не догадываться даже, что она существует во всём: в утреннем ветерке, в закате солнца, в философии, в религии.
Не слышите?
А может, Вас просто нет?

Дана, моя дочь, написала: «Попробовать – предать свою надежду».²

Ни одно живое существо, кроме человека, не усложняет основных задач: выжить и продолжить род.

В комнату одна за другой залетели две большие навозные мухи. А сижу я за компьютером в самом центре города, ставшего после разложения лужи столицей.
Тянут её, страну-территорию, потянут. Один дед с бабкой, внучкой и далее, до мышки – в одну сторону, другая команда, точно такая же – в другую.
Дело делают, некогда городскими очистительными сооружениями заняться.
Вот мухи и разлетались.

Кто нас создал? Зачем этот эксперимент? Кто этот экспериментатор? Понять бы, что в нём творилось, когда нас создавал! А может, и не экспериментатор это был, а программа, мёртвая программа, которая продолжает работать, хотя Её Создателю надоело наблюдать за нашей вознёй? Он давно ушёл, а мы продолжаем искать смысл жизни, писать стихи, ходить в крестовые походы.

¹ Dacă oamenii nu ar putea vorbi, elefantii ar părea mult mai deștepti decât noi.

² A încerca înseamna a-și trada speranța.

Дана, моя дочь, написала: «Люди делятся на четыре категории:

- те, которые боятся;
- те, которых боятся;
- те, которые не боятся;
- те, которых не боятся».¹

Нет ничего другого, чему чисто физиологически так трудно учиться, как игре на скрипке. Левая рука вывернута, правая опирается на смычок, который, по идее, опирается на струны. Да не тут-то было, попробуй опереться, когда играешь концом смычка. Получается, что нужно опереться ни на что. В принципе, этим-то мы и занимаемся всю жизнь: опираемся ни на что и, падая, удивляемся.

Предательству.

Болезни.

Смерти.

А в обучении игре на скрипке опереться ни на что – просто задача и каким-то чудом она выполняема.

Какое счастье, что находятся люди, которые не задаются главным вопросом: зачем? Какое счастье, что они дают себя убедить (или сами себя убеждают), что морковку, вынесенную перед ними на шесте, как в истории с ослом незабвенного Ходжи Насреддина, можно догнать и съесть, если всё время бежать.

Добежали.

Ойстрах, Менухин, Энеску.

Мне догнать морковку не удалось, да и бежал я недолго.

Ленивый потому что.

До истины не добраться.

Жизнь мешает.

Твой шестнадцатилетний сын считается с твоим мнением?

Что-то в нём не так.

Или в тебе.

Учиться вежливости нужно у компьютера.

Какую бы глупость ни сморозил пользователь (Кстати, вы заметили, как удачно найдено это слово, какое оно всеобъемлющее? Компьютеру всё равно, кто ты – дитя неразумное или профессор всех наук. Сел за клавиатуру, значит, пользователь.), реакция одна: «Вы уверены, что...?».

Да не уверен я, не уверен.

Уверены только сумасшедшие и фанатики.

¹ Oamenii se împart în 4 categorii: cei care se tem, cei de care se tem, cei care nu se tem, cei de care nu se tem.

Пошёл дождь. Незаметно. Даже не каплями, а как-то бесплотно, из ничего. Будто густая хмарь устала от себя и решилась на самоубийство.

Дана, моя дочь, написала: «Между светом и тьмой – четверть мгновения».¹

Природа защищается. Она встроила в нас кучу предохранителей. Основной прост до идиотизма: Тебе больше всех надо? Сожрать! Может, и не сожрут, просто изуродуют, да так, что и не догадаешься.

Не важно это, впрочем. Цель достигнута, ты безопасен.

Есть люди и есть куклы, они похожи.
 Если ты кукла и любишь кукол, ты – телезритель.
 Живое отличается от мёртвого тем, что живому больно.
 Тем и страшен «ящик», что от боли отучивает.
 Текут в стекле реки крови. Какое уж тут сочувствие?
 Текут в стекле ручьи спермы. Какая уж тут любовь?
 Бог стекла един, на каком бы он языке ни говорил.
 Не хочешь слушать? А куда ты денешься, отученный от самого себя? На другой канал?
 А там та же проповедь: Покупай!
 Не хочешь?
 Ты лузер!

Удалось ли вам заметить, что можно в собственном доме прожить вечер, не включая зомбоящик? Значит, не всё потеряно.

И ещё о ящиках: телевизионный ничем не отличается от гроба. Ни в одном, ни в другом тебя совершенно нет.

Дана, моя дочь, написала: «Думаю, потому что дано. Но как использовать мысли, решать только мне».²

Самая главная задача возникает перед каждым из нас слишком поздно. Когда не остаётся, совсем не остаётся времени её решить. Природа поставила ещё один предохранитель. Не от ума, от глупости нашей.

¹ Între întuneric și lumină e un sfert de clipă.

² Gîndesc fiindcă așa mi s-a dat, dar cum folosesc gîndurile, depinde doar de mine.

Интеллигенция – типично русское явление.

Можно открывать закономерности, строить города, растить хлеб, а можно просто спрашивать себя, что делать.

И гордиться этим.

Живём мы на грани между прошлым и будущим, но насколько остра эта грань?

Секунда? Миллисекунда?

Полноте, меры эти нами придуманы.

И тут появляется бог.

Для удобства.

Дана, моя дочь, написала: «Каждый человек – центр вселенной, в которой происходит всё. События других людей его не касаются, его события не касаются других».¹

Категоричность труднее всего простить.

Самая естественная реакция, защитная, по сути своей: «Тоже мне, умник нашёлся!». И всё. Не достучаться.

Моя территория находится в Европе.

С маленьким уточнением – в Восточной.

Хитро устроены люди. Возник Европейский Союз, и как-то сразу пропало понятие Центральная Европа.

А Восточная осталась.

Чтоб место своё знала.

Чтоб стремилась.

Куда?

Не поверите, в Европу.

Некоторые историки всерьёз утверждают (не слишком, по-моему, заблуждаясь), что в средние века моя маленькая тогда ещё страна прикрыла собой Европу от турецкой экспансии. Да ладно, что было, то было. Прошло и забыто.

Но! Почему дети моего народа растут без матерей, которые уезжают на заработки и годами оттягивают возвращение?

Почему мой народ, по умолчанию, глуп для иноязычных, независимо от того, находятся ли таковые на его территории или в Странах?

Мой народ говорит минимум на двух языках, значит, он способен думать минимум в двух языковых системах. Это что – глупость?

¹ Fiecare om e centrul universului în care se întâmplă toate. Întimplările altor oameni nu-l afectează, iar întâmplările lui nu-i afectează pe alții.

С точки зрения старости, любовь и ненависть – две стороны слабости.

Жил-был в деревне пёс. Хозяева ему какие-то непонятные достались, на цепь на посадили. Не из любви особой, просто приятно им было, что провожал, когда уходили, и встречал, когда возвращались.

Сначала не вернулась хозяйка. Пристроили её итальянскую старушку с боку на бок ворочать, памперсы менять.

Через несколько лет и хозяин из калитки навсегда вышел. Нашла жена бывшему агроному место садовника в солнечной Италии.

Дом продали, а с ним, получается, и пса.

Новые хозяева порядок крепко уважали. Пёс должен на привязи ходить, лаем прохожих отпугивать.

Привязали.

Не лаял.

Не ел.

Не пил.

Сдох.

Точнее, умер.

Сдыхают люди, к рабству привыкшие.

Надоело на мобильно-телефонной привязи ходить.

Дана, моя дочь, написала: «Быть идеальным – не быть собой».¹

Солнце накаляет бетонные коробки домов так, что хоть калачи пеки. И это в начале мая. Об июле и думать страшно. Мстит нам природа, беспощадно мстит. Климат неумолимо меняется, солнце всё жарче, а деньги продолжаем тратить на оружие.

Зачем?

Неужели не понятно, что и так помрём? Все. Южные и северные, демократичные и тоталитарные, белые, чёрные, жёлтые и немногие, чудом оставшиеся в резервациях, красные.

Похоже, человечество создано природой как средство возобновления цикла своих возрождений.

Православие обозначило только семь смертных грехов.

Оно нас пожалело.

Дана, моя дочь, написала: «Мудрость нужно заработать, глупость даётся даром».²

¹ A fi ideal înseamnă a nu fi tu.

² Deşteptăciunea e scumpă, prostia e pe gratis.

В чём мы запутались?

Когда?

Плод запретный виной тому или неутолимое желание утвердить добро в неукоснительно своём понимании? Почему минарет закрыт для ортодоксального христианина? Почему синагоги стали местом погромов?

Если бы Бог действительно существовал, ему следовало бы удалиться. Мы его не заслужили.

За исключением философов, физиков-теоретиков да, пожалуй, сумасшедших, никто никогда не ставит себе целью думать. Мы, кажется, вообще не приспособлены к этому занятию. Мысли непрерывно переходят от темы к теме, ни на чём не останавливаясь, боясь как бы самих себя. Не бывает никаких конечных выводов, они всегда откладываются на потом, даже когда этому «потом» неоткуда взяться. И решаем мы обычно не на основе анализа, а интуитивно. К каждому очередному решению подводит вся сумма предыдущих, принятых за всю жизнь решений.

Фатализм? Можно сказать и так.

Любовь и ненависть очень схожи, они способны заставить нас заикнуться на ком-то так, что все остальные становятся неважными. Но отличие есть: любовь проходит.

Рынок. Грузчики развозят товары на тяжелых тележках. Быстрее развёз – свободен, берёшь новый заказ. Свистят, кричат. Обычно «Берегись!».

И вдруг – «Береги глаз!».

Расходятся, как шлюпки перед авианосцем.

Проходит с улыбочкой.

Ему бы в Америке родиться.

Удобно жить в стаде: накормят, напоят, в хлев вовремя загонят, чтоб волки зубами не достали. «Блаженны нищие духом».

Из служебной машины мир видится совершенно иным, чем из окна троллейбуса.

А к тому времени, когда растущий начальник устаивается личной охраны, он уже не совсем человек. Сведения об окружающем мире доходят до него через референтов. Цены для него становятся экономическим показателем, попадающиеся изредка на пути люди – подчинёнными или просто избирателями. Для него и солнце не солнце, и дождь не дождь, тут же возникает кто-то из челяди с раскрытым зонтом.

Ждётся, что он решит твои проблемы?

Не стоит. Они для него чисто теоретические.

Умный начальник может вырасти только из умного подчинённого, но, поскольку глупый начальник боится умного подчинённого, он его никогда не продвинет по службе. Тянется это с самых начал Российской империи, потом плавно перетекло в советскую. И болячка эта передалась генетически всем постсоветским государствам. Стоит ли удивляться происходящему?

Не люблю идиотов.

Уж слишком в них всё понятно.

Был у меня почти друг, который умудрился попасть во власть, небольшую, но власть, со служебной машиной и персональным водителем.

Был друг.

Дана, моя дочь, написала: «Иногда идиот мудрее умного, потому что прислушивается к своим инстинктам».¹

Концерт.

Соната Шопена для виолончели и фортепьяно.

Инструменталисты хороши, но виолончелисту, увы, не интересна пианистка, пианистке не интересен виолончелист, и обоим совершенно не интересен Шопен.

Можно хотеть жить.

Можно просто жить.

Ещё лучше не знать слова «можно».

Зеркало – стекло, обработанное так, чтобы оно отражало свет. Как физическому явлению проще объяснения быть не может.

Это если бы в нём отражались облака.

Но придумали зеркало люди, чтобы на себя посмотреть, а принять увиденное, увы, не просто.

Пришлось наделять зеркало магическими свойствами, сказки придумывать.

Любить себя?

Это как?

Ну ладно, не повезло. Может, кто-то слишком рано умер, а может тот, кто мог бы, в принципе, тебя полюбить, совсем такой же, как ты, безлюбивый.

А дальше?

В том-то и вся жуть: дальше – ничего.

¹ Uneori un idiot e mai deștept decât un om inteligent. Pentru că își ascultă instinctele.

Медленно я пишу, очень медленно. И дочь моя, Дана, которая по молодости своей думает, что писать всё-таки стоит, деликатно, очень деликатно, подталкивает.

Знать бы, к чему.

Да ладно, стар я, пожалуй, для кокетства.

Есть люди, мимо которых лучше проходить, как мимо неопрятной деревенской уборной, не реагируя.

По большому счёту, все мы относимся к двум категориям: те, после которых всё, к чему они прикоснулись, становится чище и те, которые умеют только пачкать.

Что возможно знать о людях?

Трудно?

Упростим: что возможно знать?

Опять трудно?

Упростим: что возможно?

Нет ответа?

Упростим: что?

Дальше упрощений не бывает.

Чем жить?

Собой, наверное.

В как бы своё время?

В своё как бы время?

В моём маленьком государственном формировании уже около трёх десятков политических партий, которые больше смахивают на общества с ограниченной ответственностью. Между выборами большинство этих политических ООО впадает в спячку. Просыпаясь в предвыборную кампанию, развивают бешеную активность, ищут спонсоров, продаются и покупаются, отравляют почти физиологическими выделениями общество так, что оно доходит до неменяемого состояния. Враг моего друга – мой враг, друг моего врага – мой враг, кругом враги, телевидение невозможно смотреть, радио невозможно слушать, газеты невозможно читать – партии за место поближе к кормушке насмерть грызутся.

Впрочем, хорошо бы насмерть, так нет.

После выборов председатели большинства «партий» (кавычки поставлены ибо сильно сомнительно, что наше примерно миллионное юридически дееспособное население способно обеспечить действительными членами три десятка нефальсифицированных политических формирований), держатели политического бизнеса, уйдут в ничто или в никуда до следующего избирательного сезона.

А кто-то выиграет и продолжит высасывать всё из ничего.
 Вольготно вшам в доме бедняка.
 Мыла купить не на что.

Дана, моя дочь, написала: «Глупость не была бы глупостью без спеси».¹

Перечитал.
 Уж больно пессимистично, разбавить бы надо.
 Хорошо бы музыкой, но как?
 Если бы музыку можно было выразить словами, её бы не стало. Если бы слова можно было выразить музыкой, не нужны были бы они. Совсем это разные вещи.

Не верите? Поищите в Интернете музыку Ницше.
 Разбрасываюсь?
 Предупреждал.

И чего ради занялся я сочинительством?
 Ну напишу пару десятков или пару сотен страниц, это ведь даже не капля в информационном океане.
 Хотя... может, капли и создали океан?

Научиться любви нельзя. Её можно воспринять, если повезло, с детства или позже, от Человека. Или, если уж совсем не удалось, найти в Библии. Любить кого-то, пожалуй, проще, чем себя: можно полюбить ни за что, хотя это и опасно. С собой это не проходит, о себе ты знаешь такое, что любви совершенно не способствует. Знаешь, что предавал, если не других, то себя.

И не один раз.

Джазовая импровизация – единственная возможность погладить себя по голове, не чувствуя себя при этом идиотом.

Дана, моя дочь, написала: «Чтобы понять мир, посмотри на него чужими глазами».²

Хоршее русское слово: умствование.
 Совершенно другое развитие того же корня: умничанье.
 Бывает, правда, реже и просто ум.

¹ Prostia nu ar fi prostie fără orgoliu.

² Ca să intelegi lumea, privește-o cu ochii altuia.

Долго за компьютер не садился. Впрочем, вру. Работа у меня такая – за компьютером сидеть. Как бы дело делать, как бы проверять соблюдение законодательства сотнями появившимися радиостанциями да телевидениями. Заключил договор с телеканалом: румынским, русским, украинским, болгарским, турецким – зависит от того, на какую аудиторию рассчитываешь – и гони рекламу. В лучшем случае, врубишь два раза в день гороскоп и рубрику «метео». Если уж очень денег захочется от политиков, сварганишь новости на языках опять-таки от целевой аудитории зависящих. Или, что совсем уж круто, замутишь что-то слегка похожее на телешоу, и катайся себе по городу на джипе, да проявляйся на регулярно организуемых евросоюзом тренингах. Работает-то за тебя румынский, русский, украинский, болгарский, турецкий телеканал.

Противно смотреть, даже по долгу службы.

Боль – единственно честная примета существования. Всё остальное – обман.

Страшное слово «исходить». Не случайно люди убили его, придумав типично канцелярское – «исходный №».

Дана, моя дочь, написала: «Слеза – попытка отразить небо. Или лужу».¹

Не было ничего до того, как тебя не было. Не будет ничего после того, как тебя не станет.

Но кого, кроме тебя, это интересует?

Приходят дни – в разные годы твоей жизни, когда задаёшься одним и тем же вопросом: зачем жить?

Сначала отвечать просто.

Вы можете себе представить танк, толкающий тачку? Простейшую одноколёсную тачку?

Просто – сложно. В принципе, это единственный критерий выбора для невысоких умов. Богу должно быть, в принципе, очень скучно наблюдать за нами.

Умереть через 100 лет?

Через 20?

¹ Lacrima: o incercare de a imita cerul. Sau balta.

Сегодня?
А в чём, собственно говоря, разница?

Дана, моя дочь, написала: «Единственное, что принадлежит детям, это ВСЁ».¹

И опять о ней, о жизни.
Может, её вообще нет?
Может, мне просто снится?
Что?
Может, я просто снюсь?
Кому?
А может, вся эта вселенная попала в просак?
Это не грамматическая ошибка, поищите значение слова в Его Святейшестве
Интернете.

Сегодня в моей стране выбрали президента. Через 900 с чем-то дней после того, как истекли полномочия предыдущего.
Праздник?
А почему бы и нет?
А почему бы и да?
Жить-то мы будем по-прежнему. Никак, то есть.
Не выбираем мы кем родиться. И где. И когда. И вообще мы ничего не выбираем. Мы просто появляемся.
Как вселенные.

Дана, моя дочь, написала: «В жизни встречаешься со многими людьми, но ищешь среди них похожих на себя. А ты совершенен?».²

Снова весна. Не моё это, почки на мне не появляются, они внутри, совсем зимние. Осень милосерднее к уставшим.

Животный мир относительно прост потому, что в нём нет лжи. Хитрость – да, чтобы выжить. Это у обезьян, скажем. У пчёл всё иначе: есть задача, её нужно выполнить, и она жёстко выполняется.
Я бы не хотел быть пчелой, да и обезьяной, пожалуй.
Значит, никуда я от лжи, чужой ли, своей ли, не денусь, хотя давно понял, что ложь ради достижения цели и ложь во спасение мало чем отличаются.
Ложь – запах человечества.

¹ Există doar un lucru care aparține copiilor: TOTUL

² În viață întâlnești mulți oameni, dar cauți printre ei pe cineva care să semene cu tine. Tu oare ești perfect?

Верующие уверены, что Бог есть любовь.

А если наоборот: Любовь есть Бог?

Разница вроде бы небольшая. В первом случае, безбожник – это человек, живущий без любви. Во втором, человек, живущий без любви – безбожник.

Но если верить, что Бог есть любовь, рай или ад ждут тебя на небе.

А если верить, что Любовь есть Бог, и рай, и ад для тебя здесь, на земле.

Течение времени замедлилось? Всё вокруг потускнело? Чужие улыбки кажутся глупыми? Это от тебя ушла любовь.

Ну и пусть. Не нужна она? Это к тебе приближается смерть.

Дана, моя дочь, написала: «Чтобы дарить свет, нужно его иметь».¹

На моём окне уже много лет живёт цветок. Несколько раз старел, я его выкапывал из вазона, сажая взамен взятый у него же отросток. Тот вырастал, абсолютно похожий на родителя.

Люди, которые добиваются, чтобы их дети ничем не отличались от них, не умнее моего цветка.

Дана, моя дочь, написала: «Светлячок – попытка стать светом».²

Жизнь большинства из нас похожа на железную дорогу. Выбрал профессию – колею – и катишь, сколько получится, пока всё топливо не выгорит.

Вроде бы обгоняешь кого-то, вроде бы тебя обгоняют, но это только кажется. Учительствуешь ли, хлеб растишь или штаны в лаборатории просиживаешь, ничего, по сути, в твоей жизни не меняется.

Когда в шахтах использовали лошадей, им всю жизнь приходилось ходить по кругу, колесо крутить. И когда их, ослепших, поднимали наверх, старые клячи продолжали ходить по кругу.

Они просто не знали, что можно иначе.

У меня два глаза и две руки. Остальное, в принципе, не важно.

Был при социализме в городском парке подземный общественный туалет. Закрыли. Приватизаторы, видимо, не смогли поделить. Пару лет простоял под замком. Засыпали. Ещё через пару лет на этом месте выросло кафе-забегаловка. Назвали «Regal» («Царское»).

¹ Pentru a darui lumina trebuie s-o ai.

² Licurici: o încercare de a deveni lumină.

Неизбежность смерти не пугает. Знаем, помним, но не пугаемся, потому что прошли через неизбежность рождения. Где нет памяти о начале, там нет веры в конец.

Бытие – жалкое подобие мысли.
Мысли – испачканные капли бытия.

Вернейший признак старости – ускользящая мысль.
И?
Что и?

Новогодний вечер, супермаркет, впереди в очереди, судя по покупкам, девушка. Лет тридцати. В корзинке конфитюрница, чёрная ваза и жевательная резинка. Ваза не проходит через кассу, нет маркировки. Кассирша приносит точно такую же, но белую. По дурости предновогодней встречаю: «Берите эту, хоть какая-то надежда». Купила. И улыбнулась.

Можно держать в руках дерьмо и думать, что оно золото. Можно держать золото и думать, что оно – дерьмо. Зависит от тебя.

Нас ждут.
9 месяцев.
После этого начинаем ждать мы.
Мы не из разных миров.
Мы – разные миры.

Воспринимать бытие как отсрочку от смерти или просто жить? Мне нравится ждать – это освобождает. И от жизни, и от смерти.

Дана, моя дочь, написала: «Пытаясь считать песчинки, ты их теряешь».¹

¹ Numărindu-și firele de nisip nu faci decât să le pierzi.

«Русское поле» продолжает знакомить своих читателей с Государственной программой РФ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Как она реализуется в Республике Молдова? В свете недавних судьбоносных событий Программа, видимо, будет набирать обороты. Естественно, наших сограждан, потенциальных переселенцев, волнует множество вопросов. На некоторые из них отвечает представитель ФМС России в Республике Молдова Тамара РОЩИНА.

– Уважаемая Тамара Георгиевна, как обстояло дело в уходящем году с реализацией программы переселения в Молдове, сколько человек прибыло из РМ в Россию на ПМЖ?

– Интерес к Госпрограмме у граждан Молдовы не ослабевает. В текущем году с заявлениями об участии в Госпрограмме обратилось более 5,5 тысяч человек (с членами семьи – 15 тысяч). Свидетельства участника Госпрограммы получили около 3,5 тысяч человек (с членами семьи – более 9 тысяч), выехали на территорию России около 3 тысяч человек (с членами семьи – более 7 тысяч).

– Из каких районов Молдовы наиболее ощутим отток населения?

– В государственной программе переселения участвуют жители всех регионов Молдовы. Однако основной поток желающих переселиться в Россию идет из Кишинёва, севера республики и Гагаузии.

– Есть ли статистика, кто преимущественно уезжает – рабочие или интеллигенция? Часто ли переселенцам приходится менять профессию?

– Такой статистики мы не ведем, но из опыта можно сказать, что заявления на переселение в равном количестве подают как граждане с высшим образованием, так и люди рабочих профессий. Региональные программы переселения предусматривают возможность профессиональной переподготовки соотечественников по востребованным на рынке труда специальностям.

– Что изменилось в Программе по сравнению с прошлыми годами?

– В настоящее время в Госпрограмме участвуют 54 региона Российской Федерации. В соответствии с новой редакцией Госпрограммы, которая вступила в действие с 2013 года, прием соотечественников осуществляется на всей территории региона. Все регионы разделены на две категории: приоритетного заселения (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия, Приморский, Хабаровский, Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская области и Еврейская автономная область) и регионы, не относящиеся к категории приоритетного заселения. В зависимости от категорий дифференцированы размеры подъемных пособий. **На территориях приоритетного заселения размер подъем-**

ных составляет 240 тысяч рублей участнику Госпрограммы и по 120 тысяч рублей – каждому члену его семьи. В регионах неприоритетного заселения: 20 и 10 тысяч рублей соответственно. Расширены возможности осуществления трудовой деятельности не только в качестве наемного работника, но предусмотрена возможность переселения с целью осуществления предпринимательской деятельности, занятия сельскохозяйственным и агропромышленным производством, ведения личного подсобного хозяйства и иной, не запрещенной законодательством России, деятельности. Отдельные регионы предусмотрели возможность для соотечественника переезда с целью получения профессионального образования, в том числе послевузовского и дополнительного.

– На какое время рассчитана Программа? Есть ли окончательный срок, после которого выехать будет уже невозможно?

– В соответствии с Указом Президента № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 14.09.2012 года, программа является бессрочной. В рамках Государственной программы каждый субъект России, участвующий в ее реализации, разработал свои региональные программы на определенный срок (как правило, на трехлетний период), после которого они будут корректироваться с учетом потребностей региона. Однако следует учитывать, что свидетельство участника Госпрограммы действительно в течение трёх лет и, соответственно, чтобы воспользоваться преференциями, которые предусмотрены Госпрограммой переселения, соотечественнику необходимо выехать на территорию региона вселения до окончания срока действия свидетельства.

– Я спросила знакомых, какие вопросы они хотели бы адресовать Вам, как представителю ФМС. Вот какой получился «блиц-опрос».

Михаил Прижибыльский: *Учитывает ли программа переселения особенности специфики прежней деятельности переселенцев, климатической зоны их прежнего проживания, городской ментальности? Можно ли рассчитывать, что условия грядущего размещения будут соответствовать прежнему уровню условий образования детей?*

– Участие в Государственной программе добровольное. Соотечественники сами выбирают регион для переселения на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Советую изучить региональные программы переселения, ознакомиться с климатическими условиями, социально-экономической ситуацией в регионе. Люди сами определяют, где им проживать, в сельской местности или в городе. Образовательный уровень и профессиональный опыт, безусловно, учитываются и являются в большинстве случаев решающим фактором для получения положительного решения об участии в Госпрограмме. В связи с этим рекомендуем перед подачей заявления об участии в Госпрограмме внимательно изучить ситуацию на рынке труда выбранного для переселения региона, насколько профессиональные знания и навыки потенциального переселенца востребованы. Вся необходимую информацию можно получить на сайтах уполномоченных органов по труду и занятости регионов, либо у сотрудников служб занятости. Получение образования детьми участников Госпрограммы гарантировано в соответствии с российскими образовательными стандартами.

Евгений, 28 лет: *Не считаете ли Вы, что в приоритетные регионы ехало бы куда больше людей, если бы семьям переселенцев выдавалось жильё? Есть ли надежда на это? Я, например, не решаюсь здесь продать родительскую квартиру. Боюсь сорваться, а там оказаться бомжом.*

– К сожалению, жилищный вопрос во всех регионах России, в том числе и приоритетных, стоит очень остро. Уполномоченные органы по реализации Госпрограммы пытаются решить эти проблемы с помощью работодателей, которые могут предоставить служебное жилье или общежитие, помогают с поиском съемного жилья. На жилье временное или постоянное могут рассчитывать врачи и другие работники социальной сферы, переехавшие в сельскую местность. Кроме этого, многие регионы, участвующие в Госпрограмме, частично компенсируют расходы на аренду жилья на срок от двух до шести месяцев.

Таня, 30 лет: *Если мой второй ребенок родится на территории России после переселения, будут ли ему положены те же льготы и компенсации, что и детям граждан России? Смогу ли я выйти в законный декрет?*

– Участникам Госпрограммы предоставляются социальные гарантии в области здравоохранения и образования наравне с гражданами России. Однако на материнский капитал вы сможете рассчитывать только после получения гражданства России.

Владимир Букарский: *В Израиле репатриантам положена «корзина абсорбции» в течение 6 месяцев плюс предоставляют льготы на ипотечную ссуду, приобретение электротоваров, обучение и другие льготы. Предусмотрена ли такая «корзина абсорбции» по программе переселения в Россию?*

– Нет, подобной «корзины» программой не предусмотрено. Участникам Государственной программы и членам их семей за счет средств федерального бюджета компенсируются расходы на переезд и провоз личного имущества, на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенца. Также предусмотрена выплата «подъемных пособий», о которых я уже сказала. В регионах приоритетного заселения выплачивается ежемесячное пособие при отсутствии дохода от трудовой деятельности до приобретения гражданства. Кроме того, региональными программами предусмотрены дополнительные меры поддержки соотечественников: в отдельных регионах компенсируют часть стоимости наемного жилья, выплачивают единовременное денежное пособие, компенсируют средства, затраченные на прохождение медицинской комиссии и т.д. Вся информация есть в соответствующих региональных программах.

Владислав, 23 года: *Мне интересно, будут ли когда-нибудь включены Краснодарский край, Республика Татарстан или Ленинградская область в списки регионов для переселения? И входит ли в этом году в Программу Ростовская область?*

– В Ростовской области утверждена региональная программа переселения, и мы уже принимаем заявления об участии в Госпрограмме в данный регион. Ленинградская область разрабатывает свою региональную программу переселения; надеемся, в ближайшее время она будет утверждена. Участие Краснодарского края и Республики Татарстан в Госпрограмме пока не планируется.

Александр, 41 год: *Слишком много бюрократии в программе, пока выйбешь нужную бумажку, можно расхотеть куда-либо ехать, страшные очереди. Я как-то засомневался, наткнувшись на такие препятствия.*

– С информацией о Госпрограмме можно ознакомиться на сайте Федеральной миграционной службы (fms.gov.ru), портале для российских соотечественников «Русский век» (ruvek.ru), портале «Соотечественники» (aiss.gov.ru), региональных сайтах уполномоченных органов по труду и занятости. Вся необходимая информация об участии в Госпрограмме размещена также на сайте Посольства Российской Федерации в Республике Молдова в разделе «Государственная программа переселения», где можно ознакомиться со списком документов, которые необходимо предоставить при подаче заявления об участии в Госпрограмме. В данном разделе есть форма и образец заполнения заявления. Единственное требование к документам – отсутствие разночтения в установочных данных. Документы, составленные на иностранном языке, должны быть переведены на русский язык и нотариально заверены. Никаких дополнительных документов и «бумажек» мы не требуем.

Вероника Шатунова: *В какой регион России, кроме Москвы, я могу устроиться по моей специальности (журналист), чтобы себя обеспечить?*

– Востребована ли ваша профессия на рынке труда региона, можно узнать на сайтах служб занятости региона или на информационном сайте Федеральной службы по труду и занятости «Работа в России» (www.trudvsem.ru). Также рекомендуем связаться со специалистами региональных служб занятости, потенциальными работодателями и обсудить с ними условия работы, размер оплаты труда и т.д., и в зависимости от этого принимать решение об участии в Госпрограмме.

Ольга, 37 лет: *Слышала, что зачастую затраты на переселение и прочие расходы не компенсируются. Есть ли у переселенцев какие-то гарантии?*

– Все государственные гарантии, предоставляемые участникам Госпрограммы, на компенсацию расходов на переезд, выплату подъемных пособий и т.д., выполняются. Выплаты и компенсации расходов осуществляют только территориальные органы ФМС России, где по приезду необходимо заполнить заявления установленной формы и предоставить необходимый пакет документов (проездные документы, копии паспорта, свидетельства участника Госпрограммы, уведомления о постановке на учет по месту пребывания, реквизиты счета, открытого в банке). Вся информация о компенсации расходов, выплате подъемных пособий, а также формы заявлений и сроки их рассмотрения есть на сайтах территориальных органов ФМС России. Больше никаких инстанций проходить не придется.

– **Благодарим вас за любезно предоставленную информацию. Надеемся, она будет востребована читателями журнала.**

**Регионы Дальневосточного федерального округа
Российской Федерации, участвующие в Государственной
программе переселения**

- 1. Камчатский,**
- 2. Приморский,**
- 3. Хабаровский**
края;
- 4. Амурская,**
- 5. Магаданская,**
- 6. Сахалинская**
области;
- 7. Еврейская**
автономная
область.

КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: www.kamchatka.gov.ru

В Камчатском крае прием соотечественников осуществляется в рамках 12 проектов переселения: г. Петропавловск-Камчатский, Елизовский район, Карагинский район, Тигильский район, в т.ч. пгт.Палана, Олюторский район, Пенжинский район, Усть-Большерецкий район, Мильковский район, Быстринский район, Усть-Камчатский район, Соболевский район, Алеутский район.

Камчатский край входит в состав Дальневосточного федерального округа, расположен на северо-востоке России и занимает полуостров Камчатка с прилегающей к нему материковой частью, а также Командорские и Карагинский острова.

Климат полуострова более суровый, чем климат областей европейской части Российской Федерации, находящихся в тех же широтах, но мягче центральных и северных регионов азиатской части страны. Средняя многолетняя температура воздуха в январе составляет $-16,4^{\circ}\text{C}$, в июле $+13^{\circ}\text{C}$.

Административный центр Камчатского края – город Петропавловск-Камчатский является международным морским и воздушным портом.

Все районы Камчатского края отнесены к районам Крайнего Севера, кроме того, шесть районов – к районам проживания малочисленных народностей Севера. Вся территория края входит в перечень районов Крайнего Севера.

Ведущими отраслями экономики края являются рыболовство, обрабатывающие производства, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Естественные природные ресурсы Камчатского края чрезвычайно богаты и разнообразны: это рыбные, лесные, охотничьи, земельные, водные, рекреационные, минерально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы. Основу экономики края составляет рыболовство и переработка рыбы и морепродуктов.

Связь полуострова с другими регионами России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона обеспечивает авиационный и морской виды транспорта. Расстояние до ближайших крупных морских портов и аэропортов составляет соответственно 2 500 км (г. Владивосток) и 1 700 км (г. Хабаровск).

Востребованными профессиями в Камчатском крае являются врачи различной специализации, учителя, преподаватели детских музыкальных школ, специалисты строительных специальностей, в том числе прорабы, инженеры-строители, электрогазосварщики, электрики и др.

Первичное жилищное размещение прибывших соотечественников осуществляется в Центре временного размещения соотечественников (далее – Центр), расположенного по адресу: Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Академика Курчатова, д. 5, кв. 65.

В этих целях создан Центр временного размещения участников Государственной программы и членов их семей. Постоянное жилищное обустройство могут предоставить работодатели, имеющие собственное служебное жилье (общежитие, квартира и т.д.). Участники Государственной программы и члены их семей, прибывшие для работы в районы, расположенные в Корьякском округе, обеспечиваются жильем (квартира, дом и т.д.).

Агентство по занятости населения и миграционной политике Камчатского края

Адрес: 683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская, д. 72

Телефон: (4152) 42-48-85, 42-78-36, 41-28-45

Официальный Интернет-сайт: <http://www.kamchatka.gov.ru>

Адрес электронной почты: azn@kamchatka.gov.ru

Skype: agzankk

Отдел Федеральной миграционной службы по Камчатскому краю

Адрес: 683024, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Зеркальная, д. 49

Телефон: (4152) 41-03-37, 41-05-22

Телефон горячей линии: тел. (4152) 26-55-01

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fmskam.ru>

Адрес электронной почты: fmskam_trm@mail.ru

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: <http://primorsky.ru>

К территориям вселения Приморского края относятся: Находкинский, Артемовский, Уссурийский, Дальнегорский, Арсеньевский, Спас-Дальний

городские округа и Пограничный, Красноармейский, Анучинский, Спасский, Пожарский, Тернейский, Лазовский, Октябрьский, Спасский, Хорольский, Чугуевский, Черниговский, Яковлевский муниципальные районы.

Приморский край расположен на юге Дальневосточного федерального округа, в юго-восточной части Российской Федерации. Краевой центр – город Владивосток. На севере граничит с Хабаровским краем, на западе с КНР, на юго-западе с КНДР, с юга и востока омывается Японским морем.

Уникальность Приморья неоспорима – именно здесь встречаются таёжные и субтропические леса, Приморский край – самый южный район в зоне тайги, одновременно располагающийся в зоне субтропиков. Эти обстоятельства определяют богатство и неповторимость животного и растительного мира края, разнообразие ландшафта. Климат умеренно муссонный.

По многим параметрам экономику При-

морского края сегодня можно считать одной из самых конкурентоспособных в России. Основными богатствами края являются лес, рыба, уголь и цветные металлы. В Приморье открыт целый ряд крупных месторождений полезных ископаемых, на базе которых создана и функционирует самая мощная на Дальнем Востоке горнодобывающая промышленность. Добывающие предприятия цветной металлургии производят свинец, концентраты. Химическая промышленность представлена производством боропродуктов и серной кислоты. Развито машиностроение, судоремонт и металлообработка. В крае выращиваются зерновые и зернобобовые культуры, картофель, развито мясо-молочное животноводство, свиноводство, звероводство, пантовое оленеводство.

В крае успешно реализуются национальные и региональные проекты по селу.

Важные для края проекты – это создание нескольких особых экономических и торговых зон.

Департамент труда и социального развития Приморского края

Адрес: 690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 13

Телефон: (4232) 26-72-96, 26-78-67, 22-68-86

Официальный Интернет-сайт: <http://www.zanprim.regiontrud.ru>

Адрес электронной почты: sodef@primorsky.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Приморскому краю

Адрес: 690091, г. Владивосток, ул. ул. Пограничная, д.6

Телефон: (4232) 43-25-99

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fmspk.ru>

Адрес электронной почты: a60@fmspk.ru

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: www.khabkrai.ru

Территорией вселения является весь Хабаровский край.

Хабаровский край – один из самых крупных регионов Российской Федерации. Его площадь – 787 тыс. кв. километров, что составляет 4,5 % территории России. Территория края простирается с севера на юг почти на 1800 км, с запада на восток – до 750 км. Край омывается водами Охотского и Японского морей. Протяженность береговой линии (включая острова) – 3390 км. Край имеет общие границы с Республикой Саха, Приморским краем, Амурской, Магаданской и Еврейской автономными областями; проливы Невельского и Татарский отделяют его от острова Сахалин, а Охотское море – от Камчатского края. На юго-западе проходит государственная граница с КНР.

Климатические условия значительно изменяются как с севера на юг, так и в зависимости от характера рельефа и близости к морю. Климат континентальный с хорошо выраженными муссонными чертами. Зима продолжительная, снежная. Средняя температура января от –22 °С на юге и до –40 °С на севере, на побережье

от $-18\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $-24\text{ }^{\circ}\text{C}$. Лето на большей части территории относительно теплое и влажное. Средняя температура июля на юге $+20\text{ }^{\circ}\text{C}$, на севере около $+15\text{ }^{\circ}\text{C}$.

Численность населения Хабаровского края – 1343,3 тыс. человек, что составляет 0,9 % численности населения России.

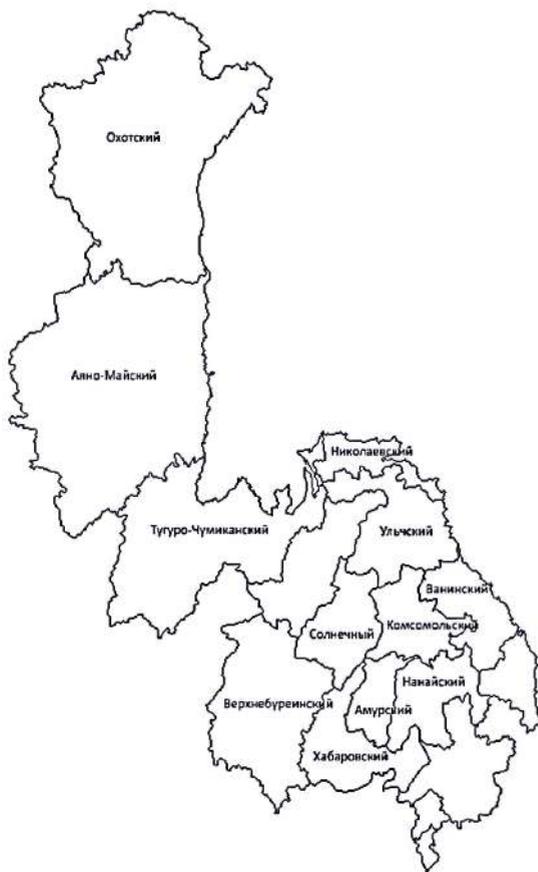
Хабаровский край является крупнейшим регионом Российской Федерации по числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В крае проживает 22,8 тыс. человек из числа коренных народов, что составляет 1,7 % от общей численности населения края. Коренные народы представлены 31 народом, из них для 8 народов (99 % от общей численности) край является исторической родиной.

Хабаровский край обладает большими и разнообразными природными богатствами – земельными, водными, лесными и другими биологическими ресурсами вод и суши, многочисленными полезными ископаемыми. Ведущими секторами хозяйственного комплекса Хабаровского края являются промышленность (20,6 % валового регионального продукта), транспорт и связь (18,8 %), торговля (13,1 %) и строительство (11 %). В промышленном производстве доля обрабатывающих секторов составляет около 60 %.

Основными отраслями специализации промышленности являются топливно-энергетический и машиностроительный комплексы, добыча полезных ископаемых, производство пищевых продуктов, нефтепереработка, металлургическое производство.

Флагманами промышленности края являются: ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение имени Ю.А. Гагарина» (КНААПО) – крупнейшее российское самолетостроительное предприятие; ОАО «Амурский кабельный завод», обеспечивающий кабельно-проводниковой продукцией предприятия различных отраслей промышленности, как на российском, так и на зарубежном рынках; ОАО «Амурский судостроительный завод» – специализированное предприятие по строительству подводных лодок и боевых надводных кораблей для Тихоокеанского флота; ОАО «Амурметалл» – единственный на Дальнем Востоке завод по переработке лома черных металлов в сортовой прокат и др.

Агропромышленный комплекс края развивается в сложных природно-климатических условиях. Более 30 % пахотных земель занимают мелиорированные земли. В практике сельскохозяйственного производства применяется как

осушение, так и орошение земель. В регионе выращивают пшеницу, овес, ячмень, гречиху, рис, просо, кукурузу, сою, коноплю, лен, сахарную свеклу, подсолнечник, картофель, капусту, помидоры, огурцы, тыкву, морковь, лук, чеснок, яблоны, кормовые. В животноводстве преобладают скотоводство, свиноводство, оленеводство, птицеводство.

С развитием экономики, созданием рабочих мест увеличивается количество вакансий, край испытывает недостаток трудовых ресурсов. Наиболее востребованы на рынке труда Хабаровского края специалисты рабочих профессий: операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики, плотники, бетонщики, штукатуры, каменщики, работники сферы обслуживания (повара, продавцы непродовольственных товаров и др.), средний медицинский персонал. В связи с развитием отрасли жилищно-коммунального хозяйства возросла потребность и в работниках сферы обслуживания ЖКХ.

В рамках региональной программы переселения участникам Государственной программы оказывается содействие в профессиональной переподготовке (переобучении) и повышении квалификации. Оказываются услуги по встрече и временному размещению в центре временного размещения соотечественников (г. Хабаровск) до отбытия на выбранную участником Государственной программы территорию вселения.

**Комитет по труду и занятости населения Правительства
Хабаровского края**

Адрес: 680021, г. Хабаровск, Станционный пер., д. 21

Телефон: (4212) 73-87-59, 73-87-52

Официальный Интернет-сайт: <http://www.uprzan.khv.ru>

Адрес электронной почты: dfgszn@sz.khv.ru

**Управление Федеральной миграционной службы
по Хабаровскому краю**

Адрес: 680003, г. Хабаровск, ул. Дзержинского, 46а

Телефон: (4212) 31-61-58

Официальный Интернет-сайт: <http://www.ufms-khv.ru>

Адрес электронной почты: ufmshbk@mail.ru

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.amurobl.ru

В состав проекта переселения «Амур» включены 7 городов (Благовещенск, Белогорск, Зея, Райчихинск, Свободный, Тында, Шимановск), 1 поселок городского типа (пгт. Прогресс) и 20 муниципальных районов (Архаринский, Белогорский, Благовещенский, Бурейский, Завитинский, Зейский, Ивановский, Константиновский, Магдагачинский, Мазановский, Михайловский, Октябрьский, Ромненский, Сво-

бодненский, Селемджинский, Серышевский, Сквородинский, Тамбовский, Тындинский, Шимановский).

Амурская область – это один из крупных субъектов Российской Федерации, занимающий пограничное положение на большом протяжении с Китайской Народной Республикой. Протяженность границы составляет почти 1250 км.

Амурская область расположена в умеренном тепловом поясе. Климат континентальный с муссонными чертами. Средняя температура воздуха колеблется с юга на север от +20,7 °С до +17,6 °С в июле и от –27,6 °С до –32,8 °С в январе. Зима сухая и малоснежная.

В области имеется возможность трудоустройства всех желающих, в том числе участников Государственной программы и членов их семей. Особенно востребованы специалисты в области здравоохранения, образования, строительства. Также имеется возможность занятия предпринимательской деятельностью и агропромышленным производством.

С 2010 года в области активно строится социальное жилье.

Для участников Государственной программы и членов их семей в рамках настоящей программы предполагается предоставление следующих мер социальной поддержки: выплата единовременного пособия на обустройство; компенсация стоимости обязательного медицинского освидетельствования, необходимого для оформления правового статуса на территории Российской Федерации; компенсация расходов на обучение лицам, получившим медицинскую и фармацевтическую подготовку в иностранных государствах, для получения сертификата специалиста.

Жилищное обустройство участников Государственной программы возможно путем приобретения жилья за счет собственных средств, а также путем аренды жилья у частных лиц. Временное жилищное обустройство возможно в гостиницах и общежитиях, расположенных в территориях вселения, а также в Центре временного размещения в г. Шимановск (для прибывающих именно в г. Шимановск).

Министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области

Адрес: 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 135

Телефон: (4162) 22-44-18, 22-44-02

Официальный Интернет-сайт: <http://www.amurobl.ru>

Адрес электронной почты: yakimenko@vst.amurobl.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Амурской области

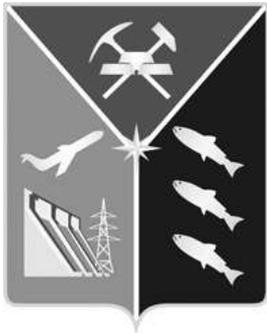
Адрес: 675000, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Горького, д. 139

Телефон: (4162) 51-99-17

Телефон горячей линии: (4162) 52-42-69

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fmsamur.ru>

Адрес электронной почты: sbip@fmsamur.ru

МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: <http://www.magadan.ru>

Вся территория Магаданской области является территорией вселения и отнесена к территориям приоритетного заселения.

Магаданская область расположена в северо-восточной части Российской Федерации и граничит с юго-восточной стороны с Корякским АО, с западной – с Хабаровским краем, с северо-западной – с Республикой Саха (Якутия), с северо-восточной – с Чукотским АО. Сухопутные границы проходят по горным районам. Южная граница Магаданской области – морская (по Охотскому морю) со странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна.

Территория Магаданской области является уникальной по обилию не обычных форм рельефа, рек, озер, редкому сочетанию видов растений и животных и их сообществ.

Преобладающий характер рельефа территории – горный ландшафт (горы и плоскогорья с высотами от 500 до 2500 м). Здесь находятся геологические объекты: горные системы хребтов Верхоянского и Черского, нагорье Колымское.

Климат области формируется в условиях сравнительно высоких широт и резких контрастов суши и Охотского моря. В целом климат континентального типа в центральных районах области и муссонного – в её прибрежной части. Внутренние районы области характеризуются резко континентальным климатом с очень морозной зимой, тёплым летом и малым количеством осадков. Климат прибрежных районов отличается более тёплой зимой и прохладным летом с сильными ветрами и туманами. Зимой в континентальных районах.

Регион располагает наличием уникальных факторов для развития отдельных направлений туристической отрасли: экстремального, экспедиционного, рыболовного, спортивного и других видов активного отдыха. К рекреационным ресурсам области относится также наличие условий, отвечающих требованиям Международной федерации горнолыжного спорта для развития этого вида спорта: продолжительный период снежного покрова и близость областного центра к весьма благоприятным для занятий горнолыжным спортом сопкам.

Акватория северной части Охотского моря, примыкающая к территории Ма-

гаданской области, относится к наиболее высокопродуктивным районам мирового океана, разведанные запасы рыб, беспозвоночных и водорослей составляют почти четверть запасов в российских дальневосточных морях.

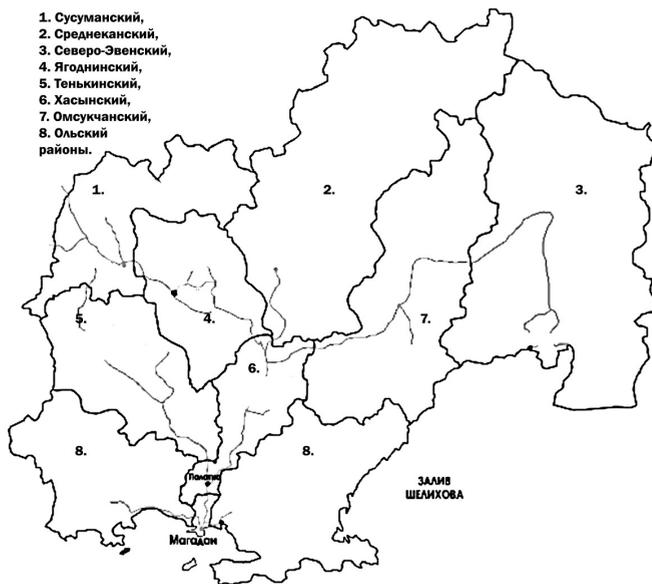
Экономика Магаданской области опирается на три отрасли, формирующие более 95% промышленного производства: добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии и воды, производство пищевых продуктов. Незначительно развито металлургическое производство (в основном представленное производством цветных металлов), строительство, химическое производство, сельское хозяйство.

Административным центром Магаданской области является город Магадан, который расположен в северной части Охотского моря, имеет выход в бухты Нагаева и Гертнера. В бухте Нагаева размещается крупнейший на северо-востоке России морской торговый порт. В городе имеется аэропорт для внутренних и международных авиалиний.

Ряд перспективных инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Магаданской области, имеет поддержку на федеральном уровне: финансируется строительство объектов инфраструктуры (энергетики и транспорта), налаживаются механизмы государственно-частного партнерства в отношении реализации проектов, направленных на использование минерально-сырьевых ресурсов области, в том числе по освоению Яно-Колымской золоторудной провинции.

На территории области гарантируется возможность получения образования, общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Первичное размещение участников Государственной программы и членов их семей предполагается в центре временного проживания, создание которого планируется осуществить в ближайшее время. До создания центра временного проживания для размещения переселенцев планируется наем жилого помещения с последующей компенсацией из средств областного бюджета расходов на основании договора коммерческого найма (до трех месяцев), а также размещение в гостиницах города Магадана.

Постоянное жилищное обустройство на территории Магаданской области предполагает содействие приобретению жилья за счет ипотечных кредитов (оплата первоначального взноса по ипотечному кредиту, компенсация покрытия разницы между процентной ставкой кредитной организации и 8 %, предоставляемой участнику Государственной программы в течение одного календарного года с момента заключения договора ипотечного кредита).

Кроме того, возможно выделение земельных наделов для строительства индивидуального жилья и ведения хозяйства всем желающим соотечественникам.

Министерство труда и социальной политики Магаданской области

Адрес: 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 8

Телефон: (4132) 62-62-00, 62-04-48

Официальный Интернет-сайт: <http://www.magadan.regiontrud.ru>

Адрес электронной почты: MintrudMO@49gov.ru, mfzan@mgdn.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Магаданской области

Адрес: 685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, д. 39, корпус 2

Телефон: (4132) 69-62-31, 8-924-691-10-28, 8-914-853-15-43

Телефон горячей линии: (4132) 69-63-12

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fms-magadan.ru>

Адрес электронной почты: fms_magadan@maglan.ru

САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.admsakhalin.ru

Территорией вселения является вся Сахалинская область.

Сахалинская область – единственный субъект Российской Федерации, расположенный на островах, омываемых водами холодного Охотского и теплого Японского морей,

а также Тихого океана.

Сахалин – один из крупнейших островов России, протянулся с юга на север на 948 километров. Климат острова Сахалин формируется под влиянием муссонов умеренных широт, системы морских течений и особенностями рельефа, и отличается холодной сухой зимой и теплым влажным летом.

Степень благоприятности климатических условий для хозяйственного освоения и проживания населения увеличивается по мере продвижения с севера на юг и с запада на восток острова.

Перспективы развития Сахалинской области базируются на реализации инвестиционных проектов в рамках федеральной адресной инвестиционной программы и федеральных целевых программ, областной адресной инвестиционной программы и областных целевых программ.

Приоритетным направлением является строительство детских дошкольных

учреждений. Ведется строительство и реконструкция социально значимых медицинских учреждений, что позволяет улучшать качество медицинских услуг, предоставляемых населению, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи.

Позитивное влияние на состояние рынка труда Сахалинской области оказывают реализация инвестиционных программ крупными компаниями, активизация инвестиционной деятельности в традиционных отраслях региональной экономики, выполнение мероприятий федеральных и областных целевых программ, а также осуществление системы мер по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства.

Основным направлением оказания медицинской помощи жителям области является приоритетное развитие амбулаторно-поликлинической и стационарозамещающей помощи.

Совершенствуется система оказания неотложной медицинской помощи путем создания кабинетов неотложной помощи в государственных учреждениях здравоохранения Сахалинской области.

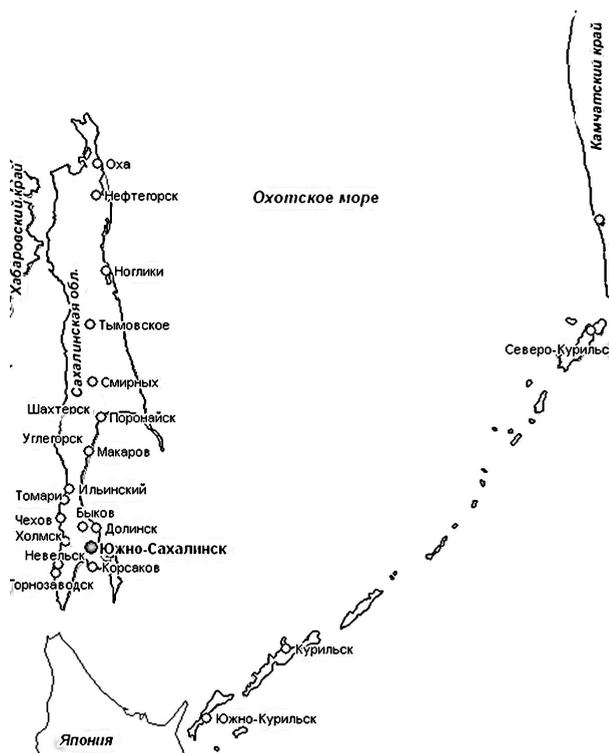
Основную динамику освоения инвестиций по Сахалинской области определяет деятельность предприятий, занятых в сфере добычи нефти и газа, доля которых в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет более 60 %.

В перспективных планах в области развития рыбохозяйственного комплекса в Сахалинской области имеются проекты по развитию воспроизводства водно-биологических ресурсов. Базовыми направлениями являются создание морского биотехнопарка в Сахалино-Курильском бассейне и строительство лососевых рыбодобывающих заводов в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007–2015 годы».

География проекта предусматривает размещение основных и вспомогательных производств на территории 7 муниципальных образований.

Ключевыми направлениями в транспортном комплексе являются строительство и модернизация объектов гражданской авиации, морского транспорта и дорожного хозяйства.

В рамках региональной программы переселения предусмотрены дополнительные гарантии за счет средств областного бюджета: организация профессионального обучения или дополнительного профессионального образования участ-

ника Государственной программы и членов его семьи; компенсация части расходов участникам Государственной программы, прибывшим в Сахалинскую область из-за рубежа, на временное размещение на период не более 6 месяцев в объемах и на условиях, предусмотренных региональной программой переселения; размещение в служебном жилье, предоставляемом по решению работодателя на безвозмездной основе; компенсация стоимости обязательного медицинского освидетельствования, необходимого для оформления правового статуса на территории Российской Федерации.

**Агентство государственной службы занятости населения
Сахалинской области**

Адрес: 693000, Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск,

ул. Дзержинского, д.40

Телефон: (4242) 43-02-34

Официальный Интернет-сайт: <http://agszn.admsakhalin.ru>

Адрес электронной почты: a.andrienkova@admsakhalin.ru

**Управление Федеральной миграционной службы
по Сахалинской области**

Адрес: 693001, Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск, пр. Мира, д. 56/6

Телефон: (4242) 78-02-44

Официальный Интернет-сайт: <http://www.sakhfms.ru>

Адрес электронной почты: mail@sakhfms.ru

ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.eao.ru

Территорией вселения является вся Еврейская автономная область.

Еврейская автономная область расположена в южной части российского Дальнего Востока. На западе граничит с Амурской областью, на востоке – с Хабаровским краем, на юге ее граница по реке Амур совпадает с государственной границей России и Китая.

Область имеет выход в моря Тихого океана через Амурский водный путь.

Область относится в основном к зоне достаточного увлажнения. Зима мало-снежная и холодная, лето теплое и влажное. В целом климатические условия области благоприятны для культивирования разнообразных сельскохозяйственных культур.

Территория, составляющая более 36,3 тыс. кв. км, делится на две примерно равные части: горную и равнинную. Область обладает разнообразными природными ресурсами, достаточным пространством сельскохозяйственных угодий и развитой транспортной инфраструктурой.

С 2008 года в Октябрьском районе области предприятием с иностранными инвестициями ООО «Хэмэн – Дальний Восток» реализуется проект по освое-

нию рудника «Поперечный» по добыче и обогащению железомарганцевых руд на Южно-Хинганском месторождении со строительством фабрики.

В приграничных с КНР районах области в с. Пашкове Облученского района, с. Нижнеленинское Ленинского района реализуются проекты по глубокой переработке леса, заготавливаемого как в ЕАО, так и в соседних регионах. Предприятия планируют производить – паркет, ламинатную доску, мебель и другие изделия.

В агропромышленном комплексе необходимо привлечение дополнительных трудовых ресурсов. В настоящий период к числу дефицитных профессий относятся такие специальности как рабочие, занятые в сфере растениеводства, в том числе трактористы-машинисты, водители, растениеводы и животноводства, в том числе операторы машинного доения, работники животноводческих комплексов по выращиванию и откорму скота.

Для дальнейшего подъема экономики автономной области, повышения инвестиционной привлекательности, развития малого и среднего предпринимательства и сельскохозяйственного производства область нуждается как в высококвалифицированных специалистах, так и в квалифицированных рабочих.

Во всех районах области имеется потребность в квалифицированных трудовых ресурсах, которую частично можно удовлетворить за счет трудоустройства соотечественников, проживающих за рубежом. Организациям требуются специалисты сельскохозяйственного производства, социальной сферы – врачи и учителя. Облученский район испытывает также дефицит рабочих и инженерно-технических кадров горнодобывающей и перерабатывающей промышленности.

В рамках региональной программы переселения предусмотрено оказание содействия участникам Государственной программы в проведении бесплатного медицинского освидетельствования для оформления правового статуса на территории вселения автономной области, а также в проведении переаттестации ученых степеней, нострификации дипломов и других документов об образовании.

Управление по внутренней политике Еврейской автономной области

Адрес: 679016, г. Биробиджан, проспект 60-летия СССР, д.18

Телефон: (4262) 22-22-08, 22-04-65, 22-30-94

Официальный Интернет-сайт: <http://www.eao.ru>

Адрес электронной почты: pr@post.eao.ru, uvsr@post.eao.ru

Отдел Федеральной миграционной службы по Еврейской автономной области

Адрес: 679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, д. 6а

Телефон: (4262) 26-29-05

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fmseao.ru>

Адрес электронной почты: ma_taiorova@fmseao.ru

